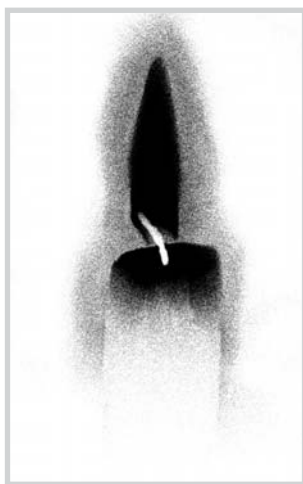

КРОО Русской культуры «Русский Север»

**О раннем периоде
жизни и творчества
Василия Фирсова**

Составитель
Дмитрий Москин

Петрозаводск
2012

УДК. 821. 161. 1. 0

ББК. 83.3 (2 Рос.Кар) 6-8 Фирсов

011

О раннем периоде жизни и творчества
Василия Фирсова /
КРОО Русской культуры «Русский Север» ;
сост. Дмитрий.Москин. — Петрозаводск
: (б.и.), 2012. — 156 с. : ил.
В кн. также: Время собирать картошку /
Яна Жемойтелите.

Авторы иллюстраций: Н.В.Трухин, Т.П.Лутовинова.

Авторы фотографий: Д.Н.Москин, И.Ю.Георгиевский, А.И.Байер.

Во второй книге, посвящённой писателю-сказочнику Фирсову (первая вышла в 2011 году) представлены разного рода ранее не публиковавшиеся материалы, касающиеся его жизни и творчества. В книгу включена также пьеса Яны Жемойтелите «Время собирать картошку», созданная по мотивам сказок Фирсова.

Спонсоры книги: Творческая организация «СовНарКом», Э.Григорян, Д.Москин, А.Байер, П. Ануфриев.

ISBN

© Д. Москин, 2012

Свет углового окна

Памяти писателя-сказочника
Василия Фирсова

*В подвальном углу неуютном
Со временем спорить он мог,
Но в городе многолюдном
Нередко бывал одинок.*

*Знал нужды простого народа,
И бедствовал сам до седины,
Потомок крестьянского рода,
Родной вологодчины сын.*

*Довольствуясь скромным успехом,
Он сказы писал без прикрас.
И слово, то брызгало слухом,
Что в нём появлялся сарказм.*

*В редакцию шёл для прогулки
И ради живого словца
В своей ширпотребовской куртке,
В кеппонке того ж образца.*

*И встречный, на время в обиде,
Стакан опрокинув с утра,
В нём мастера слова не видел,
Скорей признавал маляра.*

*Он шёл отрешённой походкой,
Неужный, порой, никому,
И мир из превратностей соткан,
Был сам равнодушен к нему.*

Иван Костин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предыдущий сборник «Материалы к биографии Василия Фирсова», изданный к 60-летию со дня его рождения в 2011 году, вобрал в себя как литературные материалы писателя, так и воспоминания о нём, преимущественно людей, знавших Фирсова в «сказочный» период его жизни (1984–2010-е годы) в Петрозаводске.

Данная книга даёт представление о раннем «деревенском» периоде жизни и творчества Фирсова (1951–1984-е годы). Она родилась благодаря новым архивным материалам, представленным сёстрами писателя Фокиной Валентиной Васильевной и Локтевой Раисой Васильевной, в том числе найденным в доме семьи Фирсовых в деревне Нижняя Водлица.

В книге используются фрагменты дневника, который Василий Николаевич вёл в течение восемнадцати лет (1975–1993 гг., 722 стр., четыре «общие» школьной тетради). С его помощью можно проследить путь становления Фирсова, как писателя.

Особо ценной частью книги является пьеса писательницы Яны Жемойте-лите «Время собирать картошку», созданная по мотивам сказок Фирсова.

Дмитрий Москвин

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ. 1973–1988 ГОДЫ

- 1973** Начало писательской деятельности
- 1975** Смех (этюд). Газета «Красное знамя». В отпуске. Лёшка. Почтальонша. Вовка-гипнотизёр. Как мы со Стаськой места уступали. Альманах «Зорька». 1989. Двадцать пять рублей. Федотыч. Мужчина. У камня.
- 1976** Коля Полубабкин. Нулевой цикл. Николай Рубцов. Стихотворение. Элегия. Газета «Красное знамя». Облако. Кинолог. Газета «Красное знамя». 1980. Суточники. Повесть. Журнал «Север». №9.1982. На вокзале. Федя Коровушкин. Журнал «Север». №12. 1979., «Поздравление». 1988. Олег и Лёшка. Неземная любовь. Солнце село в тучу. Юмореска. Хитрецы. Юмореска. Газета «Красное знамя». Лещ. Газета «Красное знамя». Не та нога. Юмореска. Газета «Красное знамя».
- 1977** Случайность. Степаныч. Газета «Красный север».
- 1978** На родимщине. Повесть. За компанию. Сказка.
- 1981** Экипаж. Забуксовал. Витька Шевардин. Зря или не зря. Журнал «Север».1982. «Поздравление». 1988.
- 1982** Поздравление. «Поздравление». 1988. На чём душа держится. Авдей Шароглазов. (Злой Авдей). Газета «Красное знамя». 1986.
- 1983** Тычки-мотычки. Журнал «Север». №9. 1983., «Поздравление». 1988. Удивительно серьёзный Подключников. Кража. Повесть. «Поздравление». 1988.

Киносценарий по рассказам В.Шукшина «Обида» и «В профиль и анфас».

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

В архиве Фирсова хранится много отзывов за разные годы на посылаемые им произведения в газеты, журналы, издательства...

«Фирсов — человек одарённый, тонко чувствующий народный язык, умеющий в нескольких словах нарисовать живую картину»

О рукописи «На родимщине».

«Написана повесть неровно, местами даже нарочито затянуто, с «пробуксовкой...»

О повести «Суточники».

«...рассказы свидетельствуют о бойкости пера автора, грамотности в смысловании русского языка... и о весьма поверхностном подходе автора к своей литературной работе».

О сборнике рассказов «Тычки — мотычки».

«Прозе Фирсова, его рассказам, в первую очередь, присущи музыкальность и лиричность, раздумчивость и стремление докопаться до самых тонких движений души...»

«Язык у В.Фирсова хорош: ярок, убедителен, но прост и без всяких излишеств, без признаков «сделанности» или вымученности. Это хорошо «отредактированный» язык народа, каким он и должен быть в художественной литературе...»

О рукописи «На родимщине».

«...Вы всё же не дотянули до уровня, скажем, образов Василия Белова. Тот так «подаёт своих героев, что, как бы весело ни становилось читателю от народных баск, притчей, от самих житейских ситуаций, он постоянно глубоко задумывается, обращаясь к собственной памяти, размышляя о настоящем и будущем...»

О рассказах

«Наша молодая проза, как и должно быть, многообразна. Одни авторы, тщаь поразить воображение читателя, вышивают свой узор словесными шелками (зачастую искусственными), другие, желая во что бы то ни стало выглядеть очень современными, хватаются за стилистическую синтетику, а третьи, наиболее одарённые из них, неторопливо расстилают свои повествования, словно добрый лён. Пусть случаются при расстиле и огрехи, но это всё-таки лён, пахнувший землёй и небом, крепкий от волокон самой жизни.

Василий Фирсов. По-моему, именно из этого ряда молодых прозаиков»

Эту последнюю рецензию написал в 1980 году ответственный секретарь Вологодской писательской организации А.Романов. После областного семинара молодых авторов, посвящённого памяти Николая Рубцова, проходившего в Вологде 25-26 сентября, Фирсова заметили, поддержали, советовали, как доработать представленную им на семинаре рукопись, как готовить заявку на издание в Северо-Западное издательство в городе Архангельске.

ФЕДЯ КОРОВУШКИН

1

— Мужики, Коровушкин идёт! — крикнул Степан Раков, кивая головой в сторону дороги. Дружный перестук топоров стал медленно стихать. Плотники, сидевшие на углах строящегося свинарника, запоглядывали на дорогу, лица их повеселели, расслабились. По дороге, что тянулась мимо свинарника, неторопливой, падающей походкой шёл Федя Коровушкин.

Поравнявшись с мужиками, Федя махнул приветственно рукой, закричал:

— Бог помощь, плотнички-рабочники!

— Спасибо, Федя, спасибо, — загомонили мужики и, слезая вниз, стали подсаживаться на брёвна, хлопать по карманам, закуривать. — Ты заходи к нам-то, заходи. Посидим, покурим.

Федя свернул с дороги, приблизился.

Был он высокого роста, худой, потешно-угловатый, в красной, дотла выгоревшей рубахе и сельповских — в полоску — штанах. На стриженной «под польку» голове примостилась кепка не кепка, а какая-то накидуха с длинным козырьком, над которым веером блестят на солнце многочисленные рыболовные крючки, торчит якорёк с красным лоскутком. Лицо у Феи лукаво-добродушное, безобидное, с длинным смешноватым носом, и каждому, кто видел Фею, всегда почему-то хотелось подойти и, взяв за козырёк кепки, натянуть ее на глаза хозяину...

Федя сел на окорённое смолистое бревно, не заботясь о том, что можно и прилипнуть, вытянул правую ногу и полез в карман за куревом. Но сидящий рядом Боря Обухов, ещё молодой, длиннотелый мужик, торопливо протянул ему свой «беломор». Федя выудил папиросу, дунул в мундштук.

— Ну дак как, братцы-кролики, работа идёт? — спросил он, вытягивая левую ногу — достать спички. Но и тут его упредили. Степан Раков уже подносил свой волосатый кулак, над которым робко трепыхался огонёк зажигалки.

— Работа идёт, — отозвался на его вопрос бригадир Никита Маляров. — Что ей не идти? А ты куда навострился?

— Да на телятник. Баба приказала прийти, воду закачать да навозишко приубрать. Вот туда и держу курс.

— Баба у тебя — бойкая баба, сказал Степан Раков. — Каши во рту не держит. Уж на что моя языкатая, а твоя дак чище моей. Этта зашёл я к тебе в Илью с бутылкой, думаю, выпью с суседом, всё-таки какой-никакой, а праздник. Зашёл — дак не знал, как и выйти. Как пошла, пошла: «Гопники вы, говорит, пьянчужки вы, и жаба-то вам не сядет, глотки вы ненасытные. Люди, говорит, все на сенокос убежавши, а вы вино собираетесь пить!» Гляжу, за ухват схватилась. Я — в двери да бежать. Не надо и вина. Живо ноги нашёл. Ты-то тогда где был?

— Зря заходил, — с улыбкой ответил Федя. — В Илью я жерди тюкал на Яшовщине. А баба у меня строгая. Решительная баба, — добавил Федя таким голосом, что было непонятно, осуждает он свою жену или говорит с похвалой.

— Не баба, а Наполеон в юбке, — заключил Степан и цвиркнул слюной далеко в сторону.

В это время поблизости раздалось хрюканье. К мужикам, вода носом по земле, приближался небольшой, сытый поросёнок. Он смело вошёл в круг и, выбрав почему-то Федю, стал тыкаться розовым пятком в запыленный носок ботинка.

— Ишь ведь. Дрючок, — сказал Федя. — Откуда он припёрся-то? Никита, не твой это низкоглазик?

— Нет, это не мой. Это вроде бы Нюрки Хваталовой, у той вечно догляды нет: то овцы до полуночи бегают, то поросёнок усвишет, а ей хоб что. Нехозяйственная баба, — заключил Никита и, помолчав, добавил: — А это не мой, у меня поматерей будет, да и у моего на правом ухе чернильное пятно посажено, чтоб, значит, не спутаться.

— Погоди, погоди, погоди! — неожиданно закричал Боря Обухов. — Да ведь это, кажись, наш поросёнок! Ну-ко, ну-ко. Точно, наш! Ах ты, шмакодавка ты, едрит твою качалку! — Боря хлётко ладонью ударил поросёнка по спине. Тот взвизгнул и бросился бежать. Боря — за ним.

— Под машину охота попасть, а?! — кричал Боря. — Под машину охота?! Ну-ко бегом домой! Чтобы глаза мои тебя больше не видели!

Подхватив с земли батожину, Боря завернул поросёнка, побежавшего было к реке, на дорогу и с матерями погнал его в деревню. Мужики, посмеиваясь, смотрели на эту сцену.

— Собрался я как-то на рыбалку, — заговорил Федя после некоторого молчания. — Ну и Борю позвал с собой для компании. Пойдём, говорю, Боря. По варьке хоть наудим. Пойдём, говорит. Накопали червей, взяли удочки, пошли, пришли на одно место, удочки закинули, сидим, на поплавки глядим; я тут, а Боря повыше немного, за кустами. Прошло эдак с полчаса — поплавки как неживые. И разу даже не тыкнуло. Ну а Боря — рыбак известный, за полчаса три места сменил, а я сижу. Упорно сижу. И досидел! Гляжу: поплавок лёг, собака! Ладно. Пошёл в сторону. В сторону, в сторону — я терплю. Гляжу: вглубь поплёр, тянуть надо. Дёрнул я, чувствую: зацепилась. Здор-овая! Я даже растерялся немного: леска-то тоненькая, и крючок не ахти какой. Я удивил-то на себя, на себя, добрался до лески, тяну тихонечко. Подтянул — лещ! Дал я воздуху ему схватить, а берег-то высоковат, не взять на подъём, леска не выдержит. Что делать? «Боря, — тихонечко кричу. — Боря, помогай!» Слышу, кусты затреща-

ли, бежит боря. Прибегает: что, Федя, что? Помогай, говорю, как-нибудь, гляди, какая плаха. Боря леща-то увидел, за голову схватился да как заорёт: «Только напололам, только напололам!» Да помогай ты, едрит твою на печь, я-то шиплю. Где там! Гляжу. Боря совсем ошалел, скачет как козёл, не знает, что делать, за что схватиться. Ну а лещ не стал долго любоваться — ка-ак рванёт! Леска — теньк! И поминай как звали. Боря аж за сердце схватился. «Федя», — только и сказал. Эх ты, говорю. Теперь бери хоть целого, не жалко.

— «Только напололам», — повторил Федя, переждав смех, и падкие на весёлое мужики снова зарёготали, закрутили головами.

— Чего горгочете-то? — неожиданно послышался голос Бори Обухова. Боря подошёл незамеченным, и его вопрос вызвал новый взрыв смеха.

— Да вот рассказывал мужикам, как мы третьево дни с Егором Матвейчем в магазине старух перехитрили. Тебе-то рассказать?

— Спрашиваешь! Конечно, расскажи.

— Ну, значит, время, мужички, было эдак полдесятого утра. А выпить захотелось — ну прямо невмочь, да тут ещё баба упряжку дикую пилила. Тоска. Побежал я в сельпо. Захожу и вижу: дело не уха. Стоит с десяток старух, и все, как на грех, самые отчаянные, вроде бабки Карачихи, попробуй попроси — заклюют. Но я всё-таки не теряюсь: а вдруг Матвейч выручит. А старухи ско-са поглядывают: что буду делать. Я подошёл тихонечко к прилавку и на Матвейча — зырк эдак жалобливо. Мол, выручай, друг. А Матвейч кричит: «Нельзя, Федя, нельзя. До одиннадцати не имею права». Я не сдаюсь, стою, вздыхаю, а Матвейч опять кричит: «Посмотри-ка лучше, Федя, пальта. Пальта уж больно хорошие, может, надумаешь взять». Пальта мне, ясно, не нужны, но тут вижу, глаз у Матвейча эдак чуть-чуть подморгнул. Эге, думаю, так-так, маневр понятен. И прямым ходом в другой конец. Где промтовары. Подошёл к вешалке, смотрю на бирки, читаю, какая фирма, какой размер, сколько стоит, а сам правой рукой по карманам — р-раз. В первом нет. Я — во второй. То же нет. Я — к третьему. Только руку сунул: ага! Вот она, родная, ласкается. Куртку снял, пальто примерил, бутылку — чвык, под рубаху. Матвейч кричит: «Ну что, Федя, берёшь пальто-то?» Великовато, говорю, Матвейч, великовато. Поменьше-то, говорю, нет? «Поменьше, парень, нет». Ну, нет так нет, не умрём. Я пальто на вешалку, куртку на себя, подошёл к прилавку, повздыхал, потом повернулся и — скорей на улицу. Только меня и видели.

— Го-го-го! Га-га-га! — на все лады смеялись мужики.

— Великовато, говоришь, пальто-то? — закися от смеха, переспрашивал Боря Обухов.

— Великовато, говорю, великовато.

— Коричневые пальта-то? Что налево-то висят?

— Эти самые.

— Знает Матвейч, куда сунуть. Эти балахоны уже который год висят, и никто их не берёт.

— Ушлый мужик.

— Парень ещё тот есть, то-от.

— Да вот архаровцы-то! Пальто им, вишь, великовато...

— Дак ты воду-то качать думаешь или не думаешь?

Решительный, не предвещающий ничего хорошего голос прервал на полуслове очередной рассказ Феди Коровушкина. В двух шагах от мужиков стояла Авдотья, Федина жена.

На минуту воцарилось молчание.

— Дак это...— Федя, пытаясь скрыть смущение, глуповато улыбнулся, почесал затылок и неожиданно сказал: — Река-то, Авдотья, далеко, да и ... лодка на той стороне.

Брови у Авдотьи удивлённо вскинулись вверх.

— Чего, чего? — спросила она и ступила вперёд.

Федя проворно поднялся на ноги.

— Навозу-то, говорю, много там накопилось?

— Ты иди воду закачай сначала, а потом про навоз спрашивай. Лодка на той стороне... Ишь, выдумает. Живо марш на телятник!

— Ну, иду, иду, господи! Сама не своя поругаться-то...

Но Авдотья уже не слушала его. Она уже шагала в сторону телятника, откуда ясно доносился требовательный телячий мык.

Федя шумно, прерывисто вздохнул, поправил накидку на голове и не спеша поскоблил вслед за Авдотьей.

— А забавный мужик, этот Федя, — покрутил головой Боря Обухов и, смачно сплюнув, добавил с оттенком восхищения: — Эти его капусту!

— Да, с Федей не заскучаешь, согласился Степан Раков.

— Не заскучаешь, это так, — согласились и другие мужики.

Только Никита Маляров ничего не сказал. Он смотрел на удаляющуюся фигуру Феди Коровушкина, и взгляд его был пристальным, вроде бы даже задумчивым.

Федя был дважды ранен на фронте и сейчас получает небольшую пенсию. Но на колхоз свысока не смотрит. Присматривает за лошадьми, которых в бригаде осталось лишь три хвоста, помогает Авдотье на телятнике, излаживает дровни, топорщица, ратовища к вилам и лопатам, метлы и тому подобную мелочь. Не сидит, в общем, без дела.

Живёт Федя вдвоём с женой. Было время, когда семейный горшок у Феди кипел вовсю, но дети — пятеро — выросли, разъехались и, обзаведясь семьями, насподобляли Феде кучу городских, беспомощных внучат.

Из живности у Феди была корова Марта, шесть-семь овец, с десятков кур да кот Филька, великий проказник и балбес. Чуть ли не каждый день этот балбес приносил в зубах бездыханных пичужек и старался съесть их обязательно на глазах хозяина. С мышами же Филька жил по принципу мирного сосуществования, и Федя после долгих и мучительных колебаний пришёл наконец к выводу, что не оправдавшего надежд кота придётся ликвидировать. Мягко-сердечный по природе, Федя долго раздумывал, как «погуманней» отправить Фильку на тот свет, но ничего такого не придумывалось. Помог случай. Зашёл к Феде как-то сосед Антип Грачёв и, узнав, в чём дело, посоветовал применить проверенный способ: сунуть кота в мешок и сесть на него. «Минут

через десять можешь зарывать», — заверил он Федю и, посидев немного, ушёл. Федя так и сделал: сунул кота в мешок и сел на него. Но тут-то и вышла у Феди промашка. Мешок оказался дырявым, и Филька, почувствовав приближение смерти и оттого сделавшийся отчаянным, изловчился, просунул лапу в дыру и с такой силой цапнул Федю за одно известное место, что Федя, дико заорав, взвился чуть ли не до потолка. А Филька, выпутавшись из мешка, пулей вылетел на улицу и с неделю не показывался на глаза хозяину.

После этого случая Федя дня три ходил медленно, «врасширяногу». А на вопросы односельчан относительно его странной походки отвечал, что жеребец, «молокосос необкатанный», лягнул его в пах.

— И какая его муха укусила, чертяку, — рассказывал Федя уже в который раз. — Никогда и хвостом не задевал, а тут — на тебе — шваркнул копытом, дак я едва из стойла выполз.

Федю сочувственно выслушивали, качали головой, вздыхали, но стоило ему отойти, как всех начинало трясти от смеха, и долго ещё в местах, где бывал Федя, слышались мужицкое ржание и бабьи хохотки. Истинная причина необычной Фединой походки была, оказывается, известна всем, но местные шутники не упускали случая лишний раз посмеяться над Федей. Федя и сам догадывался, что его разыгрывают, но принимал это с добродушной улыбкой, говоря только: «Да вот дерганцы-то».

Федя обладал той особенностью рассказчика, что мог по каждому, даже ничтожному поводу «припомнить» весёлый случай из своей жизни. Прошла, к примеру, баба за водой, и Федя рассказывает, как он однажды перешёл через реку, сунув ноги в пустые ведра.

Когда Федя рассказывает, он выбирает наиболее внимательного слушателя и смотрит не мигая прямо ему в глаза. Если слушатель начинает отворачиваться, Федя берёт его за рукав, тянет потихоньку к себе, мол, гляди и ты мне в глаза, я не вру, всё правда. Если тот продолжает смотреть мимо, Федя прекращается на другого, и теперь уже другому приходится выдерживать натиск немигающих, правдивых Фединых глаз.

Небо над головой постепенно густеет, горизонт подёргивается серой пеленой, высвеченной поверху жёлтыми, длинными мазками. За домами, в поле, зарождается лёгкий туман, а вдаль, у леса, туману уже скопилось порядочно, и кажется, что это озерцо появилось и по нему плавают тёмные шапки столов. Деревья стоят неподвижно, и на фоне неба всё резче обозначаются, темнеют листья. Мало-помалу замолкают все звуки, уступая место тёплой деревенской тишине. И запоздалое мычание чьей-то недоенной коровы, и писк высокой ласточки, и стригущие вечерний воздух кузнечики — ничто не нарушает эту тишину, наоборот, даже подчёркивает её.

Не нарушает её и весёлый смех, что раздаётся возле почты, на бугристой поженке-лужайке. Здесь, в окружении мужиков и ребятишек, сидит Федя Корovuшкин, босой, в своей неизменной кепке-накидке с длинным козырем, и, как всегда, рассказывает. Только что Федя рассказал, как он однажды подшутил над

Авдотьей. Как-то зимой он притворился пьяным в стельку, упал в снег возле магазина, сунул шапку за пазуху и стал ждать. Дело было по светлому, все видели, и через десять минут к Авдотье прибежала Нюрка Хваталова: «Авдотья, яблочко-то твой у сельпа лежит пнѣхонькой. Весь в снегу-то, без шапки-то. Беды край». Прихватив санки, Авдотья помчалась к магазину. Федя и впрямь лежал в снегу, без шапки, рот корытом. Авдотья взвалила его на санки, не забыв при этом дать пару загорбятников, и поволокла домой. Дома, без устали ругаясь, она раздела Федю, затащила его на тёплую лежанку, укрыла ватным одеялом.

Понежившись в тепле минут пятнадцать, Федя вдруг улыбнулся, открыл глаза и совершенно трезвым голосом сказал: «А всегда бы так-то делала, дак хорошо и было бы».

Как отреагировала на это Авдотья, Федя всё же не сказал, хотя мужики упорно допытывались. Он только улыбался и, шуря глаз, пускал струю дыма высоко вверх.

На дороге с горшком в руках появилась жена Бори Обухова Ольга. Повернув голову в сторону компании, шурясь, она долго наглядывала своего мужика, а наглядев, громко сказала:

- Иди домой тоже. Хватит гыгандать-то.
- Ты чего там несёшь-то? — спросил Боря.
- Смерти кусок.
- Не, серьёзно, Ольга.
- Молоко несу, чего же ещё больше.
- Только напополам! — тотчас закричал Боря. — Поняла?!
- Не поняла.
- Явлюсь, дак поймёшь.

Боря не имеет ни детей, ни коровы, и молоко, которое Ольга берёт у Маляровых, они делят на двоих.

— Вот увидел твою бабу с горшком и вспомнил, — заговорил Федя, глядя на удаляющуюся Ольгу, которая, мелькнув платком между двумя берёзами, скрылась наконец за домами.

— Чего вспомнил-то? — сразу оживился Боря, и его длинное, простоватое лицо приняло выражение готовности: покажи палец — и Боря помрёт со смеху.

— Помню, корова у нас была покинувши, — Федя снял с головы кепку, ладонью выбил из неё пыль и водрузил на место. — А молоко брали у Офимьюшки Подызбиной. Баба всё за молоком ходила, а тут чего-то она делала, некогда было, меня и отправила. Сходи, говорит, хоть раз в жизни. А я выпимши был, обрадовался: вдруг у Офимьи стопочка найдётся на добавку. Взял горшок, пошёл. Пришёл, Офимья молока налила и говорит: «Федюшка, уж будь ты добр, заверни в кладовку лампочку. Старая-то перегорела, а я не толкую, да и боюсь. Уж будь ты хорошим пареньком, заверни». Ну, а мне что? Когда я худым пареньком был? Никогда не был. Завернул я лампочку, захожу опять на кухню и вижу: одонок на столе стоит. Да ещё и белой! Как быть? Не пить — сам себя потом ругать будешь, пить — как-то стыдно: не велико дело сделал. Ну ладно, Александровна, говорю, я тебе завтра топорище насажу и пилу наточу зараз. Пила-то у тебя уж сто годов, кажись, не точена. Уговорил я, значит, этот одонок, поразмазы-

вал с Офимьей и пошёл. Иду — дома покачиваются. А перед избой у нас овражек есть, знаете ведь. Дошёл я до этого овражка и остановился. Остановился и не могу понять, куда мостик делся. Туда шёл, мостик был, а шас — нету. И овражек-то глубокий, и горшок-то с молоком в руках, и как перебраться-то — не знаю. Дак что, вы думаете, я надумал? Трезвому бы дак век не надумать, а тут — надумал. Брошу-то, думаю, я горшок повыше, и пока он летит через овражек, я перебегу на ту сторону и горшок-то поймаю. Ну, взял и — шваркнул. И сам пулей — вниз. Прыгнул, запнулся, кувырнулся, вскочил и вверх на четвереньках — раз-раз-раз. Вскочил наверх — где горшок? Нету горшка. Неужто ещё летит? Голову поднял, глаза-то пучу, пучу, руки-то растопырываю — нету горшка! Потом как назад-то повернулся — матушка ты моя: на той стороне одни черепки валяются, а я где стоял с горшком, да там и стою, да только уже без горшка.

— Дак ты, значит, прыгнул вниз, а потом обратно полез? — допытывался Боря Обухов.

— Выходит, что так.

— Ги-ги-ги-ги. А горшок на другую сторону улетел?

— А горшок на другую сторону улетел, — подтвердил Федя, но на этот раз в его голосе послышалась досада и даже усталость.

— А что, ребята, не пора ли нам на вешало, а? — вдруг предложил он и, не дожидаясь ответа, поднялся.

— Да рано ещё, Федя, — заговаривали мужики. — Куда спешить-то? Посиди давай.

— Не, ребята, я пойду. Вы сидите, а я пойду.

И Федя быстро, не оглядываясь, ушёл.

Постепенно компания на поженке начала редеть, мужики один за другим поднимались, говорили: «Ну, пока» — и уходили домой, «на вешало». Через какой-нибудь час на поженке сидел один Никита Маляров. Он сидел, курил и глядел на темнеющую, тихо журчащую на камнях реку. Потом и Никита ушёл.

2

Прошёл сентябрь месяц, и октябрь уже был на боку. В один из вечеров, между пятью и шестью часами, Никита Маляров сидел дома и, как обычно, читал газету. Он не слышал, как отворилась дверь на кухне и вошла Анна, его жена.

— Никита, — слабым, незнакомым голосом сказала она. — Да что ты сидишь-то?

— Что такое? Встревожился Никита.

Анна бессильно опустила на стул.

— Федя-то Коровушкин помер.

И заплакала. Но не горько, заплотшно, как плачут по родственникам, а тихо, почти не слышно, от сердца жалеючи отлетевшую душу человеческую.

Ошеломлённый известием, Никита с минуту сидел неподвижно, потом медленно поднялся, помотал головой и вдруг — шапку в охапку — бросился вон из дому.

Федя умер легко. Авдотья в то время была у телят. Федя пошёл на двор задать скотине корму и не вернулся. Пришла с работы Авдотья — изба полая, никого нет. И вдруг так пусто показалось бабе, что содрогнулась невольно она, а ноги уже несли её, онемевшую от предчувствия, на двор. Отворила дверь — корова, овцы жмутся к дальней стене, смотрят испуганно. Повернула голову влево — и закричала, опадая, заваливаясь на бок.

Безучастный ко всему, лежал Федя возле стены, согнувшись, будто от боли, и правая рука его так и осталась вытянутой, охватывая не донесённую до яслей охапку сена. Голова его, лежащая на сене, была повёрнута к окошечку, к свету, и на губах, уже покрытых потусторонней бледностью, таилась ещё здешняя, ещё живая печать какого-то сожаления, будто хотел Федя сказать людям что-то своё, сокровенное, да вот — не успел...

Хоронили Федю всей деревней. Слез копать никому не пришлось. Даже Авдей Шароглазов, не любивший Федю, и тот принёс своё грешное тело на кладбище, пласиво сморщился раза два, провёл рукой по лицу. Вокруг гроба стояли Федины дети, смотрели на отца, от которого уже и поотвыкли, роняли тихие слёзы. Авдотья, вся в чёрном, неподвижно лежала на краю гроба, и казалось, она тоже умерла.

— Как живой, бабы, как живой, Федюшка-то, — слышался в толпе шёпот. — Того и гляди — встанет сейчас да засмеётся.

— Да как безгрешный был-то, бабоньки. А кто не грешил да умрёт — по лицу увидишь.

— Легко жил, жаланненький, легко и помер.

— Правда, любушка, правда. Как жил, так и помер.

— Бабы, бабы, поглядите-ка на Никиту-то, на Малярова-то. Поглядите, как убивается-то.

И действительно, Никита Маляров плакал громче всех, никого не стесняясь, плакал так, будто отрывал от сердца что-то такое, без чего ему не жить, и в глазах его, заполненных слезами, отчаянной тоской отражалась эта, казалось, невозполнимая утрата.

Были и речи. Нескладно, но горячо говорил пенсионер-активист Родькин Егор Филиппыч. Говорил, говорил, но не договорил, махнул рукой и этим махом выбил из рук стоящего рядом Степана Ракова новую, с рыжим помпончиком, кепку. Говорил представитель от военкомата. Потом ещё кто-то говорил. А Федя лежал в гробу, сложив руки, и — длинный, загадочный — спокойно дожидался, когда кончат говорить, когда его тело положат в землю, когда сомкнётся над ним вечная тишина и ушедшие ранее примут его в свою семью...

Послышался стук земляных комьев о гробовую доску.

Закричала Авдотья.

С кладбищенских берёз срывались и падали на землю последние в этом году листья.

Расходились медленно, усталые и осиротевшие. Мужики шли кучками, ку-

рили, молчали. И только когда отошли от кладбища на порядочное расстояние, Боря Обухов, вздохнув, сказал:

— А жалко Федю. Весёлый мужик был. Теперь и веселить-то некому бу...

И осёкся, глядя на остановившегося Никиту Малярова.

— Что ты сказал? — спросил Никита. Спросил тихо, но все сразу остановились. — Что ты сказал, я спрашиваю? Жалеешь, что некому теперь веселить тебя? Веселья тебе хочется? — Губы у Никиты задрожали. — А ты в нутро ему заглянул?! — вскричал Никита и вдруг бросился с кулаками на изумлённого мужика.

— Э-э...Эй! — закричали мужики, поняв, что Никита не шутит и драки, пожалуй, не миновать. Степан проворно подхватил Никиту своими длинными руками, потянул его в сторону. Никита успел всё же раскровенить Боре нос. Ошалевшего от неожиданности Борю увели умыться к реке, а Никита ещё долго кричал, пытался вырваться из Степановых объятий. Потом притих, попросил Степана отпустить и ушёл домой, безмолвный, поникший, с тоской в глазах.

3

— Ну, бабы, не знаю, что у меня и за мужик, — жаловалась, бывало, Авдотья Коровушкина. — У вас мужики как мужики, а у меня — как пыльным мешком ударенный. Беда прямо. Ведь сколько годов живу с ним, а не могу понять, что за мужик, скажите люди добрые.

— Правда, Авдотьюшка, правда, — сочувствовали ей бабы. — Уж Фёдор твой, дак весь Фёдор, не пол-Фёдора. А отец у него дак ещё чище был. Бывало, купит бочку пива, сядет на дорогу и угощает всех подряд. Вот тоже покомедил.

— Да, бабы, такой, такой был. И на месте-то ему не жилось. Всю Руссу-Ладогу объехал, а так ни копейки и не нашёл. Как нищий и помер...

— И этот от папушки недалеко ушёл.

— Какой пень, такой и отропень.

— Ну, этот хоть на месте живёт, не болтается.

— Не болтается, а тоже добр парень есть, добр, нечего говорить...

— А сколько сена-то цыганам выдавал?!

— И крыша-то вся мохом обросла. Авдотья, ты скажи ему, пусть крышу-то перекроет.

— Перекроет... лешего в стуле.

— Вот ведь, бабы, какие мужики бывают. Мой-то вон и выпить любит, и другой раз загорбятника даст, а хозяйство содержит, жаловаться грех.

— А мой-то ономесь напился, тьмы не видит, и давай кричать: «Из-за тебя, из-за тебя у меня волосья выпали!» Я ему руки-то связала да такие волосья дала, дак утром все дрова переколол.

И бабы наперебой заговорили о своих мужьях. Потом разговор зашёл о новых сапожках, которые завезли в селпо, потом о письмах от детей, потом о свежем хлебе, о кофточках... и так далее до бесконечности. А Федя Коровушкин был забыт до другого раза.

Как-то Федя сидел возле почты и курил, улыбался, переживая смех. Вызванный его рассказом.

Неожиданно широкая улыбка на Федином лице начала бледнеть, гаснуть и наконец исчезла совсем. Федя увидел приближающегося Авдея Шароглазова. Лицо у Авдея было красным, решительным и не сулило ничего хорошего.

— Эй ты, балаболка долговязая! — закричал Авдей, приближаясь и глядя на Федю возмущёнными, розовыми глазками. — С каких это пор ты воровством стал заниматься, а? — И вдруг, выкинув руку, взвизгнул: — Чтоб шас рубаха была на месте, а то я не знаю, что с тобой сделаю.

Федино лицо недоумённо вытянулось. Он пожал плечами, жалобно посмотрел на мужиков.

— Какая рубаха, Авдей Николаевич? — спросил он тихим, напуганным голосом. — Я не брал никакой рубахи.

— А-а! — торжествующе закричал Авдей. — Ты не брал, он, видите ли, не брал. А кто вчера в двенадцать часов ночи у моего огорода ходил? Не ты, что ли? Я видел! Собаки зря не залают. Новая рубаха, — продолжал Авдей, обращаясь к мужикам, — раз всего надел, пятно посадил, баба выстирала, сушить повесила. А утром глядь — рубахи нету. А этот друг ночью по берегу ходил-похаживал. Я-то думаю, что он ходит, а вон он что ходит: на рубаху прицеливается.

— Я не брал рубахи, — снова сказал Федя и, посмотрев на мужиков, повторил: — Я не брал, честное слово.

Мужики озадаченно молчали.

— Тут что-то не так, — заговорил Никита Маляров. — Феде чужого и даром не надо, я знаю. Точно, что ли, рубаху украли? — спросил он, недоверчиво глядя на Авдея.

— Дак как же нет-то? Рубаха-то улькнула, и следов никаких нету. А этот ходил вчера по берегу. Я видел.

— Ходил, что ли? — спросил Никита Федю.

— Ходил.

— А пошто?

— Так. Смотрел... на небо, на реку...

— На реку надо днём смотреть, а не ночью! — закричал Авдей. — Да не у чужих домов. На реку он смотрел...

— Ладно, — с досадой проговорил Никита. — Не ори ты. Заорал. Надо спокойно выяснить, что к чему. Чего на Федю набросился?

— Не брал я рубахи, — твердил Федя. — На что она мне?

— Не брал... Кто же брал? Кроме тебя, на берегу никого не было. Ну, если ты мне рубахи не вернёшь, — снова вскинулся Авдей, — дак я тебе сделаю, век будешь помнить.

Федя посмотрел на него бесконечно грустными глазами, встал и, сгорбившись, медленно пошёл в сторону своего дома.

— Федя, — закричал Никита, — да ты подожди, сейчас разберёмся!

Но Федя продолжал идти.

— А ну пошли на огород, — сердито сказал Никита Авдею. — На месте разберёмся.

Все двинулись к дому Шароглазова.

— Он, он, больше некому, — приговаривал Авдей, едва поспевая за широко шагавшим Никитой. — А я-то сначала не допёр, думаю, что он ходит? А он, оказывается, к рубахе примеривался: как половчее цопнуть.

Вся компания во главе с Никитой уже приближалась к дому Авдея, как вдруг из переулочка на дорогу выбежал сын Нюрки Хваталовой Петька.

— Дядя Авдей, дядя Авдей, — закричал он. — Ваш баран там какую-то рубаху на рогах таскает, красную такую, с белыми пуговицами.

Все остановились.

— Ну что? — хмуро спросил Никита. — Накричался, отвёл душу? Иди, забирай свою рубаху.

Как потом выяснилось, ночью рубаху унесло ветром. Она упала на крапиву за изгородью и там пролежала до утра. Утром по берегу проходили овцы, и круторогому барану Авдея Шароглазова очень не понравилась красная тряпка, свисающая с крапивы на тропинку. Он поддел её рогами, а сбросить не мог, только сильнее накрутил на рога, да так и пробегал, пока его не заметил Петька.

— Куда Федя ушёл, кто видел? — спросил Никита.

— Он к своей бане пошёл, — сказал кто-то из мальчишек.

Никита, а за ним и остальные ватагой поспешили к Феде.

Федя сидел на траве за баней, обхватив колени руками, и смотрел вдаль, туда, где за колоссящимся полем темнел лес и глубокое небо точило невинную, как взгляд ребёнка, синеву.

— Не брал я рубахи, — тихо сказал он, не глядя на подошедших мужиков и ребятишек.

— Да нашлась рубаха-то, Федя, — сказал Никита, — успокойся. Ветром её унесло за огород, а баран Авдейки утащил в поле. Нашлась рубаха-то, слышишь.

Федя медленно поднял голову и незнакомым, каким-то далёким взглядом обвёл собравшихся людей.

И зимой и летом через деревню время от времени проезжали цыгане. Неунывающее, бесшабашное племя, ехали они с семьями бог знает куда, сложив на одну-две повозки свой нехитрый скарб. Глядя на них, нет-нет да и вздохнёт завистливо иной мужик. Ему-то, крепко привязанному к работе, дому, семье не дано узнать, что такое дорога, ведущая в неведомую, полную радостной неизвестности даль. Да и вздумай нынешний мужик куда-то сподобиться, ему на повозку свой скарб не укласть: подавай два-три грузовика. Шифоньер, холодильник, стиральная машина, телевизор, диван-кровать... — нет, тут даже и к бабкам не ходи. Да и кровь не та, спокойная, северная, без толчков.

Минуя деревню, цыгане не упускали случая чем-нибудь поживиться, попросить. Цыганки, те об еде заботятся: подвяжут к поясу концы передников и ходят от дома к дому, христардничают. Жители им не отказывают: кто хлеба даст, кто стряпни какой-нибудь, а кто и молочко плеснёт. Были, конечно, и такие, кто, завидев цыган, накидывал крючок изнутри: мол, нечего кланчить, работать надо.

Федю цыгане никогда не обходили. Чувствовали будто, что тут живёт нежадный человек. И правда, Федя без лишних слов наливал цыганкам молока, выгребал из кухонного шкафа всю стряпню, совал в передник конфет — ребятишкам. Авдотья, глядя на Федю, только ахала, но вмешиваться в таких случаях не решалась.

Приходил какой-нибудь дюжий, подсаистый цыган и, блестя жгучим глазом, просил сена «на погонялочку». Федя лез на сеновал, скидывал оттуда добрую копну. Цыган растягивал на земле погонялку, кидал на неё копну и, падая, яростно мял сено коленями, вжимал руками до тех пор, пока копна не превращалась в копёночку. И стыдил Федю:

— Хозяин, ну что же ты дал-то уж? Подкинь ещё-то, не скупись, не гневи бога.

Феде и в самом деле становилось стыдновато, и он сбрасывал ещё охапку. Охапка тут же уминалась, цыган затягивал погонялку, взваливал сено на спину, подмигивал Феде и, смеясь, уходил. Федя шёл за ним с подбегом, заглядывал глаза, робко спрашивал:

— Далеко едете-то?

— Далеко, мужичок, далеко.

«А куда?» — хочет спросить Федя, но не решается, да и цыган уже кинул на повозку сено, тронул лошадей.

Федя долго стоит у ворот, провожает каким-то незнакомым взглядом весёлую цыганскую повозку, на которой трясётся его сено и корчат рожи черноглазые цыганята. Цыганята уже исчезли, скрылись из виду, а Федя всё стоит и смотрит.

«Э-эх!» — вырывается наконец из его груди шумный вздох, и в этом вздохе слышится и зависть, и обида, и сожаление. Федя машет рукой, закуривает, ломая спички, и уходит куда-нибудь за деревню, на одинокий простор.

Каждую осень, в начале октября, Федя уходил за деревню провожать журавлей.

Но перед этим он обычно заглядывал в селёпо и покупал самых дорогих конфет. С кулёчком в руке он несмело поднимался на крыльцо к Никите Мясурову, стучался в дверь. Никита уже знал, зачем идёт к нему Федя. Добродушно посмеиваясь, он приглашал Федю выпить чашку чаю, но Федя решительно отказывался, бормотал невнятно про погоду, про то, что улетаю уже и скворцы, и жаворонки и что в лесу опять — видимо-невидимо. А потом, прокашлявшись, говорил виновато:

— Ты, Никита Алексеевич, уж отпусти со мной Дашутку-то. Сам понимаешь, надо...

Дашутка, школьница, сидевшая за столом, опускала глаза, тут же вскидывала их на отца, просительно смотрела: «Папа, ну можно, а? Можно, я с дядей Федей пойду?»

Никита озабоченно вздыхал, спрашивал:

— Дак пошто тебе Дашутка-то? Вымокнет ещё под дождём, заболееет...

— Ну что ты, Никита Алексеевич, — пугался Федя. — Да разве я допущу? Да ни в жисть!

Никита знал, что без Дашутки Федя не уйдёт. Поломавшись для порядка, он махал рукой:

— Делай как знаешь.

Дашутка выскакивала из-за стола, стремглав бросалась одеваться. Федя стеснительно благодарил Никиту, выходил на крыльцо. Через минуту выбежала Дашутка с книжкой в руке.

— Ой, дядя Федя, ой, что я про журавлей-то нашла, — громко нащёптывала она Феде. — Так хорошо, дак просто не могу.

— Ну что, что ты там нашла? — спрашивал Федя.

— Ой, да там прочитаю, там, дядя Федя. Я как увидела, дак сразу поняла: уж это-то стихотворение обязательно дяде Феде понравится.

Радостно переговариваясь, уходили за деревню высокий, худой мужчина в кепке с длинным козырьком и маленькая девочка в синей курточке. Они пересекали клеверище, тянувшееся от деревни к лесу, и выходили к старой, раскидистой сосне, одиноко стоявшей на берегу реки. Присев на тщательно обкошенный кем-то холмик, девочка раскрывала книжку и читала стихотворение. А Федя слушал, прикрыв глаза.

— Ну как, дядя Федя, понравилось? — спрашивала Дашутка.

Федя отрицательно качал головой.

— Хорошо, Дашутка, хорошо. Погоди, вот дождёмся журавушек, ты уж постарайся, постарайся для старика-то.

И они ждали, вслушивались в тишину, смотрели на север, приложив по привычке ладони к глазам. И вот вдали, за лесом, зарождались знакомые звуки. Дашутка упругисто приподнималась и, вытянув шею, шептала тихо:

— Летят, дядя Федя, летят.

И вот они появились.

Высоко над землёй, разрезая серое, грустное небо пополам, летели в сторону юга большие печальные птицы. Они покидали родину, и над зыбкими, осенними полями плыли прощальные крики.

Федя, строжея лицом, поднимался, сдёргивал с головы кепку и взмахом руки приветствовал их появление. От нахлынувшего волнения он не слышит, как Дашутка уже начала читать стихотворение. Но вот её звонкий голос всё громче и громче доносится до Фединого слуха, и слышит он плавные, размеренные, словно взмахи крыльев, строки стихов:

*Широко на Руси предназначенный срок увяданья
Возвещают они, как сказание древних страниц,
Всё, что есть на душе, до конца выражает рыданье
И высокий полёт этих гордых прославленных птиц.*

Журавли уже летят над головой, и в Фединых глазах, неотрывно следящих за их полётом, копится что-то невысказанное, а руки мнут, терзают старую, потрёпанную кепку.

— Даша, — говорит Федя, и Дашутка понимает его: чем дальше улетают журавли, тем громче надо читать. И Дашутка читает:

*Широко на Руси машут птицам согласные руки.
И забытость болот, и утраты знобящих полей —
Это выразят всё, как сказанье, небесные звуки,
Далеко разгласит улетающий плач журавлей...*

А журавлиный клин становится всё меньше, всё тише их унылое курлыканье.

— Да-ша, — просит Федя, и Дашутка почти кричит:

*Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть на высоких своих!
Вот замолкли — и вновь сиротеет душа и природа,
Оттого что — молчи! — так никто уж не выразит их...*

Журавли улетели. Дашутка смотрит на Федю. Федя стоит неподвижно, подавшись вперёд, и сейчас он похож на человека, который что есть мочи бежал к автобусной остановке, и вот уже остаётся-то каких-нибудь пять-шесть метров, но в это время насмешливо, злорадно фыркает выхлопная труба, и автобус, последний автобус, набитый мирянами, трогается, набирает ход и через минуту скрывается за поворотом.

— Я пойду, дядя Федя, — тихо говорит Дашутка.

Федя не слышит её. Как-то враз обмякнув, он садится на землю и замирает, превращаясь в чёрный, горестный ком. Дашутка знает, что сейчас Феде мешать не надо. Она подбирает кулёк с конфетами и, взглянув напоследок на Федю, убегает в деревню.

В текст рассказа Фирсов не случайно включил стихи своего любимого поэта Николая Рубцова «Журавли». В августе 1976 года он написал стихотворение «Николай Рубцов».

«Сборник прозы молодых сдаётся в печать. В нём у тебя «На родимщине» и «Федя Коровушкин».

**Из письма Ответственного секретаря
Вологодской писательской организации В.А.Обочурова. 1982.**

«Рассказ «Федя Коровушкин», на взгляд редакции, может стать вещью вполне серьёзной и интересной (он уже содержит в себе почти всё, что для этого нужно), но он потребует от Вас ещё немалых усилий...»

Письмо из журнала «Север». 27.07.1978.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РОЖДЕНИИ**

Гр. Фирсов
Василий Киселевич
 родился (дата) 16.01.1964 года (число, месяц, год)
 в деревне Нижняя Водлица
 (наименование населенного пункта)
 (места в семье) первый
 у Ивановской
 (фамилия)
 (имя)
 Место рождения ребенка: Земань
Н. Вадимович Чубов
 район Видимский область, край,
 республика Вологодская
 о чем в книге записей актов гражданского состояния
 от рождения 1964 года накры месяц
 23 числа рождения соответствующая запись

РОДИТЕЛИ:
 Отец Фирсов Иван Иванович 48-100 718325
 Дата 16.01.1964 48-17
 Мать Ивановская Таисия Ивановна
 Дата 16.01.1964 48-17
 Место рождения Видимский район
 (наименование населенного пункта)
 (места в семье) первый
 у Ивановской
 (фамилия)
 (имя)
 Место рождения ребенка: Земань
Н. Вадимович Чубов
 район Видимский область, край,
 республика Вологодская
 о чем в книге записей актов гражданского состояния
 от рождения 1964 года накры месяц
 23 числа рождения соответствующая запись

М.П. М.П. MC № 489180

1. Юный Вася Фирсов. 1964 г.
2. Деревня Нижняя Водлица. 1960-е годы.
3. Свидетельство о рождении Василия Фирсова.
4. Слева направо: Мать Фирсова Таисия Ивановна, Брат Александр, сестра Зоя. 1970-е годы.
5. Вытегра. Открытка нач. XX века.
6. Проездной билет школьника Фирсова.

Г. Вытегра. Сиверсов мостъ.

МИНАВТОШОСДОР

1968—1969
 учебный год

АВТОБУС
 ПРОЕЗДНОЙ БИЛЕТ
 ШКОЛЬНИКА

AB №118491 *

1. Вася Фирсов-школьник. 1958 г.
2. Василий Фирсов. 1970-е годы.
3. Василий Фирсов. 1970-е годы.
4. Удостоверение тракториста-машиниста.
5. Удостоверение корреспондента
вытегорской газеты
«Красное знамя».
6. Юный Вася Фирсов
(третий справа)
среди сверстников. 1955 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ
ТРАКТОРИСТА-МАШИНИСТА
ТРЕТЬЕГО КЛАССА

И. № 400394

Фамилия: **Фирсов**
Имя: **Василий**
Отчество: **Николаевич**
Стеж с: **25 июня** 19**69** г.

Имеет право работать на тракторах всех марок, агрегатируемых с ними орудиях и на комбайнах всех марок.

Выдано аттестационной комиссией
районного производственного управления с/х-ва
Вытегорский
Вологодская
обл. № **41**
г. **22 апреля** 19**69** г.

Проведенная в соответствии с протоколом № **41**
подписанная **25 июня** 19**69** г.

РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ
«Красное
ЗНАМЯ»
гор. Вытегра, ул. 3-го Интернационала, 26

Орган Вытегорского районного комитета КПСС
и районного Совета депутатов трудящихся

№ **24 декабря** 19 **76** г.

Временное удостоверение

ФИРСОВ Василий Николаевич с 20 декабря 1976 года
является корреспондентом газеты «Красное знамя».

(В. Вржодил).

О ЛИТЕРАТОРАХ И ЛИТЕРАТУРНОМ ТРУДЕ

В середине 1970-х Фирсов активно собирал диалектные слова для «Словаря Русских народных говоров», заполнял специальные словарные карточки (слово, его значение, место записи, год записи, примеры), переписывался с заведующим картотекой И.А.Поповым Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР. Он заполнил и отправил около 300 карточек.

Фирсов писал статьи в газеты и журналы: «Кладезь северного слова». Словарь областного олонецкого наречия, «Северный курьер»; «Пала речка супротив деревни». О языке, «Северный курьер»; «Словесного богатства самоцветье». Открытие музея в Петрозаводске, «Молодёжная газета»; отзывы на книги по языкознанию и фольклору. Статья «Особенности национального хоровода» о книге Р.Б.Калашниковой «Бесёды и бесёдные песни Заонежья второй половины 19 века» и др.

По этой же причине Фирсов заинтересовался писателем и фольклористом Н.Ф.Лесковым, изучал его биографию и творчество, опубликовав некоторые его рассказы в журнале «Север» в 1998-2006 годы. Он также собрал материал и опубликовал статью о Мироне Смирнове (род. в 1815 г. в селе Сямозере) — первом карельском писателе, поэте, авторе книги «Голос Корела».

В архиве Фирсова несколько десятков тетрадей с выписками из словаря В.Даля и других книг и сборников песен, пословиц, поговорок, частушек, народных примет, поверий, тюремных слов.

Василий Фирсов и сам сочинял пословицы:

«Спору на час, а ссоры — на годы».

«Ума целые терема, да все без крыши».

«Волк без зубов — та же овца».

Северные крестьяне, в том числе и исполнители сказок и былин (плетения словесные), были замечательными мастерами: плели сети, корзины из ивовых прутьев (плетения хозяйственные) и др. Таким был и Василий Фирсов.

Дмитрий Москвин

Свои сказки возникают чаще всего из народных выражений, они — толчок, первопричина, первоидея. Например, сказка «Как выпрямились дрова» возникла из выражения «Кривые дрова, да прямо горят».

Из дневника. 17.10.1986.

Задумал составить словарь говора нашей деревни, записываю на память слова, хочу сделать толкование как можно полнее.

Из дневника. 18. 07.1987.

В «Феде Коровушкине» около 70 слов и выражений более или менее свежих, но понятных. К этому и надо стремиться: пусть слова нет в словаре Ушакова или Ожегова, но если оно понятно всесоюзному, широкому читателю, то оно имеет право на жизнь.

Из дневника. 14.07.1980.

Не любил Фирсов, когда правили его тексты, особенно творческие. Так, в 1995-96 годы издательство «Инка» захотело выпустить книгу его сказок (около 300). Редактировать рукопись отдали Станиславу Панкратову, который, по словам Василия, вмешивался в текст довольно активно, даже переписывая концовки в некоторых сказках. «Познакомившись с правкой, я три ночи не спал... может и хорошо, что книга не вышла», — вспоминал позже Фирсов.

КТО ТАНЦЕВАЛ ОТ ПЕЧКИ?

В интересном материале Ивана Костина «Русская печка» («Карелия», 7.09.95) встретил такое выражение: «Поговорка «танцевать от печки» родилась не случайно. Вся жизнь в деревенской избе крутилась вокруг неё, и утро начиналось от огня в ней».

Иван Алексеевич прав, говоря, что вся жизнь в деревенской избе начиналась от печки, но он ошибается, к сожалению, говоря, что поговорка «танцевать от печки» родилась в деревне. Где же тогда она родилась и каким образом? Ответ на этот вопрос мы найдём в очень интересной книге В.М.Мокиенко «Образы русской речи» (Л, 1986).

«Идиома «танцевать от печки» удивляет своей необычностью. Почему начало связывается с танцем? — пишет автор. — Почему танцевать надо именно от печки?»

Далее учёный сообщает, что ответ на этот вопрос нашёл академик В.В.Виноградов, который в 1940 году посвятил выражению «танцевать от печки» специальный очерк.

Оказывается, обычай танцевать от печки был распространён в дворянских семьях, дворяне обучали своих детей танцам, причём все упражнения начинали от печки. Печки в залах, как правило, стояли в углу, либо недалеко от входной двери, и поэтому весь простор комнаты был в распоряжении танцующих. Печки у дворян были, конечно, не русские, а изразцовые голландские.

Поначалу выражение «танцевать от печки» имело прямой смысл — проделавшего упражнение ученика учитель вновь посылал к печке, прося повторить, и так на протяжении всего урока.

Как выяснил В.В.Виноградов, в русский литературный язык оно попало благодаря писателю-разночинцу В.А.Слепцову, — он употребил его не только в прямом, но и переносном смысле в своём неоконченном романе «Хороший человек» (1871). С той поры выражение «танцевать от печки» стало иметь значение — «начинать всегда с одного и того же, то и дело возвращаться к исходному пункту, приступая к исполнению чего-либо, к разговору и т.д.».

В заключение заметим, что ошибку И.Костина, как ни странно, нельзя назвать ошибкой как таковой. Иван Алексеевич исходил из принципов так называемой народной этимологии, когда вывод делается на основании отражения конкретной реальности. В своё время на такую «удочку» попался известный писатель — этнограф прошлого века С.Максимов. Он дал двум десяткам поговорок и выражений очень интересные и на первый взгляд убедительные объяснения, но с лингвистической точки зрения почти все они оказались неверны. И всё же объяснения С.Максимова заслуживают внимания, хотя бы потому, что широкому читателю порой интереснее прочитать «легенду», тем более талантливую, чем длинное и скучное (пусть и правильное) толкование учёного-языковеда. Но это уже моё личное мнение, навязывать которое я бы никому не стал.

Газета «Карелия». 05.10.1995

МЕДВЕДЬ – ТУГОДУМ

Сидел под сосной медведь, думу крепкую думал. Бегут мимо звери, останавливаются и «Тс-тс, — говорят, — не шумите, не кричите, Михайло Иванович думу думает, что-то скажет».

Мало-помалу собралось зверей со всего лесу, налетело птиц со всего свету, сидят, не шелохнутся, ждут, что Михайло Иванович надумает, что скажет? День ждали, неделю сидели, месяц глядели — молчит Михайло Иванович, в землю смотрит, думу думает. Уж и устал лесной народ, немоготу, а сидит, не разбегается, знают: думает Михайло Иванович долго — значит, и скажет крепко, надо потерпеть. Сидят звери да птицы, сидит и Михайло Иванович, думу думает, вот-вот скажет, ан нет — нейдёт дума, не додумана, видно, надо ещё подождать. День ждали, неделю сидели, месяц глядели — молчит Михайло Иванович, никакого шума, не выходит дума, что с Михайлом Ивановичем?

— Нет, братцы, — говорит заяц, — видно, так не дожидаться, давайте-ка поможем Михайлу Ивановичу.

— Как же помочь ему? — спрашивают.

— Надо вытянуть думу-то, зацепим верёвкой да все дружно и вытянем.

Обрадовались звери: дело говорит заяц, надо попробовать. Принесла лиса из деревни верёвку, зацепили звери медведеву думу, взялись дружно: волк впереди всех прёт, лиса перед ним хвостом метёт, а заяц стоит на пригорке, командует.

— Разом, братцы, разом! — кричит. — Ну как же вы тянете, кто в лес, кто по дрова! Ну-ка, снова, ну-ка, дружно!

Взялись звери снова, поднатужились, — у Михайло Ивановича и пасть приоткрылась, вот-вот что-то скажет.

— Давай, братцы, давай, — кричит заяц. — Ещё немножко, ещё разок. Волк, запевай «Дубинушку», ухай посильнее.

Запел волк «Дубинушку», заухал, сразу сил прибавилось у зверей, — открылась у медведя пасть, уж сейчас-то точно скажет думу свою.

— Тихо! — закричал заяц. — Тихо, братцы! Михайло Иванович говорить будет. Замерли звери, затихли птицы: говори, Михайло Иванович, ждём слова твоего, как светлого праздника.

Поднял Михайло Иванович глазки, вздохнул глубоко.

— Братцы, — говорит, мёду хочу!

Звери так и сели, на медведя поглядели, заяц охнул, волк завыл, бобр хвостом заколотил, а лиса за кустом, чтоб не видел никто, горько-горько заплакала.

А медведь опять:

— Мёду хочу, братцы!

Ничего не сказали звери, ничего не ответили птицы, разлетелись, разбежались, бегают, летают, да себя ругают: чего ждали, за что страдали?! Ну, медведь, ну, Михайло Иванович!

Переложил «Моление Даниила Заточника»,
получилось вроде бы неплохо,
а также «Повесть об Анкаре Премудром»,
отрывки из «Синайского патерика», из «Физиолога».
Бродит мысль создать хрестоматию и учебник по древней литературе
для младших классов, а также учебник древне-русского языка.
Из дневника 27.11.1989.

СКАЗАНИЕ ОБ ИНДИЙСКОМ ЦАРСТВЕ *(Переложение для детей «Сказания об Индии богатой»)*

За тридевять земель, в тридесятом царстве, в Индийском государстве жил-был царь Дивокан, да такой богатый, что слух о его богатстве прошёл по всему свету, дошёл до царя греческого, который считал себя самым богатым на земле. Как узнал греческий царь, что есть на свете царь индийский, ещё богаче его — не поверил, послал своего вельможу узнать, правда ли это. Поехал вельможа в индийское царство, долго его не было, наконец, вернулся, а за ним стали прибывать телеги с подарками от царя индийского. Сами телеги серебряные, а на телегах множество разных подарков и все из чистого золота. Три дня и три ночи шли телеги, весь город запрудили, ставить некуда. Как увидел царь греческий такое богатство, так и заплакал.

— Ну, вельможа, — говорит, — теперь я точно знаю, что царь индийский богаче меня. Столько золота я и за всю жизнь не видал.

Плачет греческий царь, а вельможа рядом сидит, рассказывает:

«За тридевять земель, в тридесятом царстве, в индийском государстве живёт царь Дивокан, защитник христиан. Царство его велико: коль пойдёшь в одну сторону — целый год пройдёшь, края не найдёшь, а как в другую сторону пойдёшь, чудо найдёшь: небо там с землёю сливается, дальше ходу нет, а вдоль пойдёшь — золотую дверь найдёшь, у двери лежит крокодил, одним

глазом спит, другим вокруг глядит, огнём из пасти пыхает. На кого пыхнет — тот огнём сгорает, в пепел превращается. А что за дверью той — того никто не знает, кроме царя индийского да бога христианского.

А ещё в той земле люди разные живут, пройди по свету — нигде таких нету. Одни люди немые, всю жизнь молчат, а что надо сказать — кулаками показывают, пока поймёшь — все бока заболит. Другие люди рогаты, а спиной горбаты, ходят внаклонку, носом землю задевают, а рогами облака разгоняют. Есть там люди с тремя ногами, две ноги идут, а третья отдыхает, потом третья идёт, вторая хлеб жуёт, а первая водой запивает. А в другой земле видел людей с четырьмя руками, о шести ногах, десяти сапогах, одной пары не хватает, так две ноги в лаптях ходят. А есть там люди и совсем занятные, для нас непонятные: до пояса человек, а выше — собака, ходят как мы, а как говорить — лаять начинают, за плечо кусают. Бывают там и птичечеловеки, на спине крылья, на голове перья, летают вдоль заборов, а как забор кончится, тут же помирают, а в земле исчезают. А есть ещё в земле индийской петухи, на них люди ездят, как на лошади, я тоже было сел, да петух вдруг запел, у меня и шапка упала и охота пропала, так и не поехал.

А ещё живёт там птица Ноговица, вьёт себе гнездо на пятнадцати дубах, носит птенцам не жуков-червяков, а коров да быков, в день по тридцать голов, а на ночь даёт им ягнёночка величиной с телёночка. Живёт там и другая птица, зовут её Феникс, как гнездо себе совьёт, с неба огня принесёт, гнездо зажигает и сама сгорает, только пепел остаётся, а в пепле червь зарождается, потом подрастает, крылья обретает, над землей летает, тысячу лет живёт.

А посреди ихнего царства течёт река широкая, в той реке на дне лежат камни драгоценные — самфир да памфир, да ещё камень кармакуль, что ночью светится, будто огонь горит. А, кроме того, есть у них песочное озеро, это озеро на месте никогда не стоит, — откуда ветер подует, оттуда волна идёт, на берег выходит, триста вёрст проходит, всё вокруг топит. Там под землёю течет река подземная, раз в день вдруг открывается над этой рекой земля, кто увидит, тот в реку прыгает, камни драгоценные хватает, золотой песок наверх кидает. А коли кто жаден прыгнет, да от жадности в реке задержится, над тем сомкнётся земля — и пропал человек, не жадничай.

От той реки день пройти — увидишь горы высокие, с тех высоких гор пышет огонь, а в огне живут черви огненные, они без огня, как рыба без воды, жить не могут. И точат черви из себя нити шёлковые, из этих нитей люди одежду шьют, долго носят, а как стирать кинут в огонь и одежда чистая.

А дворец у царя индийского таков, что за пять дней не обойдёшь, а в дверь войдёшь, — шапка свалится от удивленья. Золотые палаты серебром украшены, будто небо звёздами. От камней дорогих так светло в палатах, что и огня не надо, а если внесёшь огонь, — сразу погаснет. В одной палате стоит бочка золотая с маслом чудесным — кто им помажется, тот век не состарится. А вверху на столбах, два золотых яблока находятся, в каждом яблоке камень самфир вкован — от этого храбрость ихняя никогда не слабеет. А в другой палате на четырёх столбах висит зеркало праведное, кто посмотрит в зеркало, тот все грехи свои видит. Рядом другое зеркало висит: кто плохо о паре

подумает, у того лицо бледное становится, а кто хорошо подумает — у того лицо как солнце засияет.

А как соберётся индийский царь на войну, перед ним несут двадцать крестов и двадцать знамён, сделаны из чистого золота, жемчугом осыпаны и свет от них таков, что ночью светло, как днём. И везут те кресты да знамёна на двадцати колесницах, а за ними идут сто тысяч конников да сто тысяч пеших воинов, а впереди царя три человека идут, на весь свет кричат: Один кричит: «Это есть царь царям, господин всем господам!». Второй кричит: «Силою крестною и милостью божией!». А третий кричат: «От земли сотворены, в землю и пойдём, а прежде всех врагов побьём!»

Вот каков царь Дивокан, защитник христиан. Вот какова земля индийская».

ФИРСОВ НА КАМАЗЕ

По рассказам Фирсова, приехав шестого декабря 1971 года на стройку, он четыре месяца слесарил, закончив за это время курсы помощников машиниста экскаватора, а потом стал членом комсомольского экипажа. Жили они в общежитии, работали «как негры», т.е. суббота всегда была рабочим днём, но часто выходили и в воскресенье. На стройке был «сухой закон» (КамАЗ нужно делать на трезвую голову). Но, когда припекало, бегали в деревню за четыре километра и в трёхлитровых стеклянных банках приносили вино из черноплодки. Бывало, и в Елагубу выезжали «отдохнуть»; но на снабжение не жаловались, оно было примерно как в Москве.

В Набережных Челнах Фирсов активно занимался литературным творчеством, работал внештатным корреспондентом газеты «Камские зори». В мае 1974 года редакция газеты наградила его за активную деятельность почётной грамотой. Он систематически посылал свои рассказы и повести в различные газеты и журналы, что в итоге привело его в Литературный институт, где он учился заочно около года. В 1974 году он был награждён почётной грамотой за участие в смотре-конкурсе на лучшее произведение о строительстве КамАЗа. Он также организовал и руководил Клубом молодых прозаиков, тех, кто строил КамАЗ и писал о нём. Увлекался спортом. А также приобщился к изобразительному искусству. Сосед по комнате из Казахстана научил изготавливать «гравюры на дереве». На фанерку, покрытую тушью, наносился рисунок из журнала (выдавливался шариковой ручкой), а потом резцом вырезался. «Мыслитель» Родена, например.

23 апреля 1995 года стал для Василия последним днём на великой социалистической стройке, хотя была ещё одна попытка вернуться туда (с ноября 1975 по февраль 1976), но безуспешная. В своих рассказах и повестях (Нулевой цикл, 1976, Кража, 1988 и др.) Василий Фирсов, в какой-то мере, отразил свою жизнь на стройке века.

Дмитрий Москвин

В. Чурбанов В. Франюн

Утро КамАЗа

1. Экскаватор Фирсова на КамАЗе.
  2. Вася Фирсов на отдыхе.
  3. Обложка книги о КамАЗе. 1974 г.
  4. Вася Фирсов — рабочий КамАЗа.
  5. Удостоверение помощника-машиниста.
  6. Рабочие КамАЗа.
- Фото из книги. 1974 г.

Решением квалификационной комиссии от «18 октября 1972» г. протокол № 2 от 18.02.72 тов. Фирсову В.И. присвоена квалификация Машиниста Железнодорожного (разряд, класс, профессия) Машиниста Железнодорожного

Руководитель организации

Руководитель технического обучения

1972 г.

1. Онежский тракторный завод. 1980-е годы.
2. Василий Фирсов. 1970-е годы.
3. Грамоты и удостоверение корреспондента газеты «Камские зори».
4. Удостоверение рабочего ОТЗ.
5. Василий Фирсов с дочкой. 1984 г.

ДЕТСКИЕ СТИХИ ВАСИЛИЯ ФИРСОВА

Поэзия в творчестве Фирсова — отдельная тема. Ещё с 1960-х годов он покупал поэтические сборники, брал в библиотеках, много читал, а, в конечном итоге, и сам стал писать как для взрослых, так и для детей. Он также участвовал в обсуждении творчества поэтов, публиковавшихся на страницах литературных журналов, писал в «Литературную газету» в рубрику «Поэзия». Его взрослых стихов в архиве нет, но детские сохранились, ибо он их посылал в детские газеты («Пионерская правда», «Ленинские искры») и журналы («Пионер», «Весёлые картинки»). В ответ наиболее доброжелательные литконсультанты, Борис Лакин из «Пионера», например, хвалил его и присылал напечатанные на машинке стихи Пастернака. Но чаще стихи отклоняли: «Уважаемый Василий Николаевич! К сожалению, вынужден огорчить вас, стихи редакцию не заинтересовали. Это, скорее, не стихи даже, а упражнения «на рифмовку», где и рифма-то не всегда удачная: «страстно-сорвался», «Родину-доброе», «глазах-века» и т.п.» и т.д. (В.Сергин. Ж-л «Север». 1983 год.)

Сочинил вчера детское стихотворение «Динь-жужу». Юлька часто повторяет две строчки: «Динь-жужу, динь-жужу. Никому я не скажу. А после подсказки добавляет: «Никому я не скажу, что такое динь-жужу».

Из дневника. 10.09.1986.

Досочинил стишок «Козёл Антошка». Написал два больших стихотворения «Мыши без крыши» и «Волк и барабан». Общее количество строк перевавило до 350. Можно предлагать рукопись... Второй месяц сочиняю стишки, прозу забросил.

Из дневника. 20.10.1986.

Забежал в издательство («Карелия», Д.М.), забрал детскую рукопись. Чернецова отметила только два стихотворения, да и то одно не могла вспомнить, какое (второе «Мыши без крыши»).

Из дневника. 14.01.1987.

Детскую рукопись в издательстве завернули, хочу послать в детский журнал «Весёлые картинки».

Из дневника. 22.01.1987.

Отпечатал небылицы — 10 штук. Хочу послать в ленинградский отдел «Детской литературы».

Из дневника. 11.09.1989.

Рецензия на сборник стихов Василия Фирсова «Зайчики в сарайчике».

Рецензировать стихи Василия Фирсова под силу только пародисту. Я этим даром не обладаю. Думаю, что стал бы в тупик и сам Александр Иванов. Стихи Фирсова — готовая пародия: вот уж где ничего не прибавить, разве убавишь кое-что. Чего только стоят подобные перлы:

*Только вымокли —
и вновь.
Солнце сушит, будь здоров.*

*Именинник за столом
Чешет кашу с молоком.*

*Лошадь руку не дала,
(У неё была нога),
И поэтому она,
Помогая тонущим,
Дала ногу помощи.*

Поэт знает детскую поэзию и легко оперирует готовыми формулами. Уже название сборника вызывает в памяти известные строки К. Чуковского: «Зайчики в трамвайчике, жаба на метле». Образы, ритмический рисунок Чуковского постоянно сопутствуют Фирсову, но не забыты им С. Маршак, Д. Хармс, «Дедушка Мазай и зайцы Н. Некрасова, «Три поросёнка» С. Михалкова, «Красная шапочка», «Теремок», детская считалка «Раз, два, три, четыре, пять! Вышел зайчик погулять. Конечно, неизгладимое впечатление оставил в памяти автора мультипликационный сериал «Ну, погоди!». Соответственно, основные его герои зайцы и волк. То волк остаётся в дураках, то в данном положении оказывается благородная лошадь, доставшаяся ему на обед. Эту сказку завершает чисто басенная мораль:

*Что тут к этому добавить?
Ничего тут не добавить —
Зубы волку можно вставить —
Сердце доброе не вставить.*

Справедливости ради надо сказать, что есть у Фирсова и чисто сказочные концовки:

*Я там был, морковку ел,
Песни с зайчиками пел,
Пел, плясал и веселился,
А потом... под стол свалился.
Громко зайчики смеялись,
Тут мы с ним и расстались.*

И наконец, «волчий цикл» завершается победой над звериным естеством волка: он становится прекрасным пастухом.

Что может возразить автор рецензенту? Мол, в детской литературе (в отличие от взрослой) чрезвычайно сильна роль традиции. Я не только соглашусь, но и сошлюсь на «Предисловие» к последнему сборнику статей «Проблемы детской литературы» (Петрозаводск, 1987), где эта мысль особенно чётко декларируется. Но освоение традиции, во-первых, требует серьёзной культуры. В противном случае писатели попадают не в школу классиков, а в один из классов «антишколы». (См. в том же сборнике статью Р.Б.Калашниковой «Школа и «антишкола» Даниила Хармса»).

Во-вторых, следование традиции не отрицает новаторства. Кто только в фольклоре и детской литературе не мок под дождём?! Мышка-норушка, лягушка-квакушка, петушок-золотой гребешок, зайчик, лиса, волк, медведь, стрекоза, три поросёнка, принцесса на горошине... здесь мыши, только с ними ничего не происходит: мокнут, сохнут и поют. В этом новизна?

Автор может сослаться на то, что пародия — неотъемлемый атрибут детской поэзии. Действительно, творчество Чуковского — тому классический пример. Но пародия в его стихах функциональна: она работает на создание перевёртышей, усиливает игровое начало, комизм ситуации и характера, (где характеры у Фирсова?) развивает «поэтический «слух ребёнка». Обо всём этом хорошо написали Ст. Рассадин «Так начинают жить стихом») и М.Петровский («Книга о Корнее Чуковском»).

Фирсов, к сожалению, пародийности своих стихов не ощущает, он выдаёт их за оригинальное творчество. На деле его сборник самый что ни на есть эпигонский. Какой-то намёк на собственный почерк есть в стихотворении «Козёл Антошка». Авторам мультсериала «Ну, погоди!» можно подарить эпизод из сказки «Как волк пастухом стал» (волк — «няня», ягнёнок — «младенец»). Вот, пожалуй, и все удачи.

Разумеется, публиковать стихи нельзя. Если автор мечтает об известности одного из персонажей Ильфа и Петрова, то...

*Е.Маркова, кандидат филологических наук.
1987г.*

ДВЕ ЖИЗНИ ВАСИЛИЯ ФИРСОВА

К 60-летию со дня рождения

Творческий человек, как правило, проживает две жизни: явную, видимую всем окружающим и скрытую, внутреннюю жизнь. Следы жизни внутренней, творческой можно проследить лишь по произведениям, которые создает художник.

Жизнь внешняя, бытовая писателя-сказочника Василия Фирсова не освещена какими-то неординарными, яркими событиями. До армии — жизнь в деревне, потом служба на военно-морской базе, потом несколько лет на строительстве Камского автозавода, потом опять деревня, потом Петрозаводск. Вырастил двух детей, в перестройку потерял работу, постоянную новую не нашел, пил, развелся, умер в 58 лет. Никого такой биографией не удивишь. Удивляют его сказки. Их он написал более 500. Если сравнивать: в известном трехтомнике А. Афанасьева (с анекдотами и дополнениями) — 624, в двухтомнике братьев Соколовых — 163. Но конечно, важно и качество. С качеством всё нормально. Кто сказки Фирсова читал, а они периодически появлялись в местных журналах и газетах, это знает. Ну а специалисты говорят, что из ныне живущих, сравнивать его не с кем, что он вполне достоин занять место в истории русской литературной сказки 20 века вслед за Б.Шергиным. И тут мы переходим к жизни внутренней, творческой биографии писателя.

Но для начала цитата:

«...Идет по земле человек — худенький, невысокий, на голове широкополая шляпа, шея обмотана серым стареньким шарфом, за спиной небольшая кошелка. Идет по земле человек и в глазах его какой-то неземной восторг. Что это за человек и какая у него цель? Может, он идет с заработков, несет домой кучу денег и поэтому так радостен и весел? Нет, он не идет с заработков и не несет кучу денег. Не нужны ему деньги. Это идет поэт...»

Если в этом отрывке из статьи Василия Фирсова 1980-х годов о поэте Николае Рубцове «Последний пароход» заменить шляпу на кепку, шарф убрать (не водилось у Василия шарфов), «неземной восторг» заменить на задумчивость, а «веселость» на улыбку, то это портрет самого Василия Фирсова, тоже поэта с большой буквы. Поэта сказки. Денег, как известно, у него тоже не водилось.

Судя по дневниковым записям, с ранних лет он поставил перед собой задачу — стать писателем. В деревенском окружении не на кого было равняться, не с кем посоветоваться, поэтому он «советовался» с литературными журналами и книгами. Вероятно, в те годы (которые позже назовут застойными) он был самый активный подписчик газет и журналов и покупатель книг в районе. В его становлении, как писателя «застоя» не наблюдалось. С теми же газетами и журналами он вел активную переписку. «Пионер» и «Юность», «Октябрь» и «Наш современник», «Литературная газета». Паренька деревенского (а позже — рабочего Камаза) заметили, посылали доброжелательные отзывы на его стихи, юморески, рассказы, повести. Советовали, как подготовить рукопись к изданию и т.д. Он, в свою очередь, хоть и был стеснительным, посылал рецензии на публикуемые в столицах произведения, участвовал в диспутах, собирал диалектные слова для соответствующего академического словаря. Вот курьезный ответ из газеты тех лет (январь 1974 г.), который говорит о многом, в том числе и об отношении к молодым писателям.

«Дорогой товарищ Фирсов! Спасибо за внимание к нашему еженедельнику. Мы получили ваше письмо, которым вы откликнулись на публикацию в «Литературной России» материала Виктора Астафьева «Летит черное перо...» Мы передали ваше письмо Виктору Петровичу Астафьеву с надеждой, что оно поможет писателю в его дальнейшей работе».

Судя по тому же дневнику, который Фирсов вел 20 лет, он постоянно занимался самообразованием, много работал, что, в конечном итоге привело его сначала в Литературный институт, а затем на факультет журналистики ЛГУ. Другое дело, что он их не закончил, но на то были свои причины. У Рубцова в литинституте тоже были сложности.

О раннем периоде своего творческого пути, когда он считался молодым вологодским писателем, Фирсов никогда не рассказывал. Большинство петрозаводчан знают его с 1984 года, когда он приехал в Петрозаводск уже сложившимся литератором. Итогом его «вологодского» периода жизни стали публикации повестей и рассказов в журнале «Север» и «Поздравление», вышедшая в издательстве «Карелия» в 1988 году. А после выхода в 1992 году сразу двух книг сказок: «Сказки деда Северьяна» и «Чужой домовый», за ним прочно закрепилось амплуа мастера литературной сказки. Сказки, использующей, с одной стороны, традиционную форму, а с другой, говорящей своим особым языком о современности, о человеке, о вечных вопросах его бытия: добре и зле, любви и ненависти, правде и лжи...

18 ноября в 16-00 в Национальной библиотеке РК состоится вечер памяти и презентация книги воспоминаний о нем. Там же, в электронной библиотеке, можно познакомиться с книгой воспоминаний «Материалы к биографии Василия Фирсова», а также с его сказками.

*Д. Москвин
«Молодежная газета», 24-30 ноября 2011 г.*

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Н.РУБЦОВА
«ПОСЛЕДНИЙ ПАРОХОД».**

Иногда я думаю, почему нас не трогают, так сказать, «индустриальные» стихи. Когда поэт воспекает трактор, плавку металла, ракету — мы прочитаем о них, скажем: «хорошо написано», а если действительно хорошо написано и забудем. Но почему проникновенные стихи о деревенской жизни, о сельской природе западают нам в душу, волнуют, поднимают большие чувства. Может тут действует какая-то невидимая связь с далёким прошлым. Ведь все мы от природы. Лошадь, корова, деревенская изба — это века, а трактор, самолёт, автобус — это десятки лет. Может быть, поэтому где-то в подсознании мы тянемся ко всему изначальному, не хотим порывать с ним, да и невозможно порвать с ним. Без корней дерево сохнет. Веками складывалась у людей любовь ко всему, что ближе к природе. Вероятно, века нужны для того, чтобы люди воспринимали технику, как что-то естественное, читали бы об этом так, как читаем мы сейчас стихи Есенина, Рубцова или «Каплю росы» В.Солоухина.

И перечитывая «Последний пароход» Н. Рубцова, чувствуешь, что сила его книги не в индустриальных «трамфлотовских» стихах, которых не так уж и много, а тех, что обращены к своей малой Родине, к деревне, к сельским жителям, к милой его сердцу северной природе.

...Идёт по земле человек. Худенький, невысокий, на голове широкополая шляпа, шея обмотана серым стареньким шарфом, за спиной небольшая котомка. Идёт по земле человек и в глазах его какой-то неземной восторг. Что это за человек и какая у него цель? Может он идёт с заработков, несёт домой кучу денег и поэтому так радостен и весел? Нет, он не идёт с заработков и не несёт кучу денег. Не нужны ему деньги. Это идёт поэт и потому в его глазах неземной восторг. И этот восторг выливается у него в стихи:

*«Я так люблю осенний лес,
Над ним сияние небес,
Что я хотел бы превратиться
Или в багряный тихий лист,
Иль в дождевой весёлый свист,
Но, превратившись, возродиться*

*И возвратиться в отчий дом,
Чтобы однажды в доме том
Перед дорогою большою
Сказать: — Я был в лесу листом!
Сказать: — Я был в лесу дождём!
Поверьте мне: я чист душою...»*

И в этих стихах мы чувствуем прекрасное стремление поэта слиться с природой, очиститься под её влиянием от всего суетливого, ненужного, очиститься и поклясться: «поверьте мне: я чист душою». И в другом стихотворении поэт страстно восклицает:

*«Перед всем старинным белым светом,
Я клянусь,
Душа моя чиста».*

Мы верим ему, порукою этому — его стихи. И когда мы задумываемся над тем, что же является главным в оценке личности человека, изначально, от чего человек получает право называться Человеком, мы приходим к ответу: чистота души. Неловко становится за иного поэта, в стихах которого мы улавливаем лицемерие и фальшь. И тут хочется вспомнить мудрого Пришвина: «Река питается скрытыми родниками: все ею пользуются, а за рекой родники. Так и у писателя пишется. А пишется тем, что у него за душой. И все мы потихоньку спрашиваем: «Что у него за душой?»

Рубцов на этот вопрос отвечает своими стихами.

Родина, берёзовая Россия, родное заволочье — вот что было у него за душой, и вся любовь к родным просторам, к избам, облакам, к людям, живущим на этой прекрасной земле вылилась в его стихах, как светлый живительный поток, к которому не раз ещё припадут с чувством глубокой благодарности те, к кому обращена вся поэзия Николая Рубцова. У каждого поэта есть свой любимый прообраз, который зримо и незримо присутствует во всех его стихах. У Рубцова этот прообраз — ветер. Ветер то порывистый, злобный, то мягкий, шелестящий, то стонущий, надрывный, то вдруг стихающий, наполненный мягкими, чуть слышными звуками отдыхающей природы:

*«Ветер, ветер! Как стонет в уши!
Как выражает живую душу!
Что сам не можешь, то может ветер
Сказать о жизни на целом свете».*

Стонет, надывается ветер и нельзя отдохнуть, нельзя успокоиться. Ветер и облегчает и мучит душу человека, не даёт остановиться, всё зовёт и зовёт. И о чём бы ни писал поэт, всюду присутствует дыхание ветра, свежего, очистительного, без которого любое стихотворение было бы безжизненным, похожим на обвисший парус в штилевую погоду.

В сущности, любой поэт, сколько бы книг он ни выпустил, пишет одну единственную Книгу. Пишет всю жизнь. И поэтому, разбирая «Последний пароход» Н.Рубцова, уместно обратиться и к другим сборникам поэта.

В статье В.Кожина, напечатанной в журнале «Наш современник» и посвященной поэзии Н.Рубцова, очень верно сказано о пустотах, которые существуют в поэзии, и эти пустоты заполняют талантливые поэты своими стихами. Немало таких пустот заполнил Н.Рубцов. И когда читаешь стихотворение «Тихая моя родина», то думаешь, как, всё-таки, сильно, волнующе могут действовать на человека простые, обыкновенные слова:

*«Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.*

*— Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу —
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу».*

Неотразимая музыка, грусть, приглушенное волнение с первых же слов захватывают читателя и не знаешь, чему внимать: музыке ли, созданной из обычных слов или смыслу самого стихотворения. Здесь одно от другого неотделимо, как неотделимы в сознании поэта мать и Родина. С каждой строкой печаль и волнение нарастает и неожиданно стихотворение взрывается яростным признанием:

*«С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть.
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь».*

В этом признании всё: и огромная любовь к своей тихой родине, и тоска по материнскому голосу, и клятва, присяга на верность этим избам и тучам, речке, деревянной школе, Всему, что было его колыбелью с детских лет, чистым родником, к которому припадал всю свою жизнь поэт.

Каждому человеку от природы дано чувство пути, но далеко не у каждого оно развивается. Терпимо, когда это чувство не развито у людей, не имеющих дело с литературой, но отсутствие чувства пути у поэта я бы сравнил со скворечником, из которого нельзя улететь, а, следовательно, нельзя и возвратиться.

Николай Рубцов свою короткую жизнь прожил так «как будто ветер гнал меня по ней, по всей земле, — по сёлам и столицам!» Бродяжий дух жил в нём постоянно, не исчезая ни на минуту, он всё время взбудораживал мысли и чувства поэта, и лучшие его стихи рождались в пути:

*«В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звёздами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.*

*Светятся тихие, светятся чудные,
Слышится шум полыни...
Были пути мои трудные, трудные.
Где ж вы, печали мои?*

Такие стихи не пишутся трудно. Они просто выливаются из души поэта. Так написаны многие стихи Николая Рубцова и я считаю, что не прав В.Дементьев, утверждая в своей работе «Предвечернее Николая Рубцова», что Рубцов писал трудно, затрачивая массу времени на написание одного стихотворения. Чем же тогда объяснить, что за одно лето 1964 года Рубцов написал более пятидесяти стихотворений. Это подтверждает и друг Н.Рубцова, молодой вологодский прозаик Сергей Багров, который в своих воспоминаниях о поэте, опубликованных в газете «Вологодский комсомолец», рассказывая о том, как поэт пишет стихи. Рубцов пообещал ему дать свои стихи, написанные недавно, но потом вспомнил, что эти стихи он уже отправил в столичный журнал. «Но черновики-то у тебя должны сохраниться?» — спросил Багров. «У меня черновики очень мало, — ответил Рубцов, — а к этим стихам и вообще не было». «Но ты ведь сидишь за столом и пишешь ручкой, зачёркиваешь, исправляешь?» «В том-то и дело что не сижу за столом, а если и сижу, то без ручки», — был ответ Рубцова. Это ещё раз подтверждает, что для истинного поэта написать стихотворение — значит вылить на бумагу всё, что накопело на душе, единым махом, и слова при этом сами, по какой-то непонятной, быть может, самому поэту, причине, складываются в неповторимые строки, а рифмы как будто только и ждут, чтобы их нашли. В.Дементьев ссылается на стихотворение, в котором есть строки: «Черны мои черновики, чисты чистовики». И далее: «Мне спать велят чистовики, вставать — черновики». Мне кажется, что эти стихи написаны для поэтов среднего таланта, которые смогут написать стихотворение лишь после большого напряжённого труда, исписав горы бумаги. В принципе, Рубцов, конечно всячески поддерживает роль неустанной черновой работы, но сам он избавлен от этого природой и знает об этом. Я не хочу сказать, что Рубцову давалось всё легко. Он трудился, но трудился по-своему, внутренне, постоянно. Но вот — вспышка вдохновения — и на бумагу ложится новое стихотворение.

Лирика Н.Рубцова рождена на нашей древней северной земле, в русской деревне, там, где сохранились старинные традиции русского народа, откуда веет неувядаемым русским духом, где сильнее и лучше можно уловить связь времён, прошлого и настоящего нашей Родины, уловить связь между русской берёзкой, одиноко стоящей на юру и грохотом вздыбившейся армадой строек России. И пусть мы не увидим в стихах Н.Рубцова широкой картины современной России, но читая его стихи о сельской природе, о труде сельс-

ких жителей, обо всём, что связано с милой сердцу поэта Заволочьем, мы не можем не подразумевать того, что люди покоряют космос, владеют атомом, лучом лазера, варят сталь, строят огромные, по последнему слову науки и техники, заводы... И мы чувствуем, что начало всего — отсюда, от родных полей и лугов, от околицы деревни, от колодца, стоящего посреди села:

*«Не кричи так жалобно, кукушка,
Над водой, над стужею дорог!
Мать России целой — деревушка,
Может быть, вот этот уголок...»*

Но грань между селом и городом стирается всё больше. Поэт понимает это и ему, мужавшему под грохот мазов «на твёрдой рабочей земле» «хочется как-то сразу жить в городе и селе». И эта раздвоенность мучит его, беспокоит:

*«Ах, город село таранит!
Ах, что-то пойдёт на слом!
Меня всё терзают грани
Меж городом и селом...»*

Но в то же время поэт признаётся:

*«Не порвать мне мучительной связи
С долгой осенью нашей земли,
С деревцом у сырой коновязи,
С журавлями в холодной дали...»*

«Эта связь была для Рубцова воистину мучительна», — говорится в статье В.Дементьева «Предвечернее Н.Рубцова», — и, одновременно, отрада, ибо только она дарила ему «радость неземную», впрочем как и поэзия, как и «древность земли».

Поэт сознаёт, что с уходом старой деревни что-то пойдёт на слом. Мы можем предположить, что уйдёт на слом. Старинные обычаи, обряды, сказания, — всё, что создано веками народом, может уйти бесследно, если нам не прилагать усилий для сохранения памяти народной мудрости. Конечно, никто не призывает заставлять, приучать молодое поколение исполнить различные обряды, петь частушки, ходить на посиделки — словом делать то, что делали в старой деревне. Наша задача заключается в том, чтобы новые поколения знали то, чем жили их предки, знали и бережно хранили память об этом, передавали другим поколениям, ибо на бережной памяти о прошлом зиждется сама нравственность народа, вынесшего столь много страданий и сохранившего величие и благородство души, свойственные русскому человеку.

И поэт, чувствующий, что с уходом старой русской деревни может уйти на слом и то, что ни в какой мере не должно уйти, в глубине души жалеет ста-

рую деревню, хочет, чтобы человеческие отношения, сложившиеся в ней, сохранились и в цивилизованной деревне:

*«Боюсь, что над нами не будет возвышенной силы.
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом.
Что, всё поминая, без грусти пойду до могилы.
Отчизна и воля — останься, моё божество!»*

*Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!...*

Поэт боится, что чем больше деревня сливается с городом, тем сильнее человек подпадает под влияние стандартов цивилизации, которые, как верно отметил В.Дементьев, способны «превратить личность в некую наукообразную схему, в «кибер», в котором запрограммированы все человеческие страсти и чувства... Спасением для него была лишь вера в «грозовое бытие», в высокое, неразгаданное предназначение человека».

Поэт боится, что деловитость современного человека, его прагматичный подход к тем проблемам жизни, которые не решаются без участия сердца, возобладают над «возвышенной силой», которая призвана рождать возвышенные мысли и чувства в душе человека.

Поэтому не случайно поэт часто обращается к «достославной старине». Именно через это, глядя из глубины веков на современность, поэт понимает какая это непреходящая, мучительная любовь — любовь к России:

*«Россия, Русь —
Куда я ни взгляну!
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы...
... Люблю навек, до вечного покоя...*

И боясь, что у него могут отнять эту любовь, его Россию, поэт страстно восклицает:

*«Россия! Русь! Храни, себя храни!
Смотри, опять в леса твои и дома
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы...»*

И эти слова, как верно отметил В.Дементьев, представляют собою завет будущим временам, завет поэта, у которого из всех родных и близких осталась родина-Мать!

И этой родине-Матери посвящает он свои стихи, воспевает ее, людей, живущих на этой земле, воспевает летящий снег, огонек далекой деревни.

Скитальческая жизнь Н.Рубцова позволила ему глубже понять и почувствовать душу сельских жителей, своих земляков. В них, в деревенских людях, видел он прежде всего Русь, ту, которая дорога его сердцу, которой он посвятил свои лучшие песни.

*«Я долго слушал шум завода —
И понял вдруг, что счастье тут —
Россия, дети и природа,
И кропотливый сельский труд!...*

Эти стихи говорят о том, что поэт нашел точку опоры, и теперь знает, где надо искать счастье:

*«Привет, Россия — родина моя!
Как под твоей мне радостно листвою!
И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое».*

Рубцов во время своих путешествий встречался с разными людьми. Одна такая встреча родила прекрасное стихотворение «Русский огонёк», в котором поэт приоткрывает нам сущность русского человека, русской души. Старая женщина пустила его на ночлег. Но не было в её взгляде ни веселья, ни приветливости:

*«Потом хозяйка слушала меня,
Но в тусклом взгляде
Жизни было мало,
И, неподвижно сидя у огня,
Она совсем, казалось, задремала».*

И поэта, разглядывающего фотографии на стене «в простой и бережной оправе» вдруг поразили «сиротский смысл семейных фотографий».

*«Огнем, враждой
Земля полным-полна
И близких всех душа не позабудет...»*

Хранит старуха в своём сердце закаменевшее горе, живет в каком-то полусне, не может забыть, вырвать из сердца те грозные годы, унёсшие её сыновей. Но, когда путник прерывает её страшные виденья «глухим бречением монет», она с удивлением смотрит на него: «Господь с тобой! Мы денег не берём!» И благодарный путник отвечает:

*«За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью».*

Поэт тронут той бескорыстной добротой души, которая светится, как скромный огонёк, в сердцах простых русских людей. И даже личное горе не способно заслонить душевное тепло, которого хватает для всех, кто в поле бездорожном от всех друзей отчаянно далёк».

Глубоко трогают и западают в душу стихи Н.Рубцова о любви и дружбе:

*«Мы с тобою как разные птицы.
Что ж нам ждать на одном берегу?
Может быть, я смогу возвратиться,
Может быть, никогда не смогу...»*
«Прощальная песня»

*«Прислонившись к трепетной осине,
Две подружки нежно целовались,
Обнимались словно сиротинки,
И слезами горько обливались.*

*И не знали юные подружки,
Что для грусти этой, для кручины,
Кроме вечной жалобы кукушки,
Может быть, и не было причины.*

*И когда задремлет деревушка
И зажгутся звёзды над потоком,
Не кричи так жалобно, кукушка!
Никому не будет одиноко...»*
«Над рекой»

Простыми словами поэт выражает самое сокровенное человеческой души и это ему удаётся полностью.

Н.Рубцов умел всё трагическое в жизни переплавить в пленительные строки стихов, умел заразить ими читателя, заставить чувствовать то, что чувствует сам поэт.

Немало хороших стихов создал за свою короткую и трудную жизнь Н.Рубцов, и как нельзя лучше подходят к нему его же слова. Посвящённые памяти поэта Н.Анциферова:

*«Он нас на земле посетил
Как чей-то привет и улыбка».*

Рубцова в последние годы всё чаще посещало страшное предчувствие —

*«Родимая! Что ещё будет
Со мною? Родная заря
Уж завтра меня не разбудит
Играя в окне и горя...»*

Интуиция ли, или ещё что-то подсказывали ему об этом, признавался поэт в своей «Элегии»:

*«...Не купить мне избу над оврагом
И цветы не выращивать мне».*

Развязка наступила трагически быстро — в ночь с 18 на 19 января 1971 года. Все, что нам оставил Н.Рубцов, освящено нежной и грустной любовью к родному Заволочью, к матери-России. Эта любовь разлита во всех его стихах, грустных и весёлых, раздумчивых и проникновенных. И чем больше проходит времени, тем острее мы сознаём всю силу рубцовской поэзии, воспевающей берёзовую Россию, уходящую деревню, простых русских людей, для которых чужая боль — своя боль, которые вынесли столько страданий и сохранили нежность сердца и доброту души.

И размышляя над поэзией Рубцова, над его наследством. Которое создавалось в период постоянного слияния деревни с городом, когда новая деревня всё громче заявляет о своих правах и, в то же время, старая деревня ещё держит свои позиции, можно сказать, что Николай Рубцов — последний поэт старой деревни. Вряд ли кто ещё сможет сказать так сильно и ярко о жизни сельских жителей, о сельской природе, связанной с бытом уходящей деревни, о родной окрестности и о том десятке холмов и полей, которые призывает помнить поэт, и без которых мы не могли бы почувствовать, что такое Родина. Меняется деревня, меняются и песни о ней, а значит, и певец нужен другой, который смог бы, слагая стихи о новой, цивилизованной деревне, затронуть душу читателя, так, как трогает её поэзия Н.Рубцова. Он был необходим, певец уходящей деревни, и он пришёл. Пришёл и ушёл, оставив нам пленительные стихи, которые врачуют нам душу, как летящий по всей России снег. Ушёл с грустной и мудрой улыбкой, сказав на прощание:

*«Я слышу печальные звуки,
Которых не слышит никто».*

ЮМОР ВАСИЛИЯ ФИРСОВА

«Написал уже около сотни частушек».

Запись из дневника. 4.11.1987.

Частушка — один из любимых жанров Фирсова. Он их читал, переписывал, сочинял сам. Посылал частушки на конкурсы. В, частности, в газете «Комсомолец» (20.4.1991) в рубрике «Каюк-плюс» в статье «Актуальная частушка» опубликованы три его частушки и сообщение о том, что Фирсов удостоен Диплома газеты как победитель 1-го творческого конкурса ЗК КАЮК за частушки.

*За прилавком в коопмаге
Коопдевушка стоит.
Коопцены на витринах,
Не ско-опытаться, — говорит.*

*Как из очереди длинной
Выползает бабка.
Чей-то зонт на голове
И мужская шапка.*

*Как догнал меня шофёрик,
Говорил мне: — Прокачу...
Прокатил — и «до свиданья».
... Я пелёночки верчу.*

Частушки из рукописей.

*Перестройка началась
У карельских у ребят:
Меньше водки выпивают,
Больше сахара едят.*

*Бригадир у нас весёлый,
Шапочка с помпончиком,
Если надо лошадей —
Приходи с талончиком.*

*Бабке в гроб пора ложиться,
Бабка гонит самогон.
Вместо гроба предложили
Из милиции фургон.*

*Бабка померла внезапно,
Внучку радость, внучек рад,
Перешёл ему в наследство
Самогонный аппарат.*

*На осину влез начальник,
Смотрит вдаль из-под руки.
«Где же, где же перестройка?
Не видать из-за реки».*

Волшебная сказка обладает тончайшим, совершенно специфическим юмором, окрашенным в лёгкую, добродушную иронию. Смех же — развлечение присущее фольклору. Это одна из форм коллективного переживания, эмоционального единения и разрядки.

Большинство сказок Фирсова наполнены юмором, он его понимал и любил; ещё в «досказочный» период своего творчества он писал юморески, пародии, частушки. В 2006 году опубликовал в журнале «Север» статью «Особенности национального юмора», связанную с записью карельских юмористических сказок фольклористом Н.Ф.Лесковым в Олонецкой губернии в конце девятнадцатого века.

Как и в традиционных народных сказках, в сказках Фирсова — не отражение мира, а преображение. Это мир «перевернутый», невидаль, небыль.

Дмитрий Москвин

Порой кажется, что в бытовых сказках я, пожалуй, чувствую себя гораздо свободнее, чем в прозе обычной. Сказку писать интереснее, она связана с деталями, которые в прозе не обойдёшь; в сказке легче проявить свои, так сказать, юмористические наклонности.

Как-то даже мелькнула мысль о романе-сказке, но это потом. Кто знает, может сказка — это мой жанр; через сказку я смогу как бы самовыразиться с наибольшей полнотой.

Из дневника. 18.02.1980

Написал пародию на Белова, отослал в «Красный Север». Решил три пародии отослать в «Вопросы литературы».

Из дневника. 07.07.1980.

В сказках я смеюсь, любя.

Из дневника. 10.05.1991.

Интерес Василия Фирсова к народной изобразительной сатире не случаен. Его она интересовала и как исследователя русского фольклора, и как его творца в новейшие времена. В своих сказках Фирсов широко использует все приёмы «балагурного комизма», которые встречаются в подписях к лубкам, выкриках раёшных зазывал и балаганных «дедов». Это определённая форма стиха, не соблюдающая регулярного размера, построенная не на мелодии, а на средствах речевой выразительности и на рифме.

Дмитрий Москвин

КАК МЫШИ КОТА ПОГРЕБАЛИ

Необходимое предисловие

Читателю было бы трудно понять многие детали этих «сатирических комментариев» к лубочной народной картинке. Крутая реформаторская деятельность Петра Первого породила немало врагов как среди простого народа, так и среди старой допетровской знати, среди церковнослужителей, ревнителей старой веры, двупёрстного знамения.

Д.А.Ровинский, публикатор этой народной картинки и пояснений к ней, отмечает, что эта картинка — «чисто русское произведение, не заимствованное ниоткуда, вполне оригинальное произведение народного буфа. Она представляет погребение Петра I и вместе с тем пародию на шутовские церемонии, которые он так любил устраивать».

На картинке вместо восьми лошадей, как было на похоронах царя, изображены восемь мышей. Справа и слева идут мыши — представительницы близлежащих к столице губерний: «корелки, охтенки, Шушера из Шлюшина с ладожским сигом, мыши татарские, которым от Петра досталось особенно солоно, мыши из кабаков, «вольных домов», «мыши лазарецкие», мыши — известные лица: Савва Рагузинский, Степан Яворецкий и т.п. и особенно мышь — котовая вдова, чухонка адмиральши Маланьи (царица Екатерина I).

Василий Фирсов

КАК МЫШИ КОТА ПОГРЕБАЮТ (по мотивам народной лубочной картинки).

А вот вам, люди добрые, небылица в лицах, найдена в старых светлицах про то, как мыши кота погребают, в последний путь провожают.

Кот был казанский, уроженец астраханский, разум у него сибирский, ус су-састерский, жил кот славно, жил, сапоги носил, ел сладко, срал слабо. Умер в месяц оный без лишнего стону, во число шестопятое, в час полуденный.

Возложили мыши кота в дровни чухонские, восьmero мышей в лямки впряглись, тянут, кота клянут так, что уши вянут, а сами радуются — дождался праздника, дожили до светлого дня. Тянут мыши дровни, на козлах сидит кучер из навозной кучи, а по бокам мышинный народ толпою идёт, отходную поёт. Вот крыса мучная с детьми шагает, кота провожает, по нотной бумаге выпекает, рядом мышка из немецкой лавки, взявши свирель в лапки, умильно играет, кота проклинает. Рогожская мышь по имени Корча тащит бубен скорчась, а позади бежит из Таганки мышь-поганка, бежит смотреть кота на дровнях, бьёт в бубен походною дробью. Деревенская мышь именем Чурилка в свирелку играет, ладу не знает, рядом мышь в балалайку играет, на поминки кота гостей собирает, а мышь с Дону из убогого дому весёлые песни воспекает, добрую жизнь без кота возвещает, а мышь татарская Аринка наигрывает в волынку. Вот мышь с Рязани Сива в сарафане синем, идучи горько плачет да вприсядку скачет, а мыши Елеси идут хвосты свеса. Мыши Ермаки идут, надевши валяные колпаки. От важных домов, то бишь кабаков с винных погребов, едет мышь в одноколке, запряги мышь-отца, объявляет веселью быть без конца. Украинская мышь братинкой гремит, передних бранит, что скоро бегут, а старые лазарецкие мыши за ними бредут. А это что за диво — две мыши тащат ушат мёрзлого пива с Рожковой горы от чухонки-вдовы, а за ними мышь кружкой гремит, кучеров бранит, чтоб скорее везли кота поминать, похмельных похмелять. А тут мышь несёт склянку вина, а вторая — полтора блина, а тут мышь старая, подовинная, сама в очках, а жона в клочках, когда-то кот изорвал, есть мыши, что вспомнить. Мышь Емелка едет, заткнувши за пояс тряпицу, а сам наяривает в скрипицу; охтинская мышь-переведёнка несёт раненого котом ребёнка. А сивая мышь сельская ведёт за собой свинью на убой, а мышь рыжа говорит — де я ничего не вижу, а мышь из ямской хворых мышей на себе везут, прогонов не берут; а там мыши идут, одна с метлой, другая с ветлой, по пути дорогу лаптями устилают, а сами по сторонам посикают; а вот мышка, севши на пенёк, надувается третий денёк, как будто в новы лапти обувается; а эти мыши несли рака, учинили с ним драку, а мышь лазарецкая тащится на костылях, хочет сесть на копылах; а мышь барабошка несёт рогожку коту подостлать да на кота насрать; а эта мышь идёт-хрюкает, обед себе нюхает. А мышь с Арбата от старости горбата, убирает тарелки, подносит чарки с горелкой; мыши олонки несут солонки, а другие сноп соломки; мыши корелки несут ложки да тарелки, а мыши, татарские ханжи, несут вилки да ножи. А эта мышь несёт таракана печёного, а другая —

чесноку толчёного; эти идут пешками, кушанья несут мешками, мышья-старуха несёт хлеба краюху, а эта мышья от чухонки Маланьи везёт полны сани оладьев; мышенок отшиблено рыло, несёт жареную рыбу. Мышь палёна несёт ядро калёно пиво подогревать, коты поминать, а мыши с Покровки несут морковные похлёбки, а мышья с Крыму кобыльего молока крыну; мыши с Вятки — яйца всмятку; мыши-новгородки несут сковородки, в них — сладкие похлёбки; а эта мышья для смаку несёт тёртого маку; а эта бежит на лыжах, а сама на поминках кости лижет; а эта мышья говорок, добрый поварок, на чумичке вши бьёт, а жопой тарелки трёт.

Вот какая публика собралась на поминки, сани тянут, коты кланут, так что уши вянут, а сами радуются, дождались праздника, дожили до светлого дня, а что дальше будет, то Бог рассудит, не мышам про это печалиться.

БАНДЕРЛОГ ВАСИЛИЙ ФИРСОВ

Василий Фирсов жил экстремально.

Шёл по лезвию бритвы — и жонглировал чекушками. Весело смотрел в лицо смерти. Задира! Та долго терпела.

На земле Васе было неуютно. Потому в мечтах норовил уйти под землю — спрятаться там, затаиться.

Эпоха предоставила такую возможность.

Началась раскопка ГУЛАГовских могил — Василия завлекло это невесёлое дело.

В дневнике он признавался: внутри могилы хорошо — аура там особая.

Так и сказано: аура!

Это бездонное признание. Что наш лотлинь? Не промерить васину душу.

У М. Хайдеггера есть выражение: бытие-к-смерти. И ещё: бытие-к-ничто.

О юморе Василия Фирсова можно сказать так: смех-к-смерти. Или смех-к-ничто. Это не на виду. Но если углубишься — то со вздрогом почувствуешь: на васины байки свою печать наложила эсхатология.

Вася ничтожил себя. Это глагол того же М. Хайдеггера.

Самоумаление у Васи достигало предела. Он ни во грош ставил и свой талант, и свой труд.

Ощущал себя прахом!

Того не сознавая, внутри себя создавал колоссальные перепады — и ткань бытия расходилась у него по швам, превращаясь в никчёмную ветошь.

Успел ли Вася на этом свете прочесть книгу Альберта Камю «Миф о Сизифе. Эссе об абсурде»? Очень она ему созвучна! Васю без всякой нарочитости можно сопрягать и с экзистенциализмом, и с постмодернизмом. Он был философом божьей милостью. Философом-шутком? А как угодно. Главное — в сути: сквозь Васю прокричало — адекватно выразило себя — наше алогичное время.

Абсурдизм!

Классики здесь — Ж.-П. Сартр и Э. Ионеско. Василий Фирсов сегодня видится рядом с ними.

Пустопорожний сизифов труд — конечно же, с его переносом на совсем другой фон — был важной для Васи темой.

Киндасовцы иногда кажутся потомками Сизифа.

Да едва ли и не большинство нынешних россиян сущностно восходят к нему! Ведь Киндасово — зеркало России. Или лучше сказать так: экстракт её коллективного разума, помутнённого бесправием и террором. Пытаемся подняться ввысь — и фатально скатываемся назад. В распыл уходят силы многих поколений.

Но снизим ноту.

Вот десять Андронов — десять братьев из Киндасово — подрядились поставить забор.

Жердей заготовили достаточно — а со столбами поленились.

Сами подпирают забор.

Оттойдут в сторону — прясла падают.

Ничего — поднимем!

Послушаем финал гениальной сказки:

Стоит забор, не падает. И год стоит, и два стоит, и больше стоит, а пряжинцы уж знают: стоит забор — значит, столбы на месте; лежит забор — столбы обедать пошли; ну а если вдруг закачался забор — значит, кто-то из столбов сегодня именинник.

Счёт Андронов пошёл на миллионы.

Тотальная бестолковость!

Это наш рок?

Сказка «Десять Андронов» — ёмкий образ России. Настоятельно подчёркнём: это никакая не сатира! Юмору Василия Фирсова чужда злоба дневи. Это абсолютно аполитичный, абсолютно асоциальный юмор. И тем не менее эпоха через него ярко выражает себя.

Я бы сказал так: это юмор-диагност. Он однозначно показывает: абсурдность нашей жизни прогрессирует. В задачу Васи подобные выводы не входили. Тем не менее они вытекают сами собой. Чем спонтанней смех, тем верней схватывает время. Непроизвольное глубже предзаданного.

Смех Васи самоценен.

Это чистый, искренний, жизнотворческий смех. Он от вечности — и для вечности. Несмотря на жёсткость окружения, в нём сохранилась доброта дитяти — и его улыбчивость.

Можно и должно этим смехом наслаждаться ради него самого. Вот неисчерпаемый источник благодати! Сказки Васи приносят катарсис. Они освежают мышление и бодрят дух.

Искусство ради искусства — юмор ради юмора: это о Васе. Смех у него свободен от каких бы то ни было служебных функций. Он не обличает — не просвещает — не воспитывает.

Мы смеёмся от души — смеёмся восторженно — смеёмся самозабвенно.

Но вдруг будто занозу почувствуем в сердце!

Что такое?

Обидно за киндасовцев.

Нет, Вася вовсе не намеревался нас разжалобить — сентиментальности у него нет и в помине.

И всё же досада берёт, что киндасовцы так неудачливы — вечно они терпят убыток, вечно их обманывают.

Добрые, хорошие!

А ведь балбесы.

Вот здесь — новизна: юмор Василия Фирсова чутко сигнализирует, что состояние мира изменилось — потому и смех исподволь, незаметно проэволюционировал.

В каком направлении?

Абсурдность возрастает в нашей стране — Вася это уловил раньше других. И как бы наперёд: умер наш сказочник — а выявленная им тенденция проявляется всё очевидней.

«Россия, ты одурела!» — однажды воскликнул Юрий Карякин.

Пусть неявные, но всё же очень и очень значительные симптомы этого одурения Василий Фирсов почувствовал ещё в молодые годы. Прививки не сделать. Что спасло? Здоровая крестьянская жилка.

Вот константа всего мирового фольклора: туповатый герой оборачивается смекалистым парнем.

Всё мы будем ждать подобной метаморфозы от киндасовца!

Дундук остаётся дундуком.

Ну где можно было так оболваниться?

У киндасовцев начисто отсутствует качество обучаемости. Уроки жизни проходят для них втуне. Хоть кол на голове теши — как об стенку горох — будто с глухим говоришь.

Милые, доверчивые, располагающие к себе киндасовцы! Они нас забавят — помогают снять напряжение — внушают оптимизм.

Весело с киндасовцами.

И всё же в отношении к ним нет-нет, а пробивается момент сочувствия, сострадания.

Мужик, несущий яйца — причём варёные: ну и сюр! Откуда это? От дефицита. Не помирать же с голодухи.

Абсурдно, а жизнеутвердительно!

Смех Василия Фирсова: это ново — это проблема. Столь же проблемна и жанровая природа его прозы.

Сказки? Ну да, конечно. Однако весьма необычные. Вставишь в академический сборник — и покажутся белыми воронами.

Притчи? Но ведь без всякой назидательности. И лишь с видимостью аллегоричности. Скорее перед нами своеобразный мифогенез, который покинул олимпийские высоты, перейдя в бурлескно-игровое измерение.

Василий Фирсов философичен.

Если бы Сократ рассказывал детям сказки и притчи, уча их уму-разуму в атмосфере благодушной иронии, то мне кажется: это напоминало бы Васю Фирсова.

Кстати, Вася очень похож на Сократа — может, является его реинкарнацией? Но за внешним сходством проступают и сущностные параллели.

Оба мудры как змии.

Оба предпочитали себя выражать посредством устной речи, а не через письмо.

Оба подвергались остракизму со стороны своего общества — выталкивались в маргинальную зону.

И смерти их — такие созвучные: одного погубила цикута — другого палёная водка.

Вася держался особняком. Не любил толпу! Весь свой век он крепил незримую оборону, противостоя натиску дебилизации, подмявшей под себя огромную страну.

Было бы неверным напрямую выводить из прозы Василия философские сентенции. Вот сказка «Три киндасовца и один топор». Ясно, о чём хочет сказать автор: не всегда совместный труд эффективен — иногда полезней единоличное действие. Сухое резюме! Толку от него немного. Но сказка включает сложные ассоциации.

Не потому ли в Киндасове такие нелады, что сельчанам когда-то навязали колхоз?

Борис Пастернак говорил: «Всякая стадность — прибежище неодарённости». Или глупости — как переиначила этот афоризм молва.

Стадный инстинкт ещё сильно ощущается и в Киндасове, и во всей России. Быть как все — единодушно голосовать за подонков — покорно следовать серым стереотипам: этого у нас ещё вдоволь. Сказка «Всем по девятнадцать» напоминает о неизжитом атавизме. Её герои как заведённые повторяют одну и ту же дичь. Выслуживаются перед царём! Очень смахивает на наши дни.

Впрочем, Васины сказки могут — и должны! — восприниматься вне подобных аллюзий.

Вечная мудрость — поверх времени — говорит с нами из них.

Перечитаем прелестную сказку о том, как ёжик предложил зайцу забросить пёрышко на дерево, но у того не получилось. А ведь как хорохорился! Не вышло и у волка, и у медведя.

Кто явил своё превосходство перед крупным зверьём?

Маленький мышонок!

К пёрышку подвязал камушек — и метнул на самую вершину.

Вишь какой изобретательный!

К этой сказке можно написать обширный философский комментарий. Приходят на память и даосизм (малое порой перспективней великого), и принцип неотении (детское даёт фору взрослому), и синергетику (слабый встанет над сильным).

Слово у Васи узорчатое.

За прозаической транскрипцией часто скрывается рифмованный стих. Проявим его:

Сидят,
Хлебы солят
Давят весом
С большим интересом:
Тесто поднимается,
А они опускаются.
Крышка до дна дошла —

Хлебы готовые,
Солим новые,
А эти хватаем,
Да в рот кидаем,
Попавши — съедаем,
А не поправши —
Щели в стенах замазываем.

Характерно дактилическое окончание в конце этого периода — оно похоже на росчерк, которым зяблик завершает свою песню.

В слове Васи много птичьего.
Лихо выбрасывает коленца!
Хочется слушать и слушать.
Как это сбереглось посреди рёва и скрежета?
Поэтика скоморошьяй небылицы получает у Васи блистательное развитие. Трели, перещёлкивания! А за ними — фантастика:

Говорят, и избы у вас занятые, для других непонятные: крыльцо на крыше, а двери ещё выше, откроешь — небо видать, а как в избу попадать, надо на верёвке спускаться, на конце раскататься да в окно попасть.

Чувствуете себя небожителями? Это ведь русский космизм — в его народном изводе.

Абсурд абсурду рознь.

В дедовских скоморошинах он феерический — в нынешних детских страшилках кошмарный.

Абсурдизм Василия Фирсова окрашен в экзистенциалистские тона.

Сколько киндасовых брошены на Руси своими обитателями?

Искали высокий смысл — получили бессмыслицу.

Нонсенс на нонсенсе!

Нонсенс, возводимый в энную степень — растущий в бесконечной прогрессии!

Увы, но абсурдизация в нашей стране приобретает всё более трагический характер — она грозит нам летальным исходом.

Страшно, когда к власти в стране приходит примитив — он опускает это качество вниз: в массы.

Даже не верится, что наши соплеменники — Андрей Рублёв и Пётр Чайковский.

Как же мы деградировали!

Что остановит падение?

Смех!

Бесстрашный и свободный смех!

Вот гарант человеческого достоинства — вот залог чаемого разглупления. Икону Богоматери «Прибавление ума» — и васины книги: это надо принять вкупе.

Вася Фирсов убеждает нас в том, что на роль лидера нации должен призываться не скучный тусляк, а искромётный Homo ridens — Человек смеющийся. Иначе нам хана.

Смехач умер?

Смехач жив!

Васина слава будет шириться — она станет всенародной.

Быть посему!

Бандерлог Василий Фирсов поможет вывести страну из тупика идиотизма.

ВАСЯ-КИНОМЕХАНИК

Когда Васе надоело работать в колхозе «Большевик», обрубать сучья в леспромхозе «Северный», т.е. выполнять повседневную работу, которой занимаются в деревне мужики, он решил пойти на курсы киномехаников, чтобы, помимо новых впечатлений, иметь побольше свободного времени для чтения и творчества.

Чтобы получить «корочку» киномеханика, ему пришлось поехать в Вытегру, жить там в течение трёх месяцев в гостинице и усиленно овладевать нехитрой техникой. Техника Василия не пугала, ведь ещё в школе он закончил курсы тракториста-машиниста, а в армии и на КамАЗе также имел дело с «железками».

В апреле 1982 года курсы благополучно, т.е. без происшествий, были закончены, и с «корочкой», выданной дирекцией вытегорской киносети Василий вернулся в родную деревню Нижнюю Водлицу, чтобы вступить в должность. Служба при киноустановке в Доме культуры у Василия продолжалась около года, ибо здесь-то происшествие всё-таки произошло, в результате которого на карьере Васи, как киномеханика была поставлен крест.

Чтобы показать жажущим культуры зрителям новый фильм, нужно было, чтобы этот самый фильм был вовремя в жестяных коробках доставлен в клуб, чтобы плёнка была заранее перемотана, чтобы техника работала, и наконец, чтобы киномеханик был трезв.

На этот раз большинство вышеперечисленных факторов не отвечало норме: затянули с началом фильма из-за задержки с доставкой, киномеханик (Василий) был далеко не в идеальной форме, наконец, вторая часть фильма была не перемотана обратно, т.е. не готова к нормальному показу.

В итоге, просмотрев первую часть фильма «Броненосец Потёмкин» и, настроившись на продолжение просмотра серьёзной героической ленты во второй части, зрители (их было человек тридцать) получили её полную противоположность, когда герои фильма моряки выпрыгивают из воды на корабль, да ещё спиной вперёд... и всё в таком же духе.

В такой, непредусмотренной властями форме показа, революционная героика злонамеренно осмеивалась, что с идеологической точки зрения, нельзя было оставить без последствий — большевистскую идеологию ещё никто не отменял. Хотя большинство зрителей, вдоволь посмеявшись, были довольны, но находились люди без чувства юмора: «Чего это? Как это так? Я пришёл смотреть кино, а мне показали кинокомедию...»

После «стука» наверх доброжелателя, которых всегда хватало на Руси, там решили выгнать безответственного киномеханика, к тому же пьяницу, от которого всё можно ожидать. И тут они попали в точку, потому что именно по причине похмелья Василий, зарядив вторую часть фильма, не проверил её как обычно, завалившись спать. Вот и доспался. Этот киносеанс землякам Фирсова запомнился надолго. Когда он, уже, будучи петрозаводчанином, приезжал в деревню, друзья, сидя за бутылкой со смехом вспоминали просмотр лучшего фильма всех времён и народов в Васином исполнении.

МАТЕРИАЛЫ
К БИОГРАФИИ
ВАСИЛИЯ
ФИРСОВА

1. Программа «Клюевских чтений», в которых участвовал В.Фирсов.
2. Директор краеведческого музея в Вытегре Макарова Т.П.
6. Обложка книги воспоминаний о Фирсове. 2011 г.
3. Фрагмент публикации о фокусах Фирсова. Ж-л «Кипиня». 2003 год.
4. Билет члена Союза писателей России Василия Фирсова.

* Aloittelevan taikurin

Opimme aluksi muutaman yksinkertaisen tempun. Teidän pitää yrittää, kiinnostua tempuista ja päästä niiden makuun. Kun te pääsette alkuun, kun kiinnostutte tempuilusta, teitä ei pysäytä enää mikään. Mutta aluksi tehkää taikasauna. Ottakaa noin 20-25

1. kuva

Время выдачи билета

23.12.1998 г.

СП
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

(личная подпись)

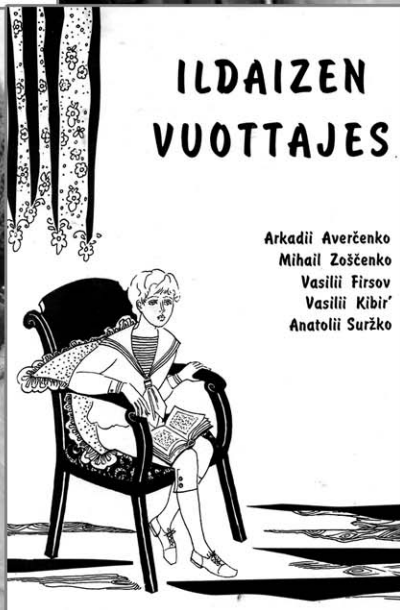
Зак. 95-2211. МТ Гознака.

Aloittelevan taikurin koulu Aloittelevan taikurin koulu

* Aloittelevan taikurin

1. В. Фирсов и Д. Москин за ремонтом кухни. 2004 г.
2. Детская библиотека в Вытегре, где размещается музей Николая Клюева.
3. В. Фирсов показывает фокусы вытегорским детям. 1993 г.
4. Обложка книги «В ожидании ужина» (2001) на карельском языке, где опубликованы 27 сказок Фирсова.
5. В. Фирсов. 2010 г.
6. Обложка книги Фирсова «Поздравление». 1988 г.

ВАСИЛИЙ ФИРСОВ О НИКОЛАЕ КЛЮЕВЕ.

Интерес Фирсова к творчеству и личности своего земляка, поэта Николая Клюева, давний и не случайный. Он знал его стихи и читал о нём, а потом и сам писал и публиковал в журнале «Север» и местных газетах. Об этом говорят записи в дневнике, многочисленные выписки в общих тетрадях из книг и журналов 1980-х годов, а также из газеты «Олонецкие губернские новости» и других архивных источников. Он также участвовал в нескольких «клюевских чтениях» в Вытегре.

В своей статье «То беломорский смерть канал...», написанной Фирсовым в 2004 году, он приводит строки из стихотворения Клюева: «То беломорский смерть-канал, его Акимушка копал...». Эти строки, вероятно, постоянно звучали у него в голове, когда он сам недавно «копал» там же, но по другому поводу — искал места захоронений тех самых «Акимушек» в районе восьмого шлюза ББК, умерших во время строительства от непосильного труда или болезней.

Дмитрий Москвин

Где-то в подвальных мозгах теплится мысль написать о Н.Клюеве.

Что-то вроде исторической повести. Но это так. На будущее.

Из дневника. 08.07.1977.

«**П**отихоньку от себя» подумываю о замысле «Житие Николая Клюева». Если взялся, это надо поднять огромный материал о жизни северного крестьянства в конце 19 — начале 20 вв., об истории Петербурга и Москвы, других мест. Тема — ничего не скажешь, — на эпопею потянет.

У В.Белова — «Кануны» с конца 1920-х гг. и до 20-го съезда он хочет их продолжить. А у меня в идеале: северное крестьянство 19 — нач. 20 вв., и скачок в современность, роман о северном селе.

Грандиозное намерение, ничего не скажешь: роман о пред и послереволюционной жизни Прионежья, роман о современном селе, повести, рассказы, м.б. даже сценарии и пьесы. Волос не хватает на голове.

И все-таки — «Н.Клюев» — заманчиво. Талантливый, умный, но смотрящий назад: не принимающий поступательного движения истории — ведь это какая драма, какая трагедия человека, страстно любящего свою родину, желающего народу избавления, но избавления не тем путём, какой диктовала России история.

Из дневника. 14.07.1977.

«Нева» (12.1988) — статья о Клюеве и несколько его писем из Сибири. Найти, выписать.

Из дневника. 12.01.1989.

Читал статьи Базанова о Клюеве, статьи доперестроечные, с тенденцией. Но польза есть.

Из дневника. 10.11.1991.

Читаю про Клюева «С родного берега» (В.Базанов). В июне-августе, вероятно, пригласят на «клюевские чтения». Клюева я, пожалуй, только сейчас начал открывать, — и рад этому. И, откровенно говоря, втайне горд, что прихожусь земляком, что в какой-то мере, делаю такое же дело, только в другом жанре. И не столь цветисто (в хорошем смысле этого слова). Николай Клюев:

*«Я — посвящённый
от народа,
На мне — великая
печать!»*

Из дневника. 03.05.1993.

Месяц не записывал. С 3 по 5 июля был в Вытегре на «клюевских чтениях», которые приурочили к празднику города (220 лет). Познакомился с интересными людьми (С.И.Субботин, А.И.Михайлов и др., а также с сотрудниками краеведческого музея, с его директором). Подарил музею свои книжки.

В первый день ездили по клюевским местам (д. Шекино, озеро Туддером) — в нём купались, с ухой на берегу. Затем побывали на могиле родителей Клюева, посмотрели на остатки избы, где они жили, на стену церкви рядом, остальное всё разрушено, только стена стоит, вверху два окна. Вечером — в детской библиотеке посмотрели музей Клюева, затем «чтения». Из Киева — преподаватели и двое студентов сделали свои сообщения по Клюеву, выступили и другие. Потом чай, потом супруги Панченко из Питера предложили небольшой концерт. Жена пела, муж играл на пианино. Песни на стихи Клюева, а также две-три народных. Затем песня о Вытегре на слова Н.М.Статеева, которая понравилась всем. В заключение — ещё раз для желающих — чай.

В воскресенье ходили в музей. Потом нас накормили в столовой и мы пошли гулять, смотреть праздник. Вечером в дом культуры — вечер отдыха с отцами города, их жёнами и приближёнными. Отцы, кстати сказать, молодые почти все.

А в понедельник с семи утра поехали на катере в Муромский монастырь. Туда больше пяти часов, там час и оттуда столько же. Явились в семь вечера. Уха на катере выше похва л. Готовила Т.П.Макарова, директор музея. Из сивгов, которых забросили из встречного судна рыбаки.

Монастырь — три полуразрушенных здания, церковка, строящаяся колоколенка. Бригада рабочих плюс два послушника. Строится также дом для игумена. Дел там, конечно, много. Понравился послушник, парень двадцати двух лет, работает наравне с другими: пилит, рубит, строгает... Чувствуется, что верующий, говорил о бесах (наваждение), о том, что бог показал и т. п. Всем понравился — молодой, а верит, когда надо — молится, бьёт поклоны.

Вечером провожали в Питер основную группу гостей; небольшое застолье, и на вокзал.

Погода все три дня как на заказ. Организация хорошая, хозяева гостеприимны. Славно.

Подарил несколько своих книжек. Субботин подарил мне журнал «Devuzi», где несколько писем Клюева Ширияевцу.

После Вытегры я перечитываю Клюева, и о Клюеве думаю уже как-то по-другому, воспринимая глубже и ближе. Порой, ловлю определённую связь, — он писал не в ногу со временем, да и у меня сказки, — тоже не в ногу: современности в них практически нет.

Мать Клюева умерла в 1913 году. В этом году родилась моя мать — Фирсова (Носкова Таисья Ивановна), царство ей небесное. Прости, мама, за всё, скоро приеду, поклонюсь твоей могилке, выщиплю худую траву, посижу на скамеечке, погляжу на твою фотографию, на твоё родимое лицо.

Из дневника. 17.07.1993.

«КИТЕЖ-ГРАД» ВСПЛЫВАЕТ В ПЕТРОЗАВОДСКЕ

Творчество Николая Клюева, великого певца Севера, упорного радетеля «тайной», святой Руси, всё настойчивее добывается наших сердец, всё властнее завладевает нашими душами. И всё чаще находит отклик, душевный ответ, тайное понимание.

И всё же мы в неоплатном долгу перед поэтом. Мы ещё не поняли его значения для севера и для России, ещё не поразились древней и пророческой силе его языка, ещё не раскрыли всех его сундуков, доверху наполненных словесным жемчугом.

В Петербурге давно уже и полнокровно действует клюевское общество «Песнослов». Уверен, что и в Петрозаводске (столица бывшего олонекского края!) настала пора создать такое же общество. Назовём его по-своему и одновременно по Клюевски: «Китеж-град».

В городе есть люди, для которых Клюев давно уже стал родным, неотъемлемым. Это один из составителей клюевского сборника «Песнослов», поэт Иван Алексеевич Костин, научный сотрудник ИЯЛИ, кандидат филологических наук Е.И.Маркова, другие любители бездонного клюевского слова. Их немало, но их надо объединить, и хотя бы раз в месяц им надо встречаться. Знаю по клюевским чтениям в Вытегре, как крепко, нерасторжимо связывает людей имя Клюева, его поэзия. В далёкий северный городок каждый год едут они из Москвы и Петербурга, с Урала и Сибири, вологды и Киева... Как они радуются друг другу при встречах в золотые октябрьские деньки! Радуются — и вскоре начинают незаметно для себя грустить, потому что через два-три дня надо снова расставаться, снова надо целый год ждать встречи на клюевской земле.

Уверен, что такую же прекрасную атмосферу создаст клюевская поэзия и при встречах будущего общества «Китеж-град». Организатором и ответственным секретарём согласен стать автор этих строк, кстати сказать, земляк великого поэта. Будем вчитываться в бездонные глубины клюевских строк, будем искать и находить, готовить материалы и представлять их на обсуждение. А потом публиковать — в газетах, журналах, альманахах. Замечу здесь, что Клюева не понять, не понимая и не зная народного быта того времени, не изучая этнографии края и северного фольклора, религии и многого другого. Поэтому ко двору придутся в обществе и те, кто не изучает непосредственно Клюева, но изучает всё, что окружало его и жило в нём.

Для начала предложения по организации общества можно присылать в газету «Карелия». Думаю, что предложений будет немного, но они будут. И это вселяет уверенность в том, что задуманное будет воплощено в жизнь. Клюев не заслужил, он выстрадал нашу любовь к нему, можем ли мы отрицать эту любовь?

В. Фирсов

Р.С. В качестве практического шага предлагаю читателям этот небольшой материал, написанный по следам одного загадочного сообщения.

ПОСЛУШНИК НИКОЛАЙ КЛЮЕВ. КТО ОН?

Листая «Олонецкие епархиальные ведомости» за 1913 год, в 10-м номере наткнулся на такое сообщение: «Послушники Александро-Свирского монастыря Дмитрий Жабинский и Николай Ключев перемещены в Яшезерскую пустынь 23-го марта».

Такой факт меня заинтересовал. Стал просматривать книгу К.Азадовского «Николай Ключев. Путь поэта», хотя, конечно, знал, что о послушничестве Н.Ключева в этот период в ней ничего не сказано. Понимал я и то, что послушником Николаем Ключевым мог быть совсем другой человек, тезка и однофамилец олонецкого поэта, но кто откажется от дальнейших поисков, имея в наличии такую зацепку?!

Как известно, после 1901 года Н.Ключев всё чаще и чаще выезжает из своей олонецкой Баобабии (Есеемии) в Петербург и Москву, встречается с известными людьми, выступает, ищет издателей для своих стихов. Конечно, бывая в столицах, немало почерпнул поэт для себя полезного, но в то же время увидел он, как много лжи, лицемерия, снобизма скрывается за внешним приличием литературно-артистических салонов и богатых гостиных. «Был я зимой в Питере и Москве, — писал он А.Ширяевцу из вытегорской деревни, — таскали меня по концертам, по гостиным, но всегда забывали накормить, и ни одна живая душа не поинтересовалась, есть ли у меня на завтра кусок хлеба... Братик мой, тяжко мне с книжками, с дамами и с писателями, лучше бы не видеть и не знать их — будь они прокляты и распрокляты...». И в другом, более позднем письме: «Я живу ведь, родной, «от жизни» далеко, даг и отнеси, Господи, от этой жизни, если ты под ней подразумеваешь Питер. Ничего не может быть убийственнее для песни, чем он. Вот приедешь — увидишь...».

Сойдясь на время с «голгофскими христианами», с секмеистами, с представителями других школ и направлений, Н.Ключев быстро отходит от них, понимая, что всё это большей частью надуманно, искусственно, что люди «играют» от пресыщенности, от желания приобрести, пусть и скандальную, известность. Особенно непримиримо относился Ключев к шумно утверждавшему себя футуризму. «Я теперь узнал, — пишет он Блоку в ноябре 1913 года, — что к «Бродячей собаке» и «Кривому зеркалу» (названия литературного кабаре) и к Бурлюку (один из основателей футуризма) можно приблизиться только через грех, только через грех можно сблизиться и с людьми, живущими всем этим».

Наверное, с таким вот ощущением — что он, повращавшись среди «собачьей» публики, вымарался в грехе — Ключев и покидает в начале марта 1913 года Петербург и вплоть до 1915 года не появляется в столицах. Такое чувство можно сравнить с чувством старовера, которому в силу каких-то непреодолимых обстоятельств, пришлось чужой ложкой поесть из чужой, пусть и чистой посуды. После такого «купанья» в грехе религиозный Ключев ощущает настоящую потребность очиститься, «искупить свою вину», побыть послушником в монастыре. Принятый в Александро-Свирский монастырь, Н.Ключев через короткое время (23 марта) вместе с со-трудником Дм. Жаби-

нским переводится в Яшезерскую пустынь, что находится в Шелтозерском крае. Косвенным доказательством того, что Клюев был весной 1913 года послушником, «отмывал мирские грехи», могло бы послужить стихотворение поэта «Набух, оттаял лёд на речке...». Дата его написания — 1912 год — заключена в скобки, что говорит о приблизительной датировке составителями и позволяет нам отнести стихотворение к 1913 году.

*...Природы радостный
причастник,
На облака молюся я,
На мне иноческий подрясник,
И монастырская скуфья.*

Обет, видно, был принят строгий, со множеством запретов, но Н.Клюев, почувствовав радостный зов весны, оказывается не очень терпеливым исполнителем:

*Обету строгому неверен,
Ушёл я в поле к лознякам,
Чтоб поглядеть, как мир
безмерен,
Как луч скользит по облакам...*

Обет «нарушается», но это нарушение — лишь внешнее; пробудившаяся природа как бы сама очищает далеко не худшего из своих сынов. Н.Клюев возвращается к себе в деревню, в Вытегорский уезд. Об этом возвращении свидетельствует и письмо, написанное А.Ширяевцу в июле 1913 года (часть письма мы цитировали выше). «...Теперь я, обглоданный и нищий, опять в деревне — в бедности, тьме и одиночестве, никому не нужный и не интересный. И никто из людей искусства не удостоит меня весточкой-приветом...».

«Тьма, одиночество, ненужность...» — всё это навеяно пребыванием в столицах в 1912 — начале 1913 гг., но не надо думать, что такие настроения были у Клюева, живущего в деревне постоянно. Родная природа врачевала, дарила образы вдохновения, заставляла поклоняться себе, со смиреньем и радостью слушать её невидимые токи, учила «видеть звука лик». И всё же, в заключение, хочу напомнить, что эта заметка пребывания Николая Клюева в послушниках — лишь предположение, не подтверждённое пока убедительными фактами. Вполне возможно, что это совсем другой Николай Клюев, но знать об этом надо, — хотя бы для того, чтобы и клюеведы-специалисты, и просто любители клюевского творчества при своих разысканиях имели в виду и приведённое выше сообщение из «Олонецких епархиальных ведомостей».

«Молодёжная газета». 1995.

**ИНТЕРВЬЮ ПО ТЕМЕ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МЕЩАНСТВО»
С ВАСИЛИЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ ФИРСОВЫМ.
51 ГОД. ОБРАЗОВАНИЕ ВЫСШЕЕ. РАБОТАЕТ ДВОРНИКОМ.**

Вопросы задавал Дм. Москин. 2002 год

В: По биографии. Где вы родились?

О: В Вологодской области, в деревне, семье простой женщины, которая всю жизнь проработала в леспромхозе. Её родители были простыми крестьянами. И мой дед по матери даже пострадал в 30-е годы от репрессий. В период коллективизации, в начале 30-х, это Вытегорский район, это бывший уезд Олонецкой губернии. После революции он перешёл в Вологодскую область. Деревня на границе с вепсской национальной волостью, то есть в соседнем с нашим селе — в основном вепсы, а в нашем — в основном русские. Наша семья русская.

В: Расскажите о матери, об отце. Как они крестьянствовали?

О: Я вообще-то безотцовщина. Как раз послевоенное время... Муж матери пропал без вести на фронте. И мы вместе с сестрой, как бы, незаконнорожденные. Это частенько бывало после войны, когда мужчин в деревне мало... Мать одна воспитывала нас пятерых — после войны ещё две сестры и брат.

Дед, отец матери, был середняк, крепкий хозяин. Во время коллективизации к нему пришли активисты. Сказали: «Вот эту свиноматку мы заберём в колхоз». А он возмутился и взял эту свиноматку назло и прирезал. На следующий день его повезли в район. Там его судили. И он каким-то образом выпросился попроситься домой, с родными. Пришёл на денёк, попрощался, потом пошёл в хлев: «Пойду, попрощаюсь со скотиной». Полчаса — нету. Где старик? Прибегают, а он там висит уже на верёвке. То есть, видно, решил, что чем помирать на чужой стороне, лучше дома. Это мать рассказывала. Братья у матери ушли в армию. Дальше репрессий не было.

В: Кулаков выслали?

О: Некоторые случаи были.

В: Прадеды тоже жили на земле?

О: Да.

В: Поступок вашего деда — с точки зрения нравственности?

О: Я считаю, что он прав, как хозяин, как собственник. Всё это нажито своим трудом в течение многих лет. Это нежелание вступать в колхоз.

В: Детство вы провели в деревне? До сколько лет?

О: До армии.

В: Есть такое понятие, как «сельская интеллигенция». Можете ли вы назвать таких людей, которые жили рядом с вами?

О: Есть сельская интеллигенция. Была прослойка, конечно, тоненькая, но я вспоминаю нашего деревенского фельдшера, Марию Александровну. Она прошла всю войну, видела кровь и страдания. По поведению и в душе она всегда оставалась таким интеллигентным человеком.

В: Некоторые говорят, что интеллигенция пришла с дореволюционной жизни. Были же сельские учителя, священники, врачи... Вы про них не слышали ничего?

О: Я слышал, был у нас в деревне священник Некрасов. Я его не застал. Это был действительно настоящий интеллигент, большой авторитет у селян. От него осталось очень много книг, а дом купил какой-то работяга. Он начал очищать чердак и несколько мешков книг сжёг в печке. Там были священные книги и просто...

В: Иконы?

О: Вполне возможно. Лучше бы мне всё это отдал...

В: У вас церковь в деревне была?

О: Была и сейчас стоит полуразрушенная. Там долгие годы была машинно-тракторная станция. Целая династия священников: его брат (Некрасова) был в соседней деревне священником. А его дочери учительствовали.

В: Люди, связанные с церковью необходимы государству?

О: Конечно.

В: Их можно причислить к понятию «интеллигенция»?

О: Можно. Интеллигент — это прежде всего состояние внутреннее, это порядочность, это желание делать людям что-то доброе, разумное. Это не то, что — три университета закончил... Это внутреннее состояние.

В: Вы, я знаю, занимаетесь изучением русских сказок. В сатирических сказках священнослужителей, попов описывают критически.

О: Я считаю, есть религия, а есть представители религии, то есть принципиальная разница.

В: Но в целом, священники вносили серьёзный вклад в культуру народа?

О: Да, нравственное воспитание...

В: А простых людей, с которыми вы прожили рядом, — вспоминаете как интеллигентов?

О: Был у нас Дмитрий Алексеевич — мастер в колхозе, от природы талантливый человек, мастер на все руки. Окончил всего шесть классов, дошёл до старшего мастера, был талантливым самоучка. Мог и сочинить частушку, и песенку сатирическую спеть на ходу, но он был действительно интеллигентным человеком чисто внутренне. То есть он не отличался от остальных деревенских мужиков, но, в то же время, в нём была такая закваска, которая, может быть, и не расцвела во всю ширь, но сидела в нём, это чувствовалось. А потом он взял и застрелился. Лет шестьдесят ему было.

В: Положительные человеческие качества — можно их охарактеризовать как добропорядочность, честность, доброта, искренность, справедливость?

О: Обязательные черты.

В: Это вне профессии?

О: Да.

В: Свою мать вы к какому слою населения отнесёте?

О: Это простая русская женщина. Она неверующая даже. Полуграмотная. В то же время она жила по библии. Несла свой крест до конца и пятерых ребят подняла. Всю жизнь работала Таисия Ивановна. Я бы не сказал, что она была интеллигентным человеком, но это чисто такие человеческие качества, которые необходимы и интеллигентному человеку.

В: Вопросы по мещанству. В то время существовало такое понятие?

О: В деревне — нет, это слово «мещанство» не приживалось. Там по-другому, были у нас такие крепкие мужики, которые гребли всё под себя, «скупердяи» их называли, жадины...

В: Как к ним народ относился?

О: Был у нас один, — спал два-три часа в сутки, то есть на работе в леспромхозе целый день, а потом он всё время дома что-то делал — только для себя; то сети плетёт, то ещё что-то. По ночам зимой долбил ямки для столбов, чтобы летом не делать.

В: Это, может быть, трудолюбие?

О: Это уже не трудолюбие, а перехлёст...

В: То есть, он не делился добром? Поступки какие-нибудь благородные совершал относительно других?

О: Я не помню, может, и совершал, просто человек всё время для себя, для себя...

В: А семья была?

О: Жена и дочка, то есть здесь мещанин в каком смысле — человек заиклился на своём хозяйстве. И другие так живут, но разница в чём — и другие себе берут, но отдают, а тут такая заскорузлость собственническая. Посмеивались над ним. Русский человек, с одной стороны, хозяйственный, а с другой стороны, в нём щедрость есть. А тут уже мещанин сельский.

В: Ваше детство в деревне повлияло на дальнейшую жизнь? Природа, простые люди... Семья влияла на формирование характера — либо в сторону интеллигентности, либо в сторону мещанства? Ведь человек рождается не интеллигентом и не мещанином, его формирует среда, семья, школа.

О: Авторитет матери был большой. Матом не ругались. Мать сама бывало и ругнётся с горяча...

В: Водку не пили в семье?

О: Нет, у нас мужика-то не было. А старший брат — он уехал рано. Сначала в армию, потом на Украину. Старшие сёстры уехали в Петрозаводск в 1950-е годы.. Мы жили с сестрой, в 1960-е годы и воспитание такое было... В основном, трудом. Лён дёртали, косили, корова, овцы были. Шишки собирали. Подрабатывали постоянно.

В: В какой школе учились — сельской?

О: Да, в восьмилетке. Потом в соседнем селе 10 классов я закончил.

В: Школьных учителей вспоминаете?

О: Вспоминаю, как же.

В: Много они дали? Они были люди образованные?

О: Ну, у нас учителя, я бы не сказал, что были какие-то выдающиеся. Обычные учителя, тоже обременённые семьями, хозяйством, они сливались с народом, хотя и определённые черты, которые их отделяли, они тоже были.

В: Кто вам привил интерес к литературе?

О: Никто не прививал. С детства сам читал, была библиотека. Помню, читал былины запоём.

В: Система школьного преподавания — она была советская, с идеологическим уклоном?

О: Откровенно говоря, до восьмого класса этого идеологического уклона я не ощущал. Конечно, были линейки, сборы... Идеологического давления, особенно в деревне, не ощущал, это, может быть, в городе на это больше внимания обращали...

В: А глава деревни — кто он был?

О: У нас был леспромхоз в деревне и колхоз. Два начальника было.

В: Интересные начальники были сами по себе? Вы их помните?

О: Да, был один человек принципиальный, никогда пьяным его не видели. Знал своё дело, каждый кустик...

В: Можно ли назвать некоторых даже партийных руководителей людьми интеллигентными? По отношению к народу, к своему делу?

О: Можно, но с натяжкой. Всё-таки, они что начальник, что лесоруб... В широком понимании интеллигенцией не назовёшь. Даже если он и начальник, он многими нитями связан с народом. У него хозяйство, дом, семья. Конечно, какая-то определённая высота есть, потому что начальник есть начальник.

В: Были ли в вашей деревне люди интеллектуального склада, хотя, может быть, и малообразованные?

О: Директор школы, её все уважали, хотя она была строгой женщиной, но авторитет был очень большой. Лет тридцать работала в школе. И фельдшер — имела авторитет не только профессиональный, но и чисто человеческий.

В: Как вы учились в школе?

О: В школе я учился средне, ближе к «хорошо».

В: Литературу в школе уже любили?

О: Да, я читал довольно часто.

В: То есть вы человек гуманитарного склада, не математического?

О: Да.

В: А ещё два класса, до десятого, вы в какой деревне учились?

О: В соседней, село Ошта, вепское село.

В: В интернате жили?

О: Да.

В: Интересно сравнить русское село и вепское. Также там?

О: Да. Там молодёжь на русском говорила, а только старики на вепском, да и то дома.

В: Были ли национальные конфликты?

О: Нет. Учились у нас половина ребят вепсы — все мои друзья-приятели. И после школы общались.

В: Два года учёбы интересно прошли? Были ли какие-то новые встречи?

О: Конечно, первая любовь была.

В: В этой школе были интересные люди?

О: Учитель математики — интеллигент, всегда спокойный. И жена такая же. Они приезжие, работали пять-шесть лет в школе, имели авторитет. Он, во-первых, никогда не кричал, во-вторых, умел развить в учениках творческое начало. И сам по себе, как мужчина... был в секции тяжёлой атлетики. И постоянно конфликтовал с директором школы (тот был любитель выпить). В итоге они уехали в Мурманскую область.

В: Вспоминаете героев литературы, которых вы изучали?

О: В школе я с удовольствием читал «Как закалялась сталь». Сейчас её ругают, а я с удовольствием читал, Шолохова читал.

В: После школы вы чем занимались?

О: После школы я работал лето в леспромхозе, а осенью пошёл в армию. Я попал во флот, на военно-морскую базу мотористом, так как получил в школе права. Мы снабжали электричеством базу, заряжали лодки, корабли.

В: Это была резкая перемена в вашей жизни: после села — армия.

О: Конечно, первое время было трудно.

В: Среди военнослужащих, командного состава были ли люди, которых можно было бы назвать интеллигентами?

О: Там были люди попроще. В армии, из-за командной системы, трудно распознать настоящих интеллигентов, хотя у нас был один старший лейтенант, такой скромненький, тихонький. Голосок тихий, не знаю, как он стал командиром. Человек внутренне скромный, была в нём какая-то интеллигентность.

В: Годы, проведённые в армии, считаете вычеркнутыми из жизни?

О: Я бы не сказал.

В: Сейчас молодёжь часто отказывается служить в армии... Обязан человек в суровых условиях дедовщины и прочего служить в такой армии? Или можно оправдать его выбор альтернативной службы? Или вообще, в бега. А в профессиональной армии есть дедовщина?

О: Там тоже дедовщина, мне так кажется.

В: Когда вы служили, примеры дедовщины были?

О: Да, были. У нас молодые за одним столом сидели, и вот стал один возмущаться... Тогда «дед» встаёт, берёт тарелку горячего борща и выливает ему на голову. Тот выскочил, холодной водой его отмыли, вроде ничего. Но у нас не было такого, о чём сейчас в газетах пишут.

В: С оружием убегают.

О: Да. Издевательств не было, но если что молодой не так сделает, его сразу же одёрнут.

Но я дружил и с молодыми.

В: В армии вам удавалось книги читать, слушать музыку?

О: Книги я читал на вахте, за что получил несколько нарядов.

В: Что читали?

О: А что попало. Помню, Луи Арагона читал... Можно было газеты читать, а на счёт книг было слабовато.

В: Сейчас много пишут на тему мешчанства. Те же старшины — тащат из армии, заставляют солдат работать. Это признак мешчанства?

О: Я так не считаю. Я помню, что мы тоже работали пару дней у кого-то. Это не мешчанство, а использование положения, мне кажется. Дешёвая рабочая сила. Боеспособность армии упадёт что ли, если они поработают?

В: Но это поступок не интеллигентного человека?

О: Нет, конечно, непорядочно.

В: Армия закончилась. Куда вы вернулись?

О: Я вернулся в деревню. Погулял три недели, а потом односельчанин сказал:

«А поехали на КАМАЗ». Там стройка разворачивалась. Сел и поехал. Добрался до Набережных Челнов, а там работы полно. А жили в вагончиках. Но у меня был плюс, — я отслужил в армии, мне полагались льготы. Пожил неделю в вагоне, а потом в общежитии. Двадцать лет мне тогда было. Первое время слесарил, месяца два занимался на курсах помощников машиниста.

В: Интересно было начинать жизнь заново?

О: Конечно, там молодёжь со всего света.

В: Камский автозавод что выпускает?

О: Грузовые автомобили КАМАЗы.

В: Встречали ли там мещан и интеллигентов?

О: Конечно, я там встречал совершенно разных людей. Например, «внутренних» интеллигентов. Были два машиниста экскаваторов. Хотя матерились и выпивали, но всё равно чувствуешь...

В: Никогда не подводили?

О: Да.

В: Зарботки были большие?

О: Сравнительно. Рублей 300, по тем временам хорошая зарплата.

В: Учитель тогда получал около 100 рублей. Долго вы там проработали?

О: Четыре года.

В: Дальше как ваша жизнь сложилась?

О: Мать стала прибивать и я решил поехать обратно в деревню. В 1975 году.

В: Прошла оттепель, космонавты начали летать. Как-то это отразилось на вашей жизни? И верили ли вы в идею построения коммунизма?

О: У меня ещё в школьные годы в старших классах лежали труды Маркса и Ленина. Я не то, чтобы серьёзно изучал, но у меня была тяга. «Капитал» я не читал, но листал.

В: А среди друзей черты мещанства подмечали — побольше купить, одеться?

О: Черты мещанства всегда и везде можно подметить.

В: Соцсоревнование было?

О: Было, конечно, но так... Положено сделать столько-то, ну и сделали.

В: Были ли делегатом каких-то созывов или конференций? От рабочих?

О: Нет. Я даже на демонстрации не ходил.

В: Вот вы вернулись в деревню...

О: Я там, кстати, начал пописывать в газету. Написал несколько этюдики и послал в литературный институт. А там, видно, нужны были представители со строек и колхозов.

В: Жалеете, что не хватило характера закончить институт? Жизнь бы по-другому пошла?

О: Нет, потому что заочное. Литературный институт не давал же никакой определённой профессии. В конце концов, я уже под сорок лет закончил педагогический факультет. То есть желание получить высшее образование оставалось.

В: В деревне с матерью вы долго прожили?

О: До 1979 года, около пяти лет. Работал в леспромхозе, потом в колхозе. Три сезона на комбайне, убирали хлеб. А потом я решил поступить на журфак в Ленинградский университет. Поехал, восемь лет отучился на подготовительном

отделении и поступил на первый курс. Отучился первый курс, а мать стала сильно хворать. Я снова уехал в деревню. Стал сельским киномехаником.

В: Какие фильмы показывали? Была ли тяга у жителей к кино, искусству?

О: Молодёжь ходила — делать-то больше нечего.

В: Кино, а потом танцы.

О: Да, я организовывал, работал больше года. Деятельность клуба при мне оживилась. Организовывал соревнования по волейболу между сезонниками и лесными ребятами. Брал в профкоме леспромхоза призы, чтобы привлечь. Танцы само собой. Потом работу эту бросил и поехал в Петрозаводск. Там у меня сестра работала на почте, она познакомила меня с моей будущей женой. А та человек меркантильный, пришлось поехать в деревню, и мы там год жили, пока мать была жива. Там расписались. Потом мать умерла, а жена хозяйка не ахти, а в деревне надо быть хозяином — поехали в Петрозаводск. С 1984 года живём в Петрозаводске. Устроился на завод ОТЗ.

В: В это время стали появляться западные товары, люди ковры покупали, хрусталь. Это как-то затронуло вашу семью, знакомых?

О: Мы тоже покупали кое-что. А большинство жило скромно.

В: А на заводе, там же была система поощрения — премии. Это было справедливо или не очень?

О: Почему же, если человек работает хорошо, без прогулов...

В: То есть эта система работала. А идеологические проработки были?

О: Собраний не было, а приказы. Человек прогулял, а на следующий день — «лишить премии за месяц», вот и всё.

В: Слово «тунеядец» бытовало?

О: Когда я работал в леспромхозе, уже появилось желание посидеть, литературой позаниматься месяц-два. Увольняешься, а через день тебя уже спрашивают: «Ну, где ты работаешь?» То есть, такая среда была, что, если человек не работает, уже что-то ненормальное.

В: Спрашивали из профкома или милиции?

О: Нет, свои же. Скажу, что нигде не работаю, книжки читаю, в ответ: «Ха, все люди работают, а он книжки читает!» От силы три месяца посидишь и опять идёшь устраиваться на работу. Так я несколько раз делал. У меня даже цикл выработался — восемь месяцев поработаешь, четыре считаешь и попишешь.

В: Вы известны как литератор-сказочник. Первую сказку когда вы написали?

О: Я помню, что читал своим детям сказки на ночь. Читал-читал, а потом думаю — чего я буду чужие читать, дай-ка я сам попробую. Нет, сначала я небольшие стишки начал сочинять, а потом сказки. «Шёл однажды ёжик». Мне она до сих пор нравится, философский подтекст. 1986 год. Потом я втянулся. У меня был перерыв полгода, — я увлёкся переводом «Слова о полку Игореве», с древнерусского.

В: Поэтический или прозаический?

О: Поэтический. Я считаю, что кое-какие моменты у меня там есть, которые заслуживают внимания. Старички-искусствоведы, которые этим занимаются, окопались и отвергают всё, что их устои нарушает. Так и ко мне — вернули рукопись, в общем, дали отрицательную оценку.

В: Сказка, как литературный жанр, родилась в народе не случайно? Какую роль она играла в формировании человека в детстве?

О: Для детей, в первую очередь, это воспитательный момент. Для взрослых — развлекательное на первом месте и воспитательное на втором. Подспудно она не только развлекала, но и воспитывала взрослых.

В: И как бы сохраняла всю прелесть русского языка?

О: Да, там всё.

В: Касательно языка. Интеллигентный человек должен знать свой язык, уважать его?

О: Обязан это делать — любить и беречь его.

В: А засорение языка матом в быту — это можно простить интеллигентному человеку?

О: В быту можно, на людях нельзя. Некоторые считают, что чем больше мата, тем лучше — здесь просто желание эпатировать публику.

В: У классиков нет мата, у современных писателей мат на мате. Как вы к этому относитесь?

О: Должно быть чувство меры.

В: Родились вы в деревне, там к мату относятся несколько по-другому. Вспомним также «Заветные сказки» Афанасьева. Надо ли этот пласт культуры сохранять?

О: Не то, чтобы сохранять. Они сами будут сохраняться, никуда не денутся. Это неотъемлемый пласт русской речи. Только тут должно быть чувство меры. Одно дело — в узком кругу, между собой, в деревне, где все друг друга знают, и у них этот мат пролетает...

В: Как ласточка.

О: Ласточка, но в нём нет подоплёки вот этой извращённой. И них это обычная вещь.

В: Ну всё-таки, это, по большому счёту, признак бескультуры.

О: Да, на площади материться это не дело. Но всё равно, это пласт русской речи и от него никуда не денешься.

В: А вы, как литератор, в своих произведениях используете эти слова?

О: Нет, я считаю, что окольными путями можно большего добиться. Сделать занавесочку — и она на читателя гораздо сильнее подействует.

В: В педагогическом институте, где вы учились, кого было больше — интеллигентов или мещан.

О: Интеллигентов гораздо больше.

В: Почему?

О: Это всё взаимосвязано — чисто профессионально и человечески. Не обязательно, если он такой умный, то он интеллигент. Это склад чисто человеческих свойств.

В: Известно, что у преподавателей бывает желание урвать у ближнего своего лишние часы, путёвку...

О: Лично я такого не наблюдал. Пришли, сдали сессию, ушли. Я думаю, что в любом коллективе всегда найдутся такие люди.

В: Которые за счёт других улучшают свою жизнь.

О: Да.

В: Встречались ли люди, о которых вы бы сказали, что это мещане на 100%.?

О: Тут надо договориться, что такое мещане.

В: В нашем понимании, чисто внешние проявления.

О: Это, конечно, меркантильность.

В: Урвать побольше денег, благ?

О: Да, конечно. Тут разница какая. Если человек работает, чтобы получить самое необходимое для него и его детей. В принципе, не так уж много и нужно. Это нормально. Ну а когда человек включается в гонку, — мебель купил, через год — другую... Он включается в эту гонку и сам не замечает, как, с одной стороны, он накапливает богатство, а с другой стороны — идёт обмельчание души, каких-то нравственных порывов. Ничего даром не проходит. Чтобы заработать на иномарку, это надо столько денег... Нужно обмануть, не уплатить налоги... Ну купил он иномарку, ну порадовался, а душа уже требует дальше.

В: А у другого машина лучше.

О: Поновее.

В: А сегодня, когда бизнес легализовали, это усугубляет?

О: Я считаю, что этого больше становится.

В: Телевизионная реклама сильно влияет?

О: Влияет.

В: Сейчас снова восстанавливаются церкви, появляются священники, увеличивается количество прихожан. Это положительный момент?

О: Да, но церкви нужно очень много работать, нужны десятилетия, пока сменяются поколения, пока церковь опять внедрится в сознание народа.

В: Церковь должна заслужить уважение или же чтобы новый человек родился?

О: Поколение сменится. Наше, которое воспитывалось при советской власти. У нас, может быть, тяга и есть, но получается какая-то трагическая двойственность. Воспитывались-то мы на советском принципе, а вторая половина жизни у нас в совершенно другом мире получается.

В: Кого из классических русских писателей вы бы назвали интеллигентами?

О: Чехов. А из советских — Шукшин, интеллигент с острыми углами.

В: Лихачёв?

О: Классический пример.

В: Вопрос о политиках. Нынешняя политика — это дело интеллигентов?

О: Там интеллигентов мало. Есть, но мало. Вот в президенте есть что-то интеллигентное...

В: Нужна ли вообще интеллигенция России и сохранилась ли она вообще в таком количестве, как было раньше?

О: Раз она появилась, значит нужна. В наше время роль интеллигенции должна быть очень высокой.

В: Чтобы противостоять новым влияниям?

О: Да. Хороший пример Валентин Распутин. Живёт он где-то далеко в провинции, но влияние его книг, его поведение, оно влияет на нашу жизнь. Знаешь, что живёт такой человек.

В: А Солженицын?

О: Да, может быть. Но не у всех о нём мнение однозначное. Я считаю, что человек грамотный, образованный, он ощущает это присутствие настоящего интеллигента.

В: Сейчас люди всё меньше читают, всё больше влияет на людей ТВ. Из телевизионных людей могли бы вы назвать человека, поставить его в тот же ряд?

О: Николай Дроздов, Василий Песков, Святослав Балза...

В: У нас появился канал «Культура», без рекламы.

О: Да.

В: Сейчас речь идёт о том, чтобы отдать канал церкви — это хорошо или плохо?

О: Целый канал вряд ли кто отдаст. Но по другим каналам надо чаще показывать священников, а то нагло лезет реклама, боевики...

В: А в вашей семье проявлялись черты мещанства?

О: Нет. Жена всю жизнь читала Достоевского, Толстого, Гончарова, а её родители простые люди. Отец любит погулять, выпить.

В: Может ли настоящий интеллигент выпить? Знать меру?

О: Не каждый интеллигент знает меру. Я читал одного психолога, что человек, который живёт нормально, иногда должен освежать восприятие, сделать зигзаг — уехать в деревню или попойнствовать, или на необитаемом острове обрости бородой. Походить небритым месяц...

В: Судя по вашим рассказам, мещанин никогда не будет пить, лучше он купит лишнюю вещь?

О: Мещанин в запой не уйдёт, или будет пить один.

В: Себя вы кем считаете?

О: Я интеллигент в первом поколении, это моё внутреннее состояние. Высшее образование это одна из составляющих.

В: Изменилось ли за сто лет понятие интеллигент?

О: Тогда это было чётче, чем сейчас. В наше время эти понятия размыты.

В: Вы говорили о священнике Некрасове. Его можно было считать интеллигентом?

О: Да. Таких сельских священников было много. Им гораздо труднее приходилось, чем городским. Они также несли свет просвещения — доброе, разумное в полуграмотные массы.

В: Существует понятие «гнилая интеллигенция». Вы согласны, что интеллигенция может быть гнилой и, что у неё есть отрицательные черты?

О: Я не согласен, что она может быть гнилой. Но черты есть.

В: Почему произошёл переворот 1917-го года? Вроде, крестьяне не хотели, а интеллигенция позвала их за собой.

О: Интеллигенция была бродильным веществом, дрожжами, которые... породили революцию. Много красивых лозунгов было. Крестьяне преследовали свои цели.

В: Назвали бы вы Ленина интеллигентом?

О: Да, но у него была своя сверхзадача, которую он мог выполнить только благодаря тому, что переступил через какие-то рамки. Скажем, жестокое подавление Кронштадтского мятежа.

В: Совместимы ли понятия интеллигент и насилие?

О: Нет. Его сила в убеждении, в образовании, в широких знаниях, порядочности...

В: Сталина и Троцкого вы считаете интеллигентами?

О: Сталина — нет, а Троцкий, в смысле образованности. Да, интеллигент. Сталин же работал такими топорными методами, которые и принесли ему успех.

В: А Горький? Он восхвалял власть, строительство Беломорканала...

О: Горький — интеллигент-самоучка. Он многое видел, но не мог сказать. Он был умный и наблюдательный человек. Были же у него «Несвоевременные мысли», которые довольно остро критикуют большевистскую действительность.

В: Как относились к интеллигентам в деревне в ваше время?

О: У нас свои были и учителя, и фельдшер. Отношение было хорошее, уважали. Всегда по имени-отчеству называли, хвалили. Понимали, что они люди образованные и без них не обойтись.

В: А в рабочей среде, когда вы были на КАМАЗе.

О: Народ был приезжий, атмосфера хорошая. Не помню, чтобы какому-нибудь интеллигенту «начистили чайник».

В: Солженицын говорил о том, что интеллигенция сейчас омещанилась. Что интеллигенции нет, а есть образованщина.

О: В какой-то мере я его поддерживаю. Сейчас, действительно, много образованщины, а вот настоящих интеллигентов... как Лихачёв Д.С., у нас мало. Я считаю, что настоящие интеллигенты сейчас не в столицах, а в провинции. Есть порядочные, хорошие, скромные люди. Образованные и, в то же время, внутренние порядочные.

В: А вот нынешняя команда политиков вместе с Путиным, они интеллигентны?

О: Про всю команду не скажу, но вот Путин... у него есть внутренняя порядочность, интеллигентность, ему веришь.

В: Вот Бродский писал о том, что в России отсутствует основное качество — уважение к самому себе и к своей стране.

О: У нас уважение к самому себе маловато, а со стороны так называемой элиты вообще никакого.

В: Теперь о мещанах. Раньше так называли жителей городов, и это понятие не несло никакой окраски. Просто ремесленники, жители городов. Но с какого-то момента их стали обличать. Что вы скажете?

О: Это раньше была социальная прослойка, а перед революцией Горький их стал бичевать. Что ничего не делают, думают где бы хапнуть денег и т.д.

В: А стоит ли их сейчас обличать?

О: Сейчас все мещане, все думают, где бы заработать, купить что-нибудь. Сделать евроремонт, купить японскую аппаратуру. Мещанство 1930-х гг. и мещанство нынешнего времени совершенно разные.

В: Нужно ли бичевать мещан сейчас?

О: Не нужно. А вообще. Понятия интеллигентности и мещанства не исчезнут, может быть, расширятся, углубятся.

Василий Вейки

Поэт

БАЙКИ О СКАЗОЧНИКЕ ФИРСОВЕ

О жизни и творчестве Василия Николаевича Фирсова можно говорить и писать много и долго. Одновременно он сказочник, фольклорист, историк, журналист, краевед и ... клюевед. Фирсов писал не только сказки, но и сказы и в этой роли, убеждён, стоит в одном ряду с Бажовым и Писаховым. В чём-то даже выше их. Творчество его ещё не изучено, и я полагаю, если Василий Николаевич был клюеведом (занимался изучением творческого пути своего земляка Клюева), то в будущем следует ожидать появления фирсоведов. И не обязательно только среди его земляков вытегорцев.

Вася Фирсов. Не знаю, могу ли позволить себе называть его своим другом. Наверное, могу, поскольку съел с ним не один пуд соли. Вместе с Василием мы были волонтёрами в одной из экспедиций на Беломорканале (восьмой шлюз — Барсучья гора), трудились в Косалме, неоднократно бороздили просторы Петрозаводска. На Беломорканале из захоронения политзаключённых, где нами под руководством историка и правозащитника Юрия Александровича Дмитриева было обнаружено 826 могил, мы делали кладбище: устанавливали на могилах кресты, огораживали территорию захоронения, очищали от ветровала лес. Руками Василия сооружено два мостика через ручьи, я же совместно с Дмитриевым соорудил один. Обо всём этом я писал в газетах «Прионежье», «Карелия» и «Ома муа». В посёлке Косалма вместе с Васей Фирсовым мы ремонтировали дачу общей нашей знакомой и коллеги по перу Елены Сойни. А познакомил меня с Василием петрозаводский поэт Александр Гусаков, который также, к сожалению, не числится в списках живых. Я же ниже познакомлю читателей с несколькими забавными случаями из жизни Василия Николаевича Фирсова, участником которых довелось быть и мне.

Вась! Не квась!

Помню, принимали меня в Союз писателей России. Собрание проходило в кафе при Карельском национальном театре. Когда процедура тайного голосования была завершена, и писатели, собравшиеся

на «годовое» собрание Карельского регионального отделения СП России, перешли к, своего рода, напутственным речам (происходило это в 2003 году, и я был принят в Союз писателей), Вася Фирсов, нисколько не стесняясь, с места выкрикнул мне короткую напутственную фразу: «Вась! Не квась!». Представьте себе: сидит Вася пьяней вина и на весь зал заявляет: «Вась! Не квась!» Разумеется, тут же раздался дружный хохот. После собрания мы распили с Василием традиционную бутылку портвейна, обмыв тем самым моё принятие в Союз писателей России...

«Северная» ночлежка

Ещё когда журналом «Север» руководил Олег Назарович Тихонов, когда в журнале работали ещё Толя Суржко, Саша Дороган, Володя Судаков, Рая Мустонен и другие действующие лица, мы были частыми гостями «северян». Разумеется, не просто так заходили лясы поточить, но и публиковались в журнале. Хотя, случалось, заходили сюда и для того, чтобы распить с коллегами по творческой деятельности бутылочку-другую — и т.д. вина, пообщаться с друзьями. Иногда данное «прямолинейное» действие происходило на первом этапе в кабинете Союза писателей, где сейчас размещается фирма «Соло». Подойдёшь, бывало, к Анатолию Петровичу Суржко, дескать, так и так Петрович, надо бы где-нибудь остограмиться.. Петрович часто давал ключи от Союза, подходил туда сам. При журнале был маленький подвальчик, где хранились груды ранее не до конца реализованных тиражей. Так вот однажды в очередной раз, когда мы с Васей припёрлись с пойлом для творческой души, нас, дабы мы не маячили на глазах у творческой интеллигенции (а мы-то кто?), определили в этот самый архивный подвальчик. Приняв на грудь, мы с Васей благополучно заснули там на стопках журналов.

Проснулись мы, забытые, в этом подвальном «заведении» только на следующий день; было там тепло, светло и мухи не кусали...

Чечётка на новом полу

В своих воспоминаниях о Васе Фирсове Григорий Салтуп обратил внимание на тот факт, что Фирсов любил танцевать. Особенно, когда выпьет. Я бы не осмелился Васину пляску называть танцем. Пляски эти походили на ритмичное отбивание чечётки. И не важно, под музыку ли, без неё ли...

Однажды, когда мы с Василием ремонтировали в Косалме дачу Лены Сойни, купленную ею у Паули Ланкинена, Вася взялся научить меня этой пляске. Мы как раз в тот день постелили в доме новые полы и решили отметить завершение этой важной работы. Выпили, закусили и Вася по только что настелённым полам радостно пустился в пляс.

Меня заразил его темпераментный танец, и я стал повторять его движения ногами, стараясь не отстать от плясуна в его танце. Учеником я оказался способным и Фирсов похвалил меня.

Неподалёку находилась дача одной из воинских частей, где служили три бойца. Я частенько брал у военнослужащих гитару напрокат, и мы вечерами с Василием под мой аккомпанемент распевали на всю Косалму разные песни. Часто пели песню Александра Барыкина на стихи Николая Рубцова «Я буду долго гнать велосипед»...

Привязанный Вася

Однажды в посёлке восьмого шлюза на Беломоро-Балтийском канале произошёл такой случай. Каждое утро мы уходили к месту захоронения каналоармейцев, находящемуся от нашего жилья в пяти километрах. Обрато возвращались под вечер. Кто-нибудь из нас готовил ужин, а за ужином Ю.Дмитриев наливал нам традиционные «наркомовские» 100 граммов, потом мы отдыхали. Однажды Юра предложил мне пойти на канал ловить рыбу. Как назло, моросил мелкий противный дождь, да и рыба, подстать дождю, попадалась очень мелкая, которую мы тут же отпускали. Вася же оставался в гостевом доме, где мы жили. Когда нам надоела рыбалка, мы решили вернуться в дом. Подходя, слышали пьяный голос Васи, который на всю «ивановскую» ругал нас с Юрой. Дескать, бросили меня одного тут, сами ушли куда-то и так далее и тому подобное. Оказалось, Вася отыскал «наркомовскую» заначку Юры и в гордом одиночестве, пока мы ловили рыбу, продолжил банкет.

Мы стали готовиться ко сну, но Вася не успокаивался – продолжал орать на нас, размахивая руками и на все просьбы «заткнуться», не реагировал. И Юра, ничего лучшего не найдя, был вынужден привязать Васю к кровати.

Через некоторое время Ю.Дмитриев по делам уехал в Петрозаводск на пару дней. И мы с Васей решили сделать себе праздник для души. Пошли с ним в магазин и в долг под Юрин близкий приезд, взяли кое-что из продуктов и ... водки. С водкой сил своих не рассчитали и тут же у магазина устроили «показательные» борцовские бои. Нет, не подрались, а просто стали бороться на потеху местным жителям...

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ПУБЛИКАЦИЯ ВАСИЛИЯ ФИРСОВА

Некоторые материалы для газеты «Петрозаводск», где я в то время работал, Василий передавал в редакцию с моей помощью. Однажды в 1996 году принёс две сказки с сопроводительной запиской: «Решил предложить две сказки — свою и дочки Юли, которую она сочинила недавно. Я ничего не поправлял, кроме знаков препинания. Если идея понравится, то можно было бы дать общее название: «Папа с дочкой сочиняют сказки» или что-то в этом роде».

Напомним, что от сочинения повестей и рассказов Фирсов перешёл к сказкам благодаря своим детям Юле и Диме. Они были их первыми благодарными слушателями.

Дмитрий Москин

Вдвоём или втроём?

Поймала лиса курочку, отбежала подальше от деревни, легла под кустик, Победать начала. Тут и волка откуда-то принесло, лису увидел, остановился.

— Эй, кума, — говорит. — Да ты никак курочку есть собралась?

— А что, нельзя?

— Отчего ж нельзя?! Можно. Только давай вдвоём её съедим, а уж я — будет случай, — тебя отблагодарю, тоже поделюсь.

— Так ведь я вдвоём и ем, разве ты не видишь? — удивилась лиса.

— Нет, кума, не вижу. Вижу только, что ты одна.

— Как же одна?! Погляди-ка лучше: вдвоём!

Поглядел волк лучше, ничего не увидел.

— Где же вдвоём, ежели ты одна?! — не понимает.

Усмехается лиса, время не теряет, курицу ест, быстро убавляет.

— Нет, волк, ты ошибаешься. Курочку я ем вдвоём, а ежели ты подсядешь, тогда уже будет втроём.

— Ничего не понимаю, — говорит лиса. — Да ведь ты одна! И я один. Угостишь, — тогда вдвоём будем, курочку съедим.

Опять усмехается рыжая, зубами работает, половину уже съела.

— Ах, кум, — говорит, — ошибаешься ты, крепко ошибаешься.

— Отчего же ошибаюсь?

— А ты подумай. Отойди за кустик, приляг и подумай, отчего же ты ошибаешься.

Отошёл волк за кустик, прилёг, думает, в чём его ошибка, чего лисонька говорит?

Думал-думал, ничего не придумал, подбегает к лисе, а та уже курочку прибрала, кругом пёрышки валяются.

— Уж не курица ли?

— Вот-вот: она! А курицу, волк, хорошо есть вдвоём: я да курица. Понятно тебе?

— Вроде и понятно, а вроде, и нет.

Засмеялась лиса, хвост свой изогнула, довольная.

— Поймёшь, когда хорошенько проголодаешься. А сейчас до свиданья, волк, время позднее, пора домой бежать, спать ложиться.

Убежала лиса, а волк стоять остался, думать, как же это втроём, если вдвоём, и как же это вдвоём, ежели одна? Ну кума, загадала загадку, курочку съела, с волком не поделилась, домой увила, волка оставила, думать заставила. Думал волк, думал да и побежал к деревне.

«Поймаю, — думает, — овечку да и съем один, а вдвоём пускай лиса ест, она это умеет, а я уж как-нибудь один съем, по-простому, по-волчьи...»

Василий Фирсов

Деревня ужаса

Водном городке, на окраине, стояла деревушка в три дома. Ходили слухи, что в этой деревушке, в самой церкви, по ночам сидели вампиры и оборотни, и кто хоть глазом посмотрит — того сразу же в клочья раздирали. И вот однажды какой-то мужик из деревушки забыл там ещё днём шапку и пошёл через кладбище в церковь. А то кладбище длинное и широкое, пока шёл — смеркаться стало. Страшно ему дальше идти стало, и думает: «Назад, что-ли, пойти?» Да и назад-то идти не близко. Думал, думал да и решил, что надо ему свою болезнь побороть и идти в церковь. Как стал он к церкви подходить, так и встал как вкопанный. Слышит: в церкви кто-то как завоет, и так громко, что у мужика в ушах зазвенело. Испугался, и сбежать хотел, как вдруг его кто-то схватил за глотку и тихо прошипел: «Тебе ведь говорили, что только подойди да глянь — разорвут, а ты подошёл, вот ты и труп».

Ну вот, и пропал мужичок без вести. А потом из этой деревушки человек этак четыре-пять пропало. А на это кладбище никто больше не ходил, ну а церковь ту сожгли. Но после этого в деревушку ещё много понаехало, и кто новый приехал, те все пропали.

Юля Фирсова

1. Вечер памяти Василия Фирсова
в Национальной библиотеке РК. Ноябрь 2011.
2. Выступает сестра Фирсова —
Раиса Васильевна Локтева.
3. Сказки Фирсова читает актриса
Виктория Фёдорова.
4. Выступает поэт Иван Костин.
5. Выступает доктор филологических наук
Маркова Е.И.

1. Родственники и друзья В. Фирсова на кладбище в годовщину его смерти. 2011 г.
2. Участники вечера памяти. В центре сестра Фирсова — Валентина Васильевна Фокина.
3. Выступает писатель Пётр Семёнов.
4. Ведущий вечера Дмитрий Москвин.
5. Участники вечера памяти. В центре литературный критик Гин И.М.

Петр Калинин

Поэт

МОЁ ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА В.ФИРСОВА

Однозначно, — разговорная проза В.Фирсова — совершенно уникальное явление в литературе!

Независимо от того, что и до него были блистательные примеры так называемого жанра заветных (или запретных) сказок. Но в отличие от пересказов Афанасьева, а также взятых от народа же сказок С.Черного, сказки Фирсова лишены длиннот и подробностей, а облекание сказок в полупритчи с их изумительной миниатюризацией (по сценарию) разве что сродни «вологодским бухтинам» В.Белова.

Несомненно, что Фирсов был большим знатоком как сказочного, так и литературного фольклора, и умело пользовался приёмами лучших творений, но при всём при этом сумел придать этому жанру СВОЙ неповторимый оттенок...

Чистейший разговорный русский язык, будучи перенесённым на книжную страницу, воспринимается как литературный язык очень высокого качества, что приближает его к лучшим образцам классической прозы. Так свободно владеть и обращаться с со словом дано не каждому профессиональному литератору, даже маститому...

«Языкосозидание» (по Ю.Линнику) Фирсова несомненно имеет корни народные, но его (Фирсова) работа над новыми словообразованиями (читай: словосозидание) естественна и «ненадуманна», — скорее, это самонародившиеся «фрагменты» русского фольклора, которые естественным образом перетекают в литературную форму языка.

К уже отмеченной поэтичности прозы Фирсова можно перечислять и перечислять эпитеты в превосходных степенях!..

Взять хотя бы умение талантливо интерпретировать по-своему известные классические сюжеты: гоголевская «Вий» (сказка «Про Тимоху и про мужа-покойника») или известной «Цапля и журавль» (сказка «Волк к лисе, лиса к волку»); прекраснейшее применение звукорядности («С барахты на бухты»); тонкое иносказание нашей действительности («Портной Антипушка»); философия бесполезности жизни («Старуха и смерть») и т.д.

Богатый арсенал и умелое использование приговорок, небылиц, прибау-

ток, аллегорий; самоирония; фантазмогоричность с душевной непосредственностью («Прямое и кривое зеркало»); безукоризненное использование (применение) фольклорного материала; неожиданность финалов («Старик и смерть»); беззлобная мораль («Щи без ложки»); скабрёзности, воспринимаемые как НОРМАЛЬНОЕ и естественное вплетение в текст...

В результате имеем прекрасный образец настоящей, ДОБРОЙ по качеству и духу Фирсова, литературы. Несомненно также, что в Фирсове присутствовал Дар Божий, который не поддается никаким определениям, потому как это — НАСТОЯЩИЙ Дар.

Лично мне кажется, что анимация (в духе Татарского) таких вещей, как «Киндасово», «Как Филофей избу продавал», «Как старик кукиши продавал» и «Волк к лисе, лиса к волку» имела бы несомненный успех.

А будь я филологом, то непременно бы засел за диссертацию, а затем и за обширную монографию о творчестве Фирсова.

Некоторые выражения Фирсова интересные и новые для меня:

- возил в город то рыбу, то карасей, то опять рыбу —
- зубы до ушей видны —
- коленки застукали —
- кышнуть зверя —
- отошёл... от мятки —
- покинь тужиться —
- заподскакивал (т.е. «засуетился») —
- вшевелился (т.е. «опомнился») —
- плечики жмурит (т.е. «поджимает») —
- сытёхонек, довольнёхонек —
- до следующей забудки —
- кресты кидает, молитву шепчет —
- начешутся... каши —
- порядовый сосед —
- в переглядки играть —
- жаться-щипаться —
- пережимки-перещипки —
- ласковое слово подарил —
- больше промышлял, чем работал —
- росту... был длинного —
- в избу гнетётся (т.е. «просится») —
- зевает, носом окуней таскает —
- гриб ли какой мухоморина —
- соседка забрела, ругаться завела —
- бес Пафнутий —

- на кулаки надсаживать —
- по окнам засовалась —
- себе в голову кулаком суёт —
- не знает... куда засунуться —
- спину... плёткой выкрасил —
- шапку из трубы выткнул —
- чёрт ему уши обколотит —
- старичок — бороды клочок —
- мигом надёрнул... сапоги —
- отнежить (т.е. «трахнуть») —
- толк-то есть, да не толкан весь —
- идут, посмеваются —
- рот корытом —
- мигнуть (т.е. прибежать) —

Здесь приведены ТОЛЬКО «коротыши» из богатейшего арсенала самобытных выражений и поговорок Фирсова...

ФИРСОВ-ФОКУСНИК

Фокусы детям Фирсов показывал в 1990-94-е годы в школах и детсадах после чтения сказок, тем самым расширив свой репертуар и возможности заработать. В своей работе он использовал покупной набор юного фокусника. В это же время он вёл в «Молодёжной газете» и журнале «Кипиня» рубрику «Домашний чародей», раскрывая с помощью слов и чертежей секреты фокусов: «Необычный баланс», «Волшебная открытка», «Фокус с волшебным конвертом», «Волшебный карандаш», «Пропадающий узелок» и др.

В 1994 году Василий потерял свой чемоданчик с атрибутами фокусника. Случилось это следующим образом. В эти годы он активно изучал биографию и творчество своего земляка Николая Клюева. В 1993 году он побывал в Вытегре на «Клюевских чтениях», выступал, показывал местным детям фокусы, готовил публикации для журнала «Север». Осенью 1994 года Фирсова опять пригласили в Вытегру, он добрался до автовокзала, купил билет, а кроме билета — бутылку портвейна, благо до отправления автобуса было ещё далеко. В итоге, вместо Вытегры, он оказался под Гоголевским мостом (вытрезвитель) для выяснения личности, потеряв в ходе этих событий свой чемоданчик. Поездку на «Клюевские чтения» Фирсов решил отложить до следующего года. В следующем году случилось примерно, то же самое.

Выступая в качестве фокусника, Василий Фирсов, как и сказочный персонаж Емеля-дурак, забавлял и веселил зрителей-слушателей, что отвечает игровой и развлекательной стороне сказки.

Д. Москин

Начал было выступать в садиках со сказками от общества книголюбов...
Выступил со сказками в лесотехникуме.

Из дневника. 05.05.1990.

Выступал в садиках, освоил с десятков фокусов, показываю в конце выступлений. Ребятам, конечно, нравится.

Из дневника. 02.12.1990.

Обдумываю мысль о студии юных фокусников. Фокусы для ребят — прикосновение к чуду, сказке...

Из дневника. 10.02.1991.

В 21 школе-интернате планирую открыть кружок юных фокусников.

Из дневника. 26.04.1991.

Пятого выступления в трёх школах: №39, №112, №24.

Из дневника. 04.11.1992.

В апреле выступил в нескольких школах и садах.

Из дневника. 27.03.1993.

Фирсов. Рассказ о фокусах, документальная запись — январь 2006 года.

... детская аудитория... надо уметь завладеть ею... Ребята вертятся... я просто рассказал две коротенькие сказочки и всё... ребята запали... холод забыли... рвутся на сцену. У меня фокусы такие... я специально подбираю, чтобы вызвать кого-то... так, поддержать верёвочку (Вовочка, поддержи верёвочку), карандаш... меня там... в 25 школе сбили с ног. Я вызвал одного, а рванули где-то человек двадцать пять. Я не вру... я убежал и в окошко выпрыгнул. Было дело. И учителя там сзади сидят, сами не знают, что делать. Всем надо верёвочку поддержать. А у меня два отделения было всегда. Ребята в садике хлопали: «Фо-ку-сы! Фо-ку-сы!» Вроде я и не артист — старый, беззубый... В 44 садике ребята скандировали. Лиза, дочка Сойни (Елены): «Дядя Вася, а мы вас помним!» Они помнят меня. У трёхлетних-четырёхлетних память... они запоминают... Я показывал... штук сорок активных фокусов. В запасе было ещё... Книжек не было (по фокусам), я даже выписывал из Питера... мне прислали плёнку — диапозитивы через Национальную библиотеку... я всё переписал, перерисовал. Всё от руки. 1992, 1993, 1994 годы. Я эти годы по 20-25 выступлений делал. Сейчас им (детям) уже по 17-19 лет. Помнят... Им сказку расскажешь... я не читаю, а рассказываю. «А потом, ребята, переходим на фокусы!». И пошло чудодействие... (Сейчас мы прогоним гром... гром прошёл!) Везде я был, кроме ведомственных... я все садики прочёсывал насквозь. А потом начали закрывать. 1994, 1995 годы. Я прихожу: «Девки, я по рублю беру, всего-то — ерунда!» Там две группы... допустим, 30 человек. Огромные ли деньги? И то! Стали отказываться. Родители не могут оплатить. Рубль!... Потом в декабре (1995) я в газету пришёл... «Петрозаводск». (До августа 1998 года Фирсов вёл «историческую» страницу).

Записал Дм. Москвин

НАРОДНАЯ ЭРОТИКА В СКАЗКАХ ФИРСОВА

«Народная эротическая сказка отражает ту сторону жизни, которая больше всего давала и даёт разгул юмору, сатире, иронии».

Долгое время не было писателя, который бы эту традиционную форму продолжил, и вот он появился — это наш земляк Василий Фирсов. Сказки его уже были опубликованы и даже частично изданы, но, тем не менее, для широкой публики Фирсов известен мало, тем более его «заветные» сказки. Они относятся к так называемой «культурно неартикулируемой речи (как и часть современных анекдотов), которая обращена к половой сфере русского народного (крестьянского) сознания и подсознания.

От традиционной волшебной сказки, «заветная» отличается тем, что вызывает смех, порождённый неадекватным поведением персонажей, жаждущих воплощения эротических желаний. В «заветной» сказке эти желания исполняются, и, как правило, у мужчин.

Если в «афанасьевской» сказке персонажи пользуются матом для определения половых органов и действий, то у Фирсова мата нет. Он находит разнообразные «обходные» словесные формы. И в этом отношении проявляет удивительное мастерство. Как и в традиционной сказке, у Фирсова действуют такие же персонажи: мужик, баба, солдат, поп, попадья. Но в «заветных» сказках про животных круг их расширен. Помимо классических героев: медведя, волка, зайца и лисы, писатель использует филина, журавля, ёжика, овцу, барана.

В отделе рукописей ИРЛИ хранится 164 текста «заветных» сказок со многими вариациями. В современных сборниках «афанасьевских» сказок, как правило, публикуется около семидесяти. В творческом наследии Фирсова — 41 «заветная» сказка, если не считать 35 сказок, написанных по мотивам новелл Боккаччо.

В книге «заветных» сказок Афанасьева, изданной в 1991 году, опубликована статья известного фольклориста А.И.Никифорова «Эротика в великорусской народной сказке», где говорится: «Мысль о статье возникла под общим впечатлением, вынесенным мною от поездки за сказкой летом 1926 года в Заонежье ... Признаюсь, что я был поражён той насыщенностью де-

ревни сексуальностью, которая преследовала на каждом шагу. Она сказывалась в речи, в бытовых рассказах, в фактах семейных отношений, в произведениях творчества устного и т.д. Однако же скоро я заметил, что в этой сексуальности деревни нет такого элемента, который делает её специфической в городе, нет того, что бы её доводило до ступени эротики. Наблюдение над бытом показывает, что вы имеете дело с естественным, несколько грубоватым фоном жизни, по существу чрезвычайно целомудренной и строгой».

Об интересе Фирсова к народной эротике говорят и его выписки «заветных» карельских загадок из «Отчёта о поездке по Олонецкой губернии летом 1892 года» карельского литератора и этнографа Николая Феофилактовича Лескова:

1. Растёт, растёт, в порты не помещается, вывалится — так красная голова. (Морошка).
2. Муж на бабе, белая пена в середине. (Ручные жернова).
3. Мужик пашет, хомут на шее. (Любовь).
4. Вор в чулан заходит, котомки на пороге оставляет. (Любовь).
5. Корытце в багульнике, журавлиная шея в корытце. (Женский половой орган).

ОБРАЗ СМЕРТИ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ФИРСОВА

У Василия Фирсова в сказках часто встречается такой персонаж, как Смерть. С одной стороны, это популярный фольклорный персонаж, с другой... Фирсов в последние годы жизни был главным помощником правозащитника Юрия Дмитриева, который в ходе экспедиций на Соловки и ББК, находил места массовых захоронений узников и строителей, проводил раскопки. Здесь Фирсов невольно соприкасался со Смертью и ... несправедливостью, насилием власти над своим народом. Это не делало его врагом властей нынешних, тоже особенно с народом не считающейся, а скорее наводило на философские размышления. После изрядного «принятия на грудь» в его голове рождались замысловатые кладбищенские фантазии с «чёрным» оттенком. Одна из них связана со встречей Нового года ... в могиле. Он несколько раз возвращался к этой теме, уговаривая меня написать «сценарий» и принять участие в организации. По его представлению, это действо могло выглядеть таким образом: в ночь под новый год на кладбище собирается группа небедных людей, жаждущих острых ощущений. После «проводов» старого года (вместе с Василием), Фирсов залезает в гроб и закапывается на небольшую глубину на час-полтора. Единственно, что его соединяет с миром «живых» — это трубочка, с помощью которой он дышит. Затем Фирсов выкапывается и «вновь возродившийся», продолжает пиршество на крышке гроба с весёлой компанией.

Не напоминает ли это святочные «игры в покойника», игры в умирание, символизировавшие преодоление смерти. «Покойник, покойник, умер во вторник, пришёл поп кадить, а он в окошко глядит».

Д. Москин.

Завтра (точнее, уже сегодня) исполняется шесть лет, как умерла мама. Шесть лет уже мамы нет на земле. Да и себя я чувствую каким-то усталым, порой равнодушным ко всему. Ощущение — что не живу, а плыву в тумане, время от времени натываясь лбом на деревья. Нервы напряжены, денег нет, много суеты и раздражения. Состояние, которое психологи определяют как «кризис середины жизни». Или-или. Или я реализую свои способности, или захирею в суете жизни, успокоюсь, махну рукой на своё призвание, стану обывателем.

Как-то подумал, что хочу, — когда помру — лежать на родном кладбище,

рядом с мамой. Хорошо бы так, — лежать в земле, на которой родился, по которой бегал в детстве. Иногда до слёз хочется в деревню, побродить в одиночестве по закоулкам детства, посидеть на берегу реки с удочкой, походить по лесу, по знакомым полям. Иногда представляю себя помершим, лежащим в земле. Лежу и несколько не жалею, что помер, испытываю какое-то страшное облегчение, будто я случайно забрёл в жизнь, непонятно для чего жил, непонятно, что делал. Кто я и зачем — ничего не понятно, и почему я должен жить, а потом помирать, лежать в гробу.

Из дневника. 5.05.1990.

Я — главный гробокопатель... От посёлка (8-й шлюз ББК) до кладбища (места захоронения строителей канала) пять километров как минимум, пешком... выкапываем там... а в ящиках — валетом... один — туда, а другой — туда, чтобы меньше места занимать. Я могилу не боюсь, в могиле сосредоточена вся философская мудрость, сгустки. Это не яма... Я сидел в могиле, вот где аура...

Документальная запись. Январь 2006 года.

СТАРУХА И СМЕРТЬ

Жили-были старуха со стариком да дочка с внучкой. Однажды заболела старуха, помирать стала, ночью и Смерть пришла, за рукав дёргает. А старухе помирать неохота, отмахивается, просит косую уйти. Смерть и говорит:

— Показывай замену, уйду.

Старуха и показала на старика. Ушла смерть, а через неделю и старик помер. Захоронили его, поминки справили. Стали жить дальше, да вдруг опять старуха занемогла, помирать стала. Ночью Смерть приходит, за рукав дёргает. А старухе помирать неохота, машет рукой, просит уйти.

— Показывай замену, — говорит косая. — Покажешь, долго не приду.

Старуха и показала на дочку. Ушла Смерть, а через неделю заболела дочка, померла в одночасье. Схоронила старуха дочку, поминки справила. Стали жить вдвоём с внучкой. Долго жили, да вдруг опять старуха занемогла, помирать стала. Уж и Смерть в избу гнетётся, а старухе помирать неохота, машет рукой, просит уйти косую.

— Показывай замену, — говорит Смерть. — Покажешь — никогда не приду к тебе.

Обрадовалась старуха, показала на внучку.

Ушла смерть, а через неделю заболела внучка. Поболела денёк и отошла, прикрыла чистые глазки. Схоронила старуха внучку, поминки справила. И стала жить дальше.

Сто лет прошло — живёт старуха. Двести лет прошло — не умирает, уж и за триста перевалило — нету старухе смерти.

Да так и живёт до сих пор: и жизни нет, и смерть неидёт.

СТАРИК И СМЕРТЬ

Живал в Киндасове старик. Долго жил, да пришло время помирать, а старику неохота.

«Надо, — думает, — ублажить смерть-то. Как придёт — накормить, винцом угостить, поговорить приветливо. Глядишь, посидит она да и уйдёт.»

Как надумал, так и сделал. Еды наготовил, винца поставил, сидит, смерть поджидает. Пришла смерть, хотела сразу старика уморить, а он ей поклон до пояса да за стол приглашает, просит угощения отведать, винца выпить.

Удивилась смерть, а за стол села. Рад старик, вина наливает, угощения предлагает. Выпила смерть, закусила, старик снова наливает, снова угощает, ласковую беседу ведёт. Выпила опять смерть, закусила, совсем хорошо стало. Сидит, подпершись, чуть не плачет.

— Сколько живу, — говорит, — а никто меня не приветил, никто винцом не угостил. Один ты, старик, пожалел, меня накормил, обогрел, ласковое слово подарил.

Слушает старик, радуется, снова наливает гостье, снова потчует.

— Спасибо тебе, старик, — говорит смерть. — За добро и я отплачу тебе добром.

— Как же ты отплатишь? — спрашивает старик.

— Сейчас увидишь, добрая душа, сейчас увидишь.

Вышла смерть из-за стола, первым делом печь натопила, воды нагрела.

— Раздевайся, — говорит, — голубь.

Разделся старик, намыла его смерть, во всё чистое одела, на печь посадила.

— Забирайся, старик, — говорит. — За добро и я тебе добро сделаю.

Лёг старик на печь, смерть его одеялом укрыла, три раза перекрестила.

— За добро и я тебе добро сделаю, — говорит. — Легче всех помрёшь, родной ты мой, легче всех на свете.

Правду сказала смерть: помер старик легче всех на свете.

Только ругался сильно, когда помирал.

КУМА ПО ИМЕНИ СМЕРТЬ (по Гансу Саксу)

Жил крестьянин и не было у него кума. «Надо бы мне кумом обзавестись, — думает, — или кумой на худой конец».

Пошёл было, а у крыльца Бог стоит.

— Ты куда? — спрашивает у мужика.

— Да вот хочу кумом обзавестись. Или кумой на худой конец.

— Возьми меня в кумовья, — сказал Господь.

— Нет, — отвечает мужик. — Ты блага делишь кое-как. Один — богач, другой — бедняк, ладно ли так?

Ушёл Господь, а тут и Смерть подходит.

— Возьми меня в кумовья, — говорит, — а я тебя научу, как разбогатеть.

— Как же ты меня научишь разбогатеть?

— Я сделаю тебя лекарем, сама тебе помогать буду: коли стану в ногах — больной поправится, стану в головах — больной померёт.

— Хорошо, — сказал мужик, — будь моей кумой, помогай разбогатеть.

Тут заболел один купец, мужик приходит, смотрит, где кума стоит. Стала кума в ногах — лекарь и говорит.

— Плати, хозяин, сто рублей, вылечу.

Купцу не жалко денег, лишь бы выздороветь. Дал он сто рублей, — через неделю и вправду выздоровел. Пошла слава про лекаря, стали его приглашать в богатые дома. Придёт он, на куму поглядывает: куда встанет. Коли в головах — больной не встанет, коли в ногах — выздоровеет. Никогда не ошибался, разбогател изрядно, весёлое житьё пошло.

Раз проснулся мужик дома, а кума в головах стоит, усмехается.

— Собирайся, — говорит, — кум, пришёл и твой черёд. Не хочется мужику помирать, говорит:

— Дай, кума, «Отче наш» до конца прочитать, а уж там как Бог даст.

— Ну, читай.

Завёл мужик молитву, первые слова прочитает и сбивается, снова начинает. Начнёт, собьётся, опять начнёт. Так — и день, и неделю, и месяц. Ждёт кума, когда кум «Отчешаш» до конца прочитает, а тот не спешит. Лет пять прошло, не кончается молитва, не помирает мужик.

Устала смерть ждать, решила хитростью взять. Прикинулась больной, легла у порога, говорит:

— Ах, кум, я вся в жару, только «Отче наш» мне и помогает. Прочитай.

— Ладно, — говорит мужик, — прочту.

Взял и прочитал «Отче наш» до конца, встаёт Смерть весёлая.

— Что, братец, — говорит, — попался?

Тут мужик и помер, и крикнуть не успел.

Яна Жемойтелите

Писатель

Пьеса «Время собирать картошку» была написана специально для Национального театра Карелии. Во время работы над ней у меня не раз возникало ощущение, что я творю в соавторстве с Васей, я советовалась с ним в основном по поводу поступков героя, Федора, попавшего в ситуацию выбора, классическую для русской литературы. Впрочем, в пьесе выбор оказался множественным и разрешился совершенно неожиданно для меня — влюбленностью Федора. Очевидно, на развитие действия повлияла натура самого Васи, который, будучи человек далеко не благопристойным, все же по своему склонялся к целомудрию.

Яна Жемойтелите

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАРТОШКУ

(по мотивам сказок Василия Фирсова)

Федор — неопределенного возраста

Душа Федора — в виде тряпичной куколки из грубого холста

Настя — лет тридцати

Матрена Ивановна — неопределенного возраста

Санька — в живом виде и в виде тряпичной куклы

Гришка — в живом виде и в виде деревянной куклы

Митька, он же Пугало — лет тридцати

Черт — неопределенного возраста

Батюшка — далеко за семьдесят

Попадья — толстуха лет двадцати с небольшим

Агата — женщина-вамп

Пространство сцены обрамлено будто бы странными деревьями. Однако это не деревья, а гигантская ботва картошки. Среди них стоит Пугало. Под одним из кустов спит Федор в позе эмбриона с бутылочкой в руках.

Полет души Федора.

Душа-куколка беспорядочно мечется над сценой, подобно большой мухе. Черт пытается поймать ее. Наконец душа пикирует к Федору и скрывается у него под пиджаком. Когда душа возвращается в тело, Федор шевелится и причмокивает. Услышав приближающиеся голоса, черт скрывается.

Матрена Ивановна и Настя приходят с лопатами и начинают копать картошку. Сковырнув из земли первый куст, внимательно разглядывают картофелины, которые имеют человеческие «лица» из папье-маше.

Матрена Ивановна: Время вырывать посаженное, и что? Картошка. Обычная картошка! Будто мы ради этой картошки старались.

Настя: Не ворчи, Матрена Ивановна. Картошка тоже нужна.

Матрена Ивановна: Ага, брюхо набить! Брюхо добра не помнит.

Настя: А кто помнит?

Матрена Ивановна: Дети помнят. Нет, я все смотрю: ну какое чудо! Клубни розовые, с тонкой кожей, как новорожденные младенцы.

Пугало: Замолчи, Матрена Ивановна, или я сейчас разрыдаюсь.

Матрена Ивановна: Митька! А ты чего подслушиваешь? На службе, чай. Давай ворон гоняй.

Пугало: А ты мне душу зря не бери. Младенцы! Я же эти клубни потом есть не смогу.

Настя: Оголодаешь, еще не то съешь.

Пугало: Черствая ты, Настя. Как ты только живешь с такой душой?

Настя: Покуда жива душа, и я живу.

Пугало: Живу пока живется, вот это как называется. А я ради нынешнего дня настоящее подвижничество проявил!

Матрена Ивановна: Кого подвинул?

Пугало: Сам в передовое хозяйство съездил. Представляете, выхожу в поле, а там она на покрывале лежит, отдыхает, вся из себя такая гладкая, насквозь светится. Синеглазка — так не каждый и жену назовет!

Матрена Ивановна: Чего ж холостой вернулся?

Пугало: Картофель и супружество — две слишком серьезные вещи, чтобы с ними шутить. Так вот, я тогда покрывало за четыре угла схватил и на автобус дунул. Зато клубни вышли ровные, розовые, что младенцы, это ты правильно заметила. Ради вас я и старался.

Матрена Ивановна: Это ты за картошкой ездил?

Пугало: А за кем же? Вот она и выросла. Синеглазка — сорт урожайный, морозостойкий. Глазки синие у нее ...

Матрена Ивановна: Да, я все не перестаю удивляться. Земля черная, а клубни получаются розовые, глазки синие...

Пугало: Картошка сама по себе тайный овощ, глубоко в земле спрятана. Вот мы ночью спим, а она там, в земле, тайно растет...

Настя: Глубоко копаешь.

Матрена Ивановна: Да-а... Картошка — она как человек, плоть от плоти своей рождает... А сколько мы народу в землю зарыли — целый погост лежит. А в результате что? Одни клубни!

Настя: А вот говорят, что к Агате муж покойный повадился...

Матрена Ивановна: Это с погоста-то?

Настя: Да. Каждую ночь.

Пугало: Еще чего скажут!

Настя: Еще говорят, что он при жизни журналы читать любил...

Матрена Ивановна: За прессой, что ли, приходит?

Настя: Ну да. Туда ведь подписка не оформляется... Ой, не спрашивайте меня больше. Страшно даже вспоминать об этом!

Матрена Ивановна: Это точно. Я и Агаты боюсь, ведьма она черноглазая.

Пугало: Давайте лучше о картошке поговорим.

Настя: А вот о картошке... знаете, что я скажу?

Пугало, Матрена Ивановна: Что?

Настя: Чертово яблоко оно земляное!

Матрена Ивановна: Почему чертово?

Настя: Потому что обманывает который год! Клубни да клубни, ни одного младенца живого! Просто плакать хочется!

Матрена Ивановна: Тише! Вроде шевелится кто-то, покряхтывает. Слышишь?

Настя: Верно, это... заяц.

(находят спящего Федора)

Матрена Ивановна: Если заяц, то очень большой. Да еще в башмаках.

Настя: Ой, и верно в башмаках!

Матрена Ивановна: Андель-андель, какой славный мальчик, волосики светленькие... С бутылочкой заснул, бедолага...

Настя: Ага, бутылочка у него! Бутылочка «Клинского».

Матрена Ивановна: Тьфу!

Настя: Алкаш хренов!

Матрена Ивановна: Всю радость испортил!

Настя: Эй, чего разлегся? Здесь тебе не парк отдыха.

Матрена Ивановна: И не культуры тем более.

Настя: Душа-то хоть в теле?

Федор: (продирает глаза) Это какая остановка?

Настя: Конечная.

Федор: А ты кто такая?

Настя: Я Настя, а это Матрена Ивановна.

Федор: А Васька где?

Матрена Ивановна: Был твой Васька, да весь вышел.

Федор: Куда вышел?

Пугало: За «Клинским».

Федор: Я серьезно: это какая остановка?

Пугало: Остановка Большие бабники. Автобус дальше не идет.

Федор: А как я сюда попал?

Матрена Ивановна: Это уж тебе лучше знать.

Федор: Мы же вчера с Васькой на дачу поехали картошку копать...

Настя: Видали мы таких работников!

Федор: Может, я вам картошку выкопаю? Недорого беру-то.

Настя: Нет уж, мы как-нибудь сами. Поднимайся, ну. Давай руку.

(Федор с трудом встает на ноги)

Матрена Ивановна: Тебя как величать-то?

Федор: Федором зовут. А картошка у вас знатная! Видно, редкий сорт?

Пугало: Синеглазка!

Матрена Ивановна: Глазки синие, а что толку-то?

Федор: Невкусная?

Настя: Вкусная, разваристая, да только съели и забыли.

Матрена Ивановна: Я уж чем только ни удобряла. И золой, и химией, и ко-
ровьей мочой. Никакого толку!

Федор: А чего еще вы от картошки ждете?

Матрена Ивановна: Ну как чего? Ты, Федор, будто только вчера на свет
родился.

Настя: С демографией у нас сам знаешь как. Мы помрем, и деревня наша
помрет.

Матрена Ивановна: Деток-то у нас так и не получается.

Федор: А мужики ваши что же? На фронт ушли?

Настя: Мужики при деле. Картошка вот только который год подводит. В
соседней деревне клубни величиной с орех, а детей кишмя кишит. Откуда
они их берут?

Матрена Ивановна: Мы по осени каждое утро ребятишек в картошке
ищем. Так и договорились: кто найдет, того и сыночек будет. Или дочка.

Настя: Только все не везет. Картошка как картошка, и хоть ты тресни.

Пауза.

Федор: А много ли баб-то будет в вашей деревне?

Матрена Ивановна: Так это... Мы с Настей...

Настя: Попадья. Ну, и еще вдова Агата за погостом на заимке живет.

Федор: Всего четыре, следовательно. Так это... насчет ребятишек-то, ба-
боньки... ежели я правильно понял...

Матрена Ивановна: После потолкуем. Пойдем.

Федор: К кому первой... То есть, куда мне идти-то?

Матрена Ивановна: Пойдем, Федор, ко мне, раз уж я тебя нашла. В чувство тебя приведу. (*уходя*)

Песня Митьки

Быть может, картошка и не проблема,
Она для кого-то не так актуальна,
Но для меня это вечная тема,
Картошка — то, что всегда реально.

Картошка значительно проще сыра,
Она принимает разные виды,
Картошку едят все жители мира,
От Гренландии до Антарктиды.

Картошка — самый коварный овощ,
Картошка — истинно страшный наркотик,
Ау, кто-нибудь! Придите на помощь!
Везде огороды народ воротит...

Дома у Матрены Ивановны.

Матрена Ивановна: Пиджачок в шкаф повесь, чтоб не болтался где попа-
ло, я порядок люблю.

Федор: А муж твой где же? (*открывает шкаф, оттуда вываливается Сань-
ка (тряпичная кукла).*)

Матрена Ивановна: Ой, мужа-то я вчера забыла на двор вынести. Просох
ли? (*трогает Саньку*)

Федор: Что значит — просох? Пьяный был?

Матрена Ивановна: Нет, Санька редко пьет. Только в остальном он не го-
жий. Вот я и наловчилась им пол протирать. Ну-ка, Федор, посторонись.
Наследил тут.

Окунает Саньку в ведро, протирает им пол.

Матрена Ивановна: Теперь, Федь, ты сапоги об него оботри, чтоб опять не
наследить.

Федор: Как? О Саньку?

Матрена Ивановна: Да он привычный.

Федор: Так это... Муж он тебе все же!

Матрена Ивановна: Не гожий, говорю! Сразу после школы за него замуж
выскочила, жизнь вместе прожили, а зачем он нужен, я так и не поняла. Но-
ги хорошо обтер?

Федор: Хорошо.

Матрена: Тогда вынеси Саньку на крыльцо. Обсохнет, еще за человека сойдет.

Федор: А прополоскать не надо?

Матрена: Ничего, я им еще не то подтирала.

(Федор выносит Саньку на крыльцо, вывешивает на перекладину или на веревку. Поодаль Настя колет дрова при помощи Гришки. Гришка — деревянная кукла с большим красным носом. Настя использует Гришку вместо топора.)

Федор: Настя, и у тебя муж не гожий?

Настя: Да он весь в нос ушел, много ли толку от такого? Хорошо, догадалась вместо колуна его держать, хоть какая-то польза.

Федор: Значит, детей у вас нет?

Настя: Вот и я об этом толкую который год! *(с яростью тюкает Гришкой по полену)*

(Федор жестами подзывает Настю к себе. Она втыкает Гришку носом в колodu, подходит к Васе. Во время последующего диалога Митька покидает пальто Пугала и уходит. Пальто остается пустым)

Настя: Чего тебе?

Федор: Слушай, Настя, с ребятишками помочь я здорово даже могу. Дело то нехитрое.

Настя: Рассказывай! Мы который год с картошкой маемся, а он — нехитрое дело!

Федор: Конечно, нехитрое. Самовар поставить и мужа своего на этот момент в сарай пристроить или еще куда. Не его это дело.

Настя: А-ну, Федя, повернись фасадом ко мне.

Федор: Да все при всем у меня, Настенька. Руки, ноги, голова и... это самое.

Настя: Постоишь у меня вместо комода? Когда гости приедут, а?

Федор: Тьфу, дура! Ты детей хочешь завести?

Настя: Хочу.

Федор: Тогда сегодня и займемся в обед. Пожрать только чего приготовь. И смотри, если Гришке своему проболтаешься...

Настя: А нельзя?

Федор: Нельзя! Детей в тайне от мужа делают. Прознает — ничего не получится.

Появляется Матрена Ивановна.

Матрена Ивановна: Федь, иди чай пить.

Федор: А чего покрепче не найдется, Матрена Ивановна? Мне б только горло сполоснуть.

Матрена Ивановна: С этим строго у нас. Поешь, отлежишься, а с утра обратно в город тебя отправлю.

Федор: Да я покуда не хочу в город. Чего там делать-то?

Матрена Ивановна: А здесь чего?

Федор: Как чего? Детей-то вы завести хотите?

Матрена Ивановна: А то ты в этом деле помощник! Видали мы таких молодцов! *(снимает с веревки Саньку, уносит с собой)*

Затемнение. Дома у Насти.

Федор: *(воровато озираясь, обходит горницу, на всякий случай проверяет шкаф. Из шкафа выдергивается мохнатая кошачья лапа и с урчанием закрывает дверь.)* Мужа куда дела?

Настя: Велела, чтоб в сарае поленья пересчитал.

Федор: Ну, дров у вас много, нескоро управится.

Настя: Вот, Федя, я блинчиков напекла.

Федор: Настя, ну я же просил тебя пожрать приготовить! А ты — блинчиков напекла.

Настя: Ой, а я думала...

Федор: Ладно, прощаю. Давай сразу за дело.

Настя: Давай. А что для этого нужно-то?

Федор: Ну, ты... сперва ко мне подойди. Поближе. *(Настя подходит, Федор приближается к ней.)* Фу ты, аж дыханье сперло.

Настя: Воды дать?

Федор: Нет, воды не надо. Постой еще так.

Настя: Ты порасторопней давай. Что так просто стоять-то?

Федор: Ой, да-да. Ух, ты какая ... Какая ты шикарная женщин...

Входная дверь скрипит и стучает, раздаются тяжелые шаги.

Настя: Гришка вернулся!

Федор: Черт! Куда б мне спрятаться-то? Какой-никакой, а все-таки муж! *(пытается ткнуться в шкаф, получает по морде кошачьей лапой)*

Голос Гришки: Настенька!

Настя: А давай я тебя в блин заверну! Вставай тут, за дверью.

Актер выносит Гришку-куклу.

Настя: Чего вернулся-то?

Гришка: Есть хочется, Настенька. Тут у тебя что такое?

Настя: Да блин стоит.

Гришка: А чего стоит-то?

Настя: Как чего? Тебе спекла, думаю, придешь, а блин уж готов, ешь на здоровье.

Гришка: Так я его сейчас съем.
Настя: Ой, не надо! Он еще не остыл.
Гришка: Блин горячий хорош. Дай-ка вилку.
Настя: Ой, не надо вилки. Его есть нельзя, он несъедобный.
Гришка: Отчего ж несъедобный?
Настя: Оттого и несъедобный, что непростой.
Гришка: А какой же?
Настя: Говорящий. Спросишь чего, он и отвечает.
Гришка: Эй, блин. Ты блин, что ли?
Федор: Блин.
Гришка: А как же ты говорить научился?
Федя: Жизнь заставит — всему научишься.
Гришка: Ну, скажи, как меня зовут да бабу мою?
Федор: Тебя — Григорием, а ее — Настасьей.
Гришка: А дети у нас есть?
Федор: Вот детей-то и нет покуда.
Гришка: А будут?
Федор: Ты почаще в сарае сиди, так будут.
Гришка: Ну, дрова я там уже все пересчитал. За вторую тысячу перевалило.
Федор: Сходи тогда скотину проверь.
Гришка: Какую еще скотину?
Федор: Козла рогатого.
Гришка: Да нет там никакого козла.
Федор: Как нет? Я сам его привел. Сходи в сарай, погляди хорошенько.
Гришка: Да? Надо проверить. *(уходит)*
Федор: Фу-ты, черт! Ничего, в другой раз обязательно выгорит! *(чмокнув*
Настю в щечку, быстро скрывается за дверью)

Настя ест блин. Входит Гришка.
(Во время их диалога Черт подкрадывается к пальто Пугала
и влезает внутрь).

Гришка: Говорю, нет там козла... Эй, а где блин-то.
Настя: Так это... я его съела.
Гришка: Ну и дура ты, Настя! *(дает жене затрещину)*
Настя: Да не дурнее тебя! *(отвечает затрещиной)*
(Дерутся)

На картофельном поле. Федор и Черт.
Черт в виде Пугала: Федор, пойд-ка сюда!

Федор: Чего тебе?

Из-под шляпы Пугала неожиданно выдергивается рогатая башка, мекает.

Федор: Фу ты, черт!

Пугало: Ну вот, ты уже трижды позвал меня. *(из пальто вылезает Черт)*

Федор: Всё. Кажись, приплыли. Просил же у Матрены опохмелиться!

Черт: Федор, я не твоя галлюцинация. Я настоящий! Дай, тебя ушипну.

(Вася мелко крестится)

Черт: Зачем крестишься? Ты ж не крещеный. Я тебя насквозь вижу. Душа у тебя неприкаянная. Тяжело, видать, такую душу носить.

(Из-под полы пиджака выдергивает Федина душа, пытается взлететь.

Черт пытается словить ее на лету, Федор перехватывает и тут же прячет ее назад в грудь)

Федор: Душу не отдам!

Черт: Все равно моей будет.

Федор: Чего твоей-то?

Черт: Многогрешен ты, Федор. Нам такие кадры нужны. Но ты от страха-то не трясись, со мной всегда возможно договориться.

Федор: Нет, черт, не о чем нам с тобой договариваться.

Черт: А вот известно мне, что ты, Федор, до женского полу охоч.

Федор: Вот черт! То есть ты-то тут при чем?

Черт: Я в этом деле помочь могу.

Федор: Хм. А от меня чего хочешь взамен?

Черт: Чин майора хочу получить.

Федор: Я чинов не раздаю, товарищ капитан.

Черт: А от тебя все-то и требуется, что попадью соблазнить. Тебе в удовольствие, а мне на пользу. Я по службе продвинулся.

Федор: Попадье тоже дети нужны?

Черт: Не помешают. Однако мне важны не дети, а сам факт.

Федор: Факт — и все?

Черт: Все, честное слово. За попадью мне, может, сразу подполковника дадут.

Федор: Привлекательная попадья-то?

Черт: На любителя.

Федор: А мне еще Матрена Ивановна нравится. Я лучше к ней пойду.

Черт: А я говорю: попадью!

Федор: Почему?

Черт: За нее подполковника дадут!

Федор: Так ведь не мне же.

Черт: А без меня у тебя ничего не получится. Один раз уже сорвалась рыбка с крючка.

Федор: Муж у этой попадьи тоже не гожий?

Черт: Старый он просто, естественный лимит вышел. А в молодости под-
давал с ахом, и с подмахом. Я научу, как его из дому выманить.

Федор: А если я сперва к Матрене Ивановне зайду?

Черт: А я говорю: к попадье!

Федор: Почему?

Черт: Потому что ты, дурак, скоро скопытишься. Ты ж допился до чертиков!

Федор: Чего-о?

Черт: Ты думаешь, ты сейчас где?

Федор: В деревне Большие бабники.

Черт: А вот и нет. Под лавкой ты валяешься на конечной остановке, пьяный вусмерть. И все, что вокруг — тебе просто кажется.

Федор: Еще что придумашь?

(Федор с недоверием ощупывает окружающие предметы)

Федор: Скажешь, поле мне тоже кажется?

Черт: Кажется.

Федор: И картошка?

Черт: Разве это настоящая картошка? С глазами?

Федор: Сорт такой — Синеглазка. *(картошке)* Тыфу! Да не смотри ты мне прямо в душу!

Черт: Что, здорово вставляет?

Федор: Тогда может, ты мне тоже кажешься?

Черт: Может быть, и кажусь.

Федор: А говорил, что ты настоящий.

Черт: Нашел кому верить — черту.

Федор: Ага! Значит, ты мне соврал! Это насчет того, что я скоро помру. Я же только плечи расправил, силу ощутил. Я еще мужик — ого-го!

Черт: Вот и оттянись напоследок.

Федор: А ты мою душу потом ... цап-царап?

Черт: Нет. Я ведь тебе только кажусь. Я — твой бред.

Федор: А вон грабли лежат. Это тоже бред?

Черт: Бред.

Федор: А ну допрыгни до них!

Черт: *(допрыгивает до граблей, получает рукояткой в лоб)* А-а-а! *(падает замертво)*

Федор: Это тебе показалось! *(удирает)*

Митька возвращается на поле с блокнотом, замечает черта.

Митька: Товарищ, вы там что делаете?

Черт *(с трудом поднимается, держится за лоб)*: Знакомлюсь с участком. Я... ваш участковый. А ты кто?

Митька: Временно исполняю обязанности пугала. Вы откуда к нам были?

Черт: Я ... из самого центра.

Митька: Это замечательно. В центре народ толковый. Может, вы поможете мне рассчитать оптимальный размер участка под картофель? Я на днях прочел, что число едоков нужно умножить на 20 ведер — это необходимое количество клубней на год — и поделить на среднюю урожайность...

Черт: А сам сосчитать не можешь?

Митька: Да понимаете, у меня служба сейчас такая — ворон считать, а не картошку.

Черт: А у меня в глазах двоится, боюсь, неправильно сосчитаю!

Митька: Жаль. *(удаляется с блокнотиком)* Климат у нас самый благоприятный для элитных сортов картошки...

Санька возвращается домой с рыбалки (Актер несет куклу и удочку).

Черт надевает милицейскую фуражку.

Черт: Привет, Санька. Просох наконец?

Санька: (чихает) Да, солнышко выглянуло, хмель из меня выгнало, я и человеком стал.

Черт: Какой хмель?

Санька: Да вот, только Матрена меня в ведро сунет, дальше я ничего не помню, будто пьяный был. И пол-литры не надо.

Черт: И как на веревке висел, не помнишь?

Санька: Не-а, не помню.

Черт: А как в шкафу припертый шваброй стоял?

Санька: (чихает) Один туман в голове. А чего ты меня пытаешь, товарищ участковый?

Черт: А вот на днях постановление вышло — желания исполнять по заявкам трудящихся. Есть у тебя заветное желание?

Санька: А то! Вот если б Матрена хлорки в ведро не сыпала! А то я от этой хлорки чихаю даже во сне!

Черт: Ладно, будь по-твоему. Скромное, однако, местное население.

Санька: Шиковать не приучены. Ну, если ты действительно поможешь — спасибо, товарищ участковый.

Черт: Одним спасибо не отделаешься.

Санька: А что еще тебе нужно? С меня и взять-то нечего.

Черт: А ты отдай мне то, чего дома не знаешь.

Санька: Мне у себя дома все известно до последнего уголка. Обследовал собственными руками.

Черт: Видать, и пропустил чего. Ты ж говоришь, ничего не помнишь, покуда мокрый.

Санька: А, была — не была, забирай что найдешь. Мне главное — чтобы она хлорку не сыпала...

Черт: Значит, по рукам?

Санька: По рукам.

Черт: Ну, тогда вышибай дверь.

Санька: Зачем вышибать? Матрена сама откроет.

Черт: Сегодня не откроет. Вышибай!

Санька: Ну, если товарищ участковый велит... (*разбегается и вышибает дверь*)

Черт влетает внутрь, выдергивает Федора из постели в одних в трусах, уносит прочь.

Федя: Эй, я же не успел ничего, только примерился, с какого боку...

Черт: Я тебе покажу, как с чертом шутить! (*скрывается вместе с Федькой*)

Санька: Матрена! Это что такое было?

Матрена Ивановна: Да вот... Пришел тут один, просил твой старый костюм ему продать. Тебе ж все равно его надеть некуда.

Санька: Продала?

Матрена Ивановна: Широко в плечах оказался. И в пояс тоже.

Санька: Ты, Матрена, в следующий раз аккуратнее будь. А то нынче участковый рейд по домам устроил. Еще арестует тебя за спекуляцию.

Дома у Батюшки.

Батюшка за столом читает письма, раскладывает по отдельным кучкам.

На кровати за шторкой спит Попадья.

Входит Настя.

Батюшка: Что, милая, пришла?

Настя: Исповедаться хочу, батюшка.

Батюшка: Ну, пойдем в комнатку.

Настя встает на колени.

Батюшка: Сядь, дочь моя, не старуха еще — на коленях стоять-то. Сядь рядом, легче слова пойдут.

Настя: Давеча нагрешила я, батюшка. Мужу своему соврала, правду от него утаила.

Батюшка: Какую же правду, дочь моя?

Настя: А гость к нам пришел, велел, чтобы я мужа в сарай отправила. А сам руку мне на плечо положил.

Батюшка: На какое плечо, милая?

Настя: На левое.

Батюшка: Вот так?

Настя: Нет, вот так.

Батюшка: Дальше что?

Настя: Дальше, батюшка, по груди погладил.

Батюшка: Вот так?

Настя: Так, батюшка, так. Дальше другой рукой по ноге провел.

Настя: Так, батюшка, так.

Батюшка: А дальше?

(Стук в дверь)

Настя: Дальше муж мой домой вернулся, я и соврала ему, что, мол, не было у нас никого.

Батюшка: А синяк откуда у тебя?

Настя: Муж побил.

Батюшка: За что же?

Настя: За то, что блин съела, его не дождалась.

Батюшка: Ох, и темен народ! Ступай себе с Богом, Настя. Давай я тебя с черного хода выпущу. А ежели когда еще согрешишь, заходи, милая. Мы с тобой подробней поговорим.

Настя уходит. Стук повторяется. Входит Федор.

Батюшка: Зачем пришел, сын мой?

Федор: Исповедаться хочу.

Батюшка: Слушаю тебя внимательно.

Федор: Водится за мной грешок. Стаканчик-другой пропустить могу.

Батюшка: По случаю али так, с тоски?

Федор: С тоски, батюшки. Наше счастье — решето дырявое. Не везет мне по жизни.

Батюшка: Это глупому везет, а умному Бог дает.

Федя: Много ли тебе дал?

Батюшка: Два мешка отвалил *(указывает на письма)*. Не деньги, а все ж богатство.

Федор: Не лень тебе читать?

Батюшка: Богу забот убавляю. Люди нынче Богу жалобы адресуют. Раньше-то в партком писали. Так мол и так, муж пьет и гуляет, прошу разобраться. А теперь жаловаться кому?

Федор: И ты каждому помогаешь?

Батюшка: Человеку главное — душу излить. Пожаловался — и полегчало. Вот, например, возьмем письмо из деревни Новые Шиши. Это от нас в пятнадцать километрах. Где мои очки?.. *(Пытается прочесть без очков, вертит письмо так и этак)* На-ка, сам почитай.

Федор: *(читает)* «Муж у меня славный, только больно стыдливый. Я его то ущипну, то подмигну, то намек сделаю. Очень хочется мне детей завести. Дело-то нетрудное, да вот стыдно мужу моему этим заняться. Как подступлюсь, бывало, так его стыдобушка берет, краснеет по самые уши...»

Батюшка: Так-так. Дай-ка сюда. Кто это пишет? *(прячет письмо под полу)* Эх, был бы я помоложе... Ты чай пей, не стесняйся. Жена моя уже спать легла, так что угощать особо не чем, не обессудь...

Федор: Жена-то покладистая у тебя?

Батюшка: Покладистая, только шибко умная, до замужества учетно-кредитные курсы окончила. Чертова это наука, только и годится, что народ обсчитывать.

Федор: Зато её, батюшка, на базаре никто не обманет. Чем плохо?

Батюшка: Я на базар свою жену не пускаю. Она ж у меня молоденькая совсем, а искушение велико. То и гляди дряни накупит, финтифлюшек... Я сам теперича лишний раз из дому не отлучусь, даже ночью. Как ее оставишь одну?

Федор: А куда тебе по ночам отлучаться?

Батюшка: Видишь ли, сын мой, водится за мной грешок. В картишки перекинуться люблю. Прежде каждую пятницу козла забивал, а теперь у жены под боком лежу-караулю.

Федор: Так давай я за тебя покараулю. Я чутко сплю. А ты иди себе в картишки играй хоть всю ночь.

Батюшка: Правда? Ну, спасибо, сын мой! Ложись на мое место. *(спешно уходит)*

Из-под кровати выглядывает черт.

Черт: Федька, сперва усыпи бдительность! Пускай она решит, что ты — муж!

Федя забирается под одеяло с головой, делает вид, что засыпает. Храпит. Попадья садится на постели. Прислушивается к Федину храпу, выскальзывает из-под одеяла, надевает башмаки и исчезает за дверью.

Черт: Что за черт?! Куда она побежала? Ты что с ней сделал, Федька?

Федор: *(разводит руками)* Да пальцем не тронул, ей богу.

Черт: Нашел, перед кем божиться. Эх, что ты за мужик? Баба прямо из постели сбежала!

Федор: Так я-то чего...

Черт: Чего-чего? Разлегся тут чего? Дует вдогонку.

На картофельном поле Настя поет картошке колыбельную:

На барашке сон приехал,
на рогатом появился.
С улицы спросил бродяга,
Под окошком встал с вопросом:
Есть ли дети в колыбели,
малыши внутри пеленок?
Заходи, старик, к нам в гости,
принеси с собою дрему,

есть ребенок в колыбели,
маленький в пеленках плачет.
Завяжи глаза ребенку,
Шелковой стяни веревкой,
затяни ребенку уши
золотыми обручами.
Баю маленькую детку,
Баю сладкую малышку,
успокою кроху эту.

Uni uuhella ajauve,
kuokkasarvella kävelöy.
Unipa se ulkuota kyselöy,
alta akkunan anovi:
Onko lapsie kätkyössä,
pienie peittojen sisällä?
Tulepa sie, uniukko, meillä,
tuo se unta tullessasi,
meillä on lapsi kätkyvössä,
pieni on peittojen sisällä.
Sivo sie lapsen silmät kiini,
sivo silkinuorasella,
kuro lapsen korvat kiini,
kuro kultarenkahilla,
Tuutie lasta, tuutie pientä,
uinottelen pienokaista,
vakauttelen vakavaista.

Федор (останавливается и замирает): Черт!

Черт: Что там еще?

Федор: Да я не тебе... До чего красиво поет! Душа так и трепещет.

Черт: Пошли давай, живей! (увлекает Федора, тот идет и оглядывается на Настю)

*Окно Митькиного дома. Внутри Митька и Батюшка играют в карты.
Федя и Черт следят за ними. Попадья тихо подкрадывается под окошко,
кидает в него камешек. Митька выходит на крыльцо.*

Митька: Тише! Нельзя ко мне сейчас.

*Попадья: Ой, Митька, рассчитала я все, от и до рассчитала. В этот раз на-
верняка!*

Черт: Вот-те на! Митька-то наш не промах, картофельная душа!

Федор: Каков нахал, а!

Черт: Вот у кого учиться надо!

Митька: (Попадье) Ну, иди сюда, ближе, милая.

Попадья: Вот. Размер участка под картофель определяем так: умножаем число едоков на 20 ведер и делим на среднюю урожайность. При урожайности в 20 ведер достаточно выделить на каждого взрослого человека по одной сотке.

Митька: Значит, при 40 ведрах хватит и по полсотки!..

Попадья: Холодно мне тут стоять, Митька! Пошли в дом.

Митька: Нельзя. У меня муж твой сидит. Если узнает, что ты опять математику занялась...

Черт: Андель-андель, да что тут творится? Куда я попал? Как измельчал род человеческий!

Попадья (Митьке): Где муж-то сидит?

Митька: Сама посмотри!

Попадья осторожно заглядывает в окошко.

Попадья: Ой... Какой же это муж? Мой муж дома под одеялом спит, храпит что есть мочи.

Митька: А это тогда кто?

Попадья: Это? *(мелко крестится)* Это, верно, чёрт мужем моим притворился.

Митька: Иди ты!

Попадья: А ты с ним еще в карты играешь. Продулся небось в пух и прах?

Митька: Сто рублей выиграл.

Попадья: Ну так верни черту деньги. Добра не будет от них.

Митька: Нет. Я теперь боюсь даже порог переступить.

Попадья: Не трусь. В избу-то зайди да быстро мешок на него накинь.

Митька: Ладно, так и сделаем.

(Митька снимает с гвоздя мешок, заходит в дом, держа за спиной мешок)

Батюшка: Кого еще принесло?

Митька: Птица в окно стукнула. *(Изловчившись, накидывает на Батюшку мешок)*

Попадья *(кричит)*: Чёрта поймали! Люди добрые, мы чёрта поймали!

(Батюшка в мешке отчаянно сопротивляется?)

Прибегают полуодетые Настя, Матрена Ивановна.

Наперебой: «Что такое? Что случилось?»

Митька: Мы черта поймали!

Батюшка *(из мешка)*: Я не черт, я ваш батюшка!

Попадья: Не верьте! Он мужем моим прикинулся, святым человеком!

Митька: К мосту его! И в воду!

Черт (Федору): Ишь, как дело-то завертелось. Сейчас батюшку в воду — и привет! То-то мне раздолье!

Федор: Нехорошо вышло. Смертоубийство это, прости господи!

Черт: Молчи!

(Жители подхватывают Батюшку в мешке. Батюшка брыкается)

Попадья: Покончим с этим чертом!

Матрена Ивановна: Погодите. А где у него копыта?

Попадья: Оборотился он. Ботинки напялил.

Настя: А ну снимай ботинки!

(Стягивают ботинки)

Матрена Ивановна: Ишь, ноги-то как у младенца. Ногти розовые, один к одному. Нет, люди, это не черт!

Митька: Да черт же!

Матрена Ивановна: Видала я чертей! От них за версту серой тащит или просто дерьмом...

Черт: Это клевета!

Попадья: Свят! Свят!

Матрена Ивановна: Господи, кто там?

Настя: А вот я сейчас посмотрю. Ну-ка, кто тут? *(шарит в кустах)* Вылезай! Вылезай, кто ты там есть — человек или зверь?

Матрена Ивановна: Тише, тише! Шевелится кто-то.

Настя: А вдруг это ребеночек в картошке родился? Среди ночи, тайно, покуда никто не видит, а? Я ведь давеча на поле поколдовала, очень мне хотелось ребеночка на руках подержать, такого маленького...

Митька: Вполне может статься. Синеглазка — урожайный сорт.

Настя: Ой, даже боюсь смотреть.

Черт (Федору): Сиди, не рыпайся!

Федор: Отстань! *(выходит)* Не бойтесь, это я, Федор. Что случилось-то?

Матрена Ивановна: Померещилось, прости господи!

Попадья: Мы черта поймали.

Федор: Этот черт, что ли?

Попадья: Да. В воду его!

Федор: Погодите. А Батюшка ваш где?

Попадья: Дома на кровати спит, храпит так, что стены дрожат.

Федор: Так, может, это у тебя на кровати черт лежит, а это — Батюшка?

Настя: Вдруг и впрямь батюшку поймали?

Матрена Ивановна: Развязывай мешок. Посмотрим, какой это черт.

(Развязывают мешок)

Батюшка: Вы что задумали, ироды!? Изничтожить меня решили? А ну брысь отсюда! Во-он! *(Попадье)* Родного мужа чуть не утопила, дура! Или я на черта похож? Пошли домой! *(за руку уводит Попадью)*

Расходятся.

Федор: Настя, стой! Задержись на минутку.

Настя: Что тебе нужно?

Федор: Настя, я дурак!

Черт: (про себя) Дурак, кто с дураком свяжется.

Настя: (Федору) Ты только это хотел сказать?

Федор: Да. То есть нет... Глупо как-то все у нас получилось...

Настя, отмахнувшись, уходит.

Вылезает черт.

Черт: Воистину: голос глупого познается при множестве слов. Кто тебя просил встретить в процесс?

Федя молчит, потупившись.

Черт: Если бы не ты, Батюшка б уже пузыри пустил. Вот бы я разгулялся!

Федор: Не знаю. Как-то само вылетело...

Черт: А перед Настей зачем рассироился? Хитрей надо быть, хитрей!

Федор: А если мне душа хитрить не велит? Ворочается там, понимаешь?

Черт: А где прежде была эта твоя душа, когда за воротник заливал да по бабам шлялся?

Федор: Да я и не знал, что она у меня есть. Пока тебя не встретил. Мне сегодня впервые в жизни стыдно стало.

Черт: Это в какой же момент?

Федор: А вот как Настя над ботвой склонилась и про ребеночка сказала... Белая такая, чистая, ну точно пух, меня как к месту пригвоздило. Думаю, что ж ты, Федька, творишь?..

(Душа зримо трепещет у Федьки под пиджаком)

Черт: Неужто я доброе дело сделал? Душу разбудил. Вот это совсем даже нежелательно.

Федор: Выговор объявят?

Черт: Хуже. В лейтенанты разжалуют. Эх, связался я с тобой! На кой ляд тебе эта душа? Для контакта с женским полом она вовсе ни к чему. Деньги зарабатывать мешает. Болит, беспокоится...

Федор: Заткнись, тварь рогатая!

Черт: Грубая у тебя душонка. Изящества ей недостает.

Федор: Я сам человек простой, как ломоть хлеба. Может, мы по-хорошему разойдемся?

Черт: Э, нет. Уговор наш печатью скреплен *(трогает себя за лоб)*, а ты меня еще под монастырь подвел. Теперь ты точно узнаешь, как с чертом шутики шутить!

Федор: Да я тебя не боюсь!

Черт: А Настю упустить не боишься? Вон она домой поспешает.

Мимо пробегают Настя в сорочке. Платок натянут по самые брови.

Федор: Настя, подожди. Я хочу тебе сказать...

Настя: Бежим отсюда скорей, Федя. Что-то страшно мне!

Федя устремляется за Настей.

Федор: Настя, куда же ты?

Настя: В лес, на заимку, там и поговорим.

Федя: Да что с тобой случилось, Настя?

Во всю сцену вырастает большая кровать на высоких ножках.

Настя (забирается на кровать, садится спиной): Иди ко мне, Федя. Иди скорей!

Федя забирается на кровать.

Настя: (расчесывает волосы, по-прежнему спиной) Скажи, Федор, а ты женат?

Федор: Нет пока.

Настя: Жениться не успел, а врать научился. Я тебя насквозь вижу.

Федор: Твоя правда. Осталась у меня в городе жена, так то в городе. А тут ты вся из себя такая...

Настя: Какая?

Федор: Не знаю даже, как сказать. Влюбился я в тебя до смерти...

Настя: До смерти? Тогда не буду больше тебя мучить. Скидывай сапоги, ласки мои тебя поджидают.

Федя снимает сапоги, но тут же натягивает назад.

Федор: Носки у меня дырявые...

Настя: А ты и носкиними. Я их с утра-то заштопаю.

Федя остается босым.

Настя: И пиджакними, не стесняйся.

Федор: Настя, а это... поцеловать тебя можно?

Настя: Еще бы!

Федя заключает Настю в объятия, Настя страстно его целует, однако Федя резко отстраняет ее.

Федор: Ты кто? Ты не Настя! У тебя глаза черные!

Настя: Агата я, бедная вдовушка.

Федор: А Настя где?

Агата: Обознался, мил человек, темно на дворе-то. Ну, иди сюда, мой ненаглядный! Не этого ли ты хотел?

Федор: (через паузу) Нет.

Агата: Настя — мужняя жена, а я вдовушка. Или не сладкие мои поцелуи?

Федор: Чертовка ты! Ведьма!

Часы бьют полночь, слышится стук в дверь.

Федор: Это еще кто?

Агата: Это муж мой покойный пришел. Увидит — несдобровать тебе. Прячься поскорей под кровать.

Федор ныряет под кровать. Кровать откидывается назад, превращая все пространство сцены в пространство под кроватью. Федор сидит ни жив ни мертв. Слышатся тяжелые шаги и голоса.

Агата: Пришел, родимый?

Покойник: Еле ноги приволок.

Агата: А по мне соскучился ли?

Покойник: Ой, милая. Весь день в гробу как на иголках извертелся, едва ночи дождался. Ну, ложись рядом, ненаглядная.

Слышно, как тела ложатся на кровать. Звуки страстных поцелуев. Под кровать падает некий предмет. Федор поднимает его. Это глаз.

Агата: Ой, милый, у тебя глаз выпал.

Покойник: А мне уже и не жалко. Ты ведь меня и без глаза любишь, верно?

Агата: Верно, милый. Что свое, то и красиво.

Под кровать падает ухо.

Агата: Ой, родной, у тебя и ухо отвалилось.

Покойник: А зачем оно мне? Я все равно уже умер. А ты меня и без уха любишь, верно?

Агата: Верно, родной, верно. Я тебя и без уха люблю.

Кровать скрипит. Вниз сыплются зубы.

Агата: Ой, милый, ты весь синий какой-то.

Покойник: Пускай синий, ты ведь меня и синего любишь.

Агата: Люблю, родной, люблю.

Покойник: Вот и славно. Давай же наконец делом займемся, Агатушка, а то уже неумогу. Весь день в гробу ворочался, до того хотелось. Где там у тебя...

Агата: Да тут, милый, тут. Али уже и память отшибло?

Покойник: Отшибло, да не всю. Чего-чего, а это я помню, мимо не проеду.

Под кровать падает полено.

Покойник: Да, женушка. Мимо не проеду, только где ж оно у меня?

Агата: Что?

Покойник: Да вот это самое. Куда девалось-то? Подожди, я лампу зажгу.

Слышно, как покойник плачет.

Агата: Что ты плачешь, синенький мой?

Покойник: Как не плакать. Он же отвалился.

Агата: Не печалься, милый. Я знала, что скоро отвалится. Я ему замену припасла.

Покойник: Какую еще замену?

Агата: А загляни под кровать — увидишь.

Шаги. На заднем плане появляются огромные синие ноги.

Слышно, как покойник со скрипом сгибается, чтобы заглянуть под кровать.

Федор, собравшись с духом, кукарекает. Покойник орет.

Покойник: Ой, беда, Агатушка.

Агата: Что такое?

Покойник: Опоздал я на кладбище. У нас переключка каждое утро! Ой, что теперь будет!.. *(убегает)*

Кровать принимает прежнее положение.

Агата: Иди ко мне, Феденька. Он теперь долго не явится. Иди ко мне, ублажу тебя.

Федор: Ну уж нет. Не надо мне такой ласки. *(Лихорадочно ищет дверь)*

Агата: Что ты стены шупаешь, родненький?

Федор: Дверь ищу.

Агата: Нет, миленький. Была дверь, да пропала. И тебе пропасть суждено. Я сперва из тебя кровь выпущу, а завтра твоей кровушкой мужа напою, у него все и прирастет обратно.

Федор: Господи помилуй! *(нятится к стене)* Или мне все это кажется?! Ну, конечно, мне это кажется. Тебя же просто не существует! Тебя нет, а я пьяный лежу под скамейкой!..

Затемнение.

Картофельное поле. На краю лежит поверженная душа Федора.

Митька и Попадья подсчитывают картошку, не замечая души.

Попадья: ...И нет никакого преимущества у человека перед этой картошкой: из праха в прах, как Батюшка говорит...

Митька: Брось ты свою метафизику. Сколько там выходит?

Попадья: Сорок ведер на сотку.

Митька: По нашей области средний показатель — двадцать пять, редко тридцать ... Вот, у меня даже стихи сложились:

Как по заказу нынче уродилось
В деревне нашей на гектарах ста
Народонаселению на диво
Ведро картошки с каждого куста!

Попадья: Человеку еще поучиться нужно у этой картошки.

Митька: Плодовитости?

Попадья: Нет, смирению. Думаешь, зачем я с этой картошкой вожусь?

Митька: Чтоб оптимальный размер участка вычислить.

Попадья: Это само собой. Но я вот что еще понять хочу: картошка в земле плодится, деткам тело свое отдает, а сама умирает. Зачем? Чтобы деток сразу в ведро, а потом шкуру содрали, и в кипяток...

Митька: Замолчи, я сейчас заплачу.

Попадья: Картошка долготерпит, не превозносится, не ищет своего... Она смиренно размножается дальше, потому что терпеть умеет. А люди — нетерпеливы! Митька, ты знаешь стихи о нетерпении?

Митька: А то! Скучаю, с нетерпением встречи жду...

Попадья: Нет-нет, я не про это.

Митька: А про что?

Попадья: Про то, что люди хотят много и сразу? Поэтому у них ничего не получается. В отличие от картошки.

Митька: Это будут не стихи, а проповедь! Сама сочиняй.

Попадья: Я не умею. И вообще я толстая и некрасивая. И никому не нужна, кроме Батюшки.

Митька: Так ты только поэтому за него вышла?

Попадья: Ну да. Он же, как Бог, всех любит. Значит, и меня тоже!

Митька: Знаешь, матушка, я тебе скажу...

Попадья: Что?

Митька: Ты ... картофельная Венера. Телом белая и аппетитная, как разваристая картошка. Вот что я давно собирался тебе сказать.

Попадья: А это... плохо?

Приходят Матрена Ивановна и Настя с лопатами.

Усаживают мужей под раскидистую ботву.

Матрена Ивановна: А еще говорят: конец дела лучше его начала. Неправда: тут опять одна картошка.

Митька: Сорок ведер на сотку! Кто б в газету написал? И какая гладкая, розовая, аж в сумерках светит...

Матрена Ивановна: Светит, да не греет. Я не картошку, а мальчика хочу, сорванца...

Настя: Не ворчи, Матрена Ивановна. Рано или поздно...

Из-за пугала осторожно выглядывает Попадья. Крадучись, пытается уйти с поля.

Матрена Ивановна: Эй, гляди кто здесь! Матушка, ты куда?

Попадья: Не выдавайте меня, бабоньки!

Настя: (на ухо Матрене) Может, тоже ребеночка захотела? Думала нас опередить?

Раздается неопределенное мычание.

Настя: Гришка проголодался, видать. Сейчас я тебе накормлю, Гришенька. *(Достает из сумки термос).*

Матрена Ивановна: Не гожий он у тебя, только есть горазд.

Настя: Гожий-не гожий, а все человек. Пропадет без меня.

Матрена: Любишь ты его, что ли?

Настя: А вот люблю!

Муж Матрены тоже неопределенно мычит, требуя внимания.

Матрена Ивановна: Тише! Замрите все! Вроде шевелится кто-то, побряхтывает. Слышите?

Настя: Да кто там шевелится? Это Гришка чавкает или опять заяц.

Матрена Ивановна: Нет, не заяц! Настя, иди быстрее сюда!

Настя: *(оставляет Гришку)* Ой, неужели... Аж сердце защемило.

Матрена Ивановна: Ой, какой славный мальчик, волосики светленькие... *(подбирает Федину душу).*

Настя: Ну, поздравляю, Матрена Ивановна. Ты ребеночка нашла — значит, он твой. Можно мне только его на руках поддержать? Ой! Он вроде закончил и не дышит.

Матрена Ивановна: Ты что говоришь? *(забирает ребеночка, целует в темя)* Как это не дышит? Дышит он, ножками шевелит. Замерз просто, малышка. Сейчас отогреем.

Настя: Слава Богу! Мы его отмоем, молочком напоим...

Матрена: Сыночек мой. Синеглазый. Ходить научишься — сандалики тебе куплю. Гляди, Санька, радость у нас какая!..

Митька: Синеглазый, говоришь? На кого похож?

Попадья: На картошку! Такой же крупный.

Настя: И такой же грязный. Сейчас я личико ему оботру. У меня в термосе горячая вода есть.

Прибегает черт в фуражке участкового и со сковородкой.

Черт: Эй, вы... Я тут душу одну ищу. Не видали случая?

Матрена Ивановна: Есть у нас живая душа. Вон какая сладенькая.

Черт: Отдай ее мне, Матрена Ивановна.

Матрена Ивановна: Еще чего захотел. Ребеночек, чай, не безродный. Мой кровный сыночек.

Черт: Да гляди, какой он грязный! Зачем тебе такой?

Матрена Ивановна: Картошка тоже на свет замаранной появляется. А мы нашего малыша домой отнесем, отмоем, будет беленький, как ангелок.

Санька: *(кукла подает голос)* Только хлорки в таз не сыпь.

Черт: Эту грязь и хлорка не возьмет. По-хорошему отдай, Матрена Ивановна.

Матрена Ивановна: Не отдам!

Черт: Тогда будет по-плохому!

Настя: Драться полезешь? Так мы сдачи дадим! (*подбирает мужа, замахи-
вается им как топором*) Вот сейчас как двину!

Черт: Только попробуй!

*Настя машет мужем над головой Черта и сбивает милицейскую фуражку.
Под ней обнаруживаются рога.*

Настя: Ой, это что?

Митька: По виду рога козлиные, точнее не определю видовую принадлежность...

Матрена Ивановна: Да и тащит козлом от нашего участкового.

Попадья: Какой же это участковый? Это... сам черт!

Матрена Ивановна: Да вон же и копыта!

Митька: Это черт! Хватай его!

(гоняются за чертом)

Появляется Батюшка.

Батюшка: Матушка, что же ты все бегаешь от меня?

Попадья: Не мешай, мы черта ловим.

Батюшка: Как? Опять?

Митька: Теперь точно черта! С копытами, с рогами!

Батюшка: Дайте же мне и посмотреть! Ни разу живьем не видел!

Митька: Слева заходи! Ах, ты!

Черт, выпустив дым и пламя, проваливается под землю.

Митька: Вот черт, упустили!

Батюшка: Черта видел — теперь бы на ангела поглядеть. А там и помирать можно.

Матрена Ивановна: Погоди помирать, батюшка. Ангелочка мы тебе сейчас покажем. Гляди, какая радость у нас.

Батюшка: Это кто же такой будет?

Матрена Ивановна: Сынок мой.

Митька: Синеглазый, морозостойкий, селекционного сорта.

Настя: Окрестить бы надо, батюшка.

Батюшка: За чем же дело стало? Как назовем ребеночка?

Попадья: А пускай Федор будет. По-гречески «божий дар».

Митька: Не божий, а картошкин.

Матрена Ивановна: Да хоть и картошкин, все равно любить буду. Феденька. Сыночек мой!

Настя: Еще бы мне такого сыночка найти!

Батюшка: А ну получше поищите в ботве! Картошка по одной яголке не плодоносит.

Митька: Это точно!

СВОЮ СВОБОДУ РЕАЛИЗОВАЛ

Среди пишущих-сочиняющих людей Петрозаводска Вася Фирсов был, пожалуй, одним из самых свободных. Понятно, что нельзя жить в обществе и быть свободным от его законов, поскольку мы связаны с материальными и нематериальными объектами окружающего мира, а также с людьми из нашего прошлого и настоящего тысячами нитей. И зачастую эти нити дергаем не мы. То есть, мы больше зависимы, нежели свободны. Но можно сократить число зависимостей, сократив потребности. Хотя бы на социально-бытовом уровне. Что Вася и сделал.

Представим на миг, что Фирсов решил пожить как все, задвинул куда подальше свой творческий гений и поставил цель соответствовать благим пожеланиям и ожиданиям родственников и товарищей относительно построения правильной жизни. Фантазируем дальше. Вася нашел постоянную работу и все силы, пусть даже через не могу, стал отдавать достижению цели. Прошло какое-то время, и у Васи появилась своя квартира, приличный гардероб, семья или подобие оной, может быть, даже дача и машина. Ну, а где сам Вася Фирсов? Вася, ах! А в ответ тишина. Ни Васи, ни сказок. Только смотрело бы стеклянными глазами средне-статистическое существо (*Homo Vinticus*), бывшее когда-то Васей Фирсовым.

Может быть, сам Вася был бы счастливее, если бы попробовал жить как все? Ой, вряд ли. Вот адовы муки ему были бы обеспечены, муки раздвоения, муки ощущения и понимания, что что-то настоящее в тебе отмирает и замещается чем-то надуманным, фальшивым, соевым.

В общем, если трактовать свободу как возможность самому выбирать себе зависимости, то Вася свою свободу реализовал, и в том блажен он.

* * *

*Почему Вася Фирсов в пике?
Потому что он много бухает
и по жизни летит налегке,
ест и спит — на своей же строке.
Может, карма у Васи плохая?*

*Но порою заточит перо,
вместо выпивки высвистит прочерк,
улыбнется вселенной хитро
и полетит на лист серебро
удивительных Васиных строчек.*

ДВЕНАДЦАТАЯ ТЕТРАДЬ

В последний год жизни Фирсов неоднократно сетовал, что не может найти двенадцатую рукописную тетрадь со сказками (всего же тетрадей — 14) — где-то, мол, затерялась. А затеряться ей было легко, потому что, опасаясь за сохранность рукописей у себя дома (на старой Кукковке), он хранил их в разных местах. В том числе и в родительском доме в деревне Нижняя Водлица. Там она и нашлась вместе с другими бумагами и книгами.

Дмитрий Москин

Тетрадь №12

1. Что серо, то и волк
2. Смекалистый Боря
3. Пармен и разбитая посуда
4. Дядя Филат подарил пару утят
5. Невозмутимый Самсон
6. Иван и долги
7. Где река, где рожь...
8. Жалостливый Никитушка
9. Предусмотрительный Пров
10. Кто Петька, кто Кузьма
11. Как волк овцу покупал
12. Или-или, а волка били
13. Сидор-добродел
14. Для чего голова?
15. Как Петька уголёк тушил
16. За бабу дрова
17. Вдвоём или втроём
18. Как Настенька в лесу заблудилась
19. Как мужик Артамон сватать ходил
20. Как волк и лиса из ружья стреляли
21. Проси много, а бери, что дают
22. Как лиса волка в бане парила

**НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ
В ФОНД ВАСИЛИЯ ФИРСОВА
В НАЦИОНАЛЬНОМ АРХИВЕ РК.**

1. Фотографии — 55
2. Личные документы — 34
3. Рукописи ранних произведений: «Смех», «Лёшка», «Подсолнух», «Почтальонша», «Нулевой цикл», «Облако», «Поздравление», «Федя Коровушкин», «Олег и Лёшка», «Солнце село в тучу», «На родимщине», «Экипаж», «Зря или не зря», «Злой Авдей» («Авдей Широглазов»), «Тычки-мотычки», «Двадцать пять рублей», «В отпуске», «Стригунок», «Мужчина», «Федотыч», «Степаныч и Витька»,
«Удивительно серьёзный Подключников».
4. Конспекты книг и статей по литературе и языкознанию — 2 тетради.
5. Книга «Материалы к биографии Василия Фирсова» — 1
6. Исторические и этнографические выписки из старых газет — 2 тетради
7. Машинописные копии ранних произведений: «Кража», «Федя Коровушкин», «Поздравление», «Зря или не зря», «Суточники», «Тычки-мотычки».
8. Машинописные копии переложений древнерусских произведений: «Сказание об индийском царстве», «Слово о полку Игореве», «Повесть об Акире Премудром», «Моление Даниила Заточника», «Сказание о Борисе и Глебе», «Сказание о походе Игоря» (для детей), «Повесть о страшном и злом воеводе Дракуле», «Повесть о разорении Рязани Батыем».
9. Машинописные рецензии на ранние произведения Фирсова, переписка с газетами и журналами.
10. Рукописные и машинописные статьи о Фирсове.
11. Рукописные черновики рецензий Фирсова, конспекты книг.
12. Рукописные черновики сказок и стихов — 4 тетради.
13. Рукопись киносценария по рассказам В.Шукшина.
14. Машинописное интервью «Интеллигенция и мещанство». 2002г.

БИБЛИОГРАФИЯ (дополнение)

Журнал «Север». 5-6. 2003. Статьи:

- Памятник на обочине
- Владыка Аркадий
- Голова Иоанна
- Таинственная дощечка из Заонежья
- Цесаревич и заонежский былинщик
- Песня об основании Петрозаводска
- Царский орёл на прянике
- Мастера или голь перекатная?
- На парашюте с церковного купола
- Трагедия на корвете «Полтава»
- Шпионаж на Александровском заводе

Альманах «Зорька». Литературно-художественный сборник для среднего и младшего школьного возраста. Петрозаводск. «Карелия». 1989. Рассказ «Как мы со Стаськой места уступали»

Газета «Набат». Петрозаводск. №1. 2000. — «Анатомия террора».

Об Иване Чухине

Газета «Курьер Карелии». 2004. 22 янв. — «Заветное слово».

О писателе Викторе Пулькине

Сказки Фирсова в электронном виде:

- Электронная библиотека авторов Карелии — 30
- В книге «Материалы к биографии Василия Фирсова» — 15
- В журнале «Север». 11-12. 2011. — 10
- В журнале «LiteraruS». №2. 2011 — 4

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие -----	4
Список ранних произведений. (Повести, рассказы, юморески, стихи) -----	5
Отрывки из отзывов и рецензий	
на ранние произведения Василия Фирсова -----	6
В.Н.Фирсов. «Федя Коровушкин». Рассказ -----	8
Фотоколлаж 1. Фотографии и документы Фирсова, связанные с его «деревенским» периодом жизни -----	22
Василий Фирсов о литераторах и литературном труде -----	24
В.Н.Фирсов. «Сказание об индийском царстве». Переложение для детей -----	28
Василий Фирсов на КАМАЗе -----	31
Фотоколлаж 2. Фотографии и документы Фирсова, относящиеся к его работе на КАМАЗе и Онежском тракторном заводе -----	32
Детские стихи Василия Фирсова. (Отрывки из дневника, стихи) -----	34
Д.Н.Москин. «Две жизни Василия Фирсова».	
«Молодёжная газета Карелии». 24-30 ноября 2011 -----	37
В.Н.Фирсов. Рецензия на книгу Н.Рубцова «Последний пароход» -----	39
Юмор Василия Фирсова. (Отрывки из дневника, частушки) -----	40
В.Н.Фирсов. Переложение текста лубка «Как мыши kota погребали» -----	50
Ю.В.Линник. Бандерлог Василий Фирсов -----	53
Д.Н.Москин. Вася-киномеханик -----	59
Фотоколлаж 3. Фотографии и документы, связанные с творчеством Фирсова -----	60
Василий Фирсов о Клюеве -----	62
«Китеж-град» всплывает в Петрозаводске.	
Послушник Николай Клюев, кто он? «Молодежная газета». 14.09.1995.	
Интервью с Василием Фирсовым на тему:	
«Интеллигенция и мещанство». 10.03.2002 -----	68
В.С.Вейкки. Байки о сказочнике Фирсове. Воспоминания -----	79
Об одной несостоявшейся публикации Василия Фирсова -----	82
Фотоколлаж 4. Вечер памяти Василия Фирсова, посвящённый 60-летию со дня его рождения -----	84

П.А. Калинин. Моё восприятие творчества Фирсова -----	86
Василий Фирсов – фокусник -----	89
Д.Н.Москин. Народный эрос в сказках Фирсова -----	91
В.Н.Фирсов. О жизни и смерти. (Отрывки из дневника.)	
Сказки: -----	93
Старик и смерть.	
Старуха и смерть.	
Кума по имени смерть. (По Гансу Саксу).	
Я.Л.Жемойтелите. Время собирать картошку. Пьеса -----	97
А.И.Воронин. Свою свободу реализовал -----	121
Москин Д.Н. О найденной тетради №12	
с рукописями сказок Василия Фирсова -----	123
Новые поступления в фонд Фирсова	
в Национальном архиве РК -----	125
Библиография (дополнение.) -----	126

Научное издание

О раннем периоде
жизни и творчества
Василия Фирсова

Идея книги, набор, дизайн, фото — Д.Н.Москин.

Вёрстка — Е.Б.Кудрявцев.

Рисунок на обложке и заднике — Т.П.Лутовинова.

Рисунок на заднике — Н.В.Трухин.

Все вопросы по поводу
содержания или приобретения книги
по тел.: 8921 7287692

Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «NewtonC».
Тираж 200 экз.